

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№2
2022

ISSN 2079-0295

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 (50) 2022
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 28.12.2018 № 90-р)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru; e-mail: info@anoniapsp.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Подписано в печать 25.06.2022. Формат 70×100 1/16. Объем 17.1875 п. л. Тираж 1000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2022

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турлаковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Грошев Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

- Молчанов Александр Александрович**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».
- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет».
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeyevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia".

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Perm State National Research University".

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexander Vasilievich, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.

Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

Tsybulenko Zinoviy Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

Anisimov Alexei Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University.

Barkov Alexey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Groshev Alexander Vasilievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Dzidzoev Ruslan Mukharbekovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Kuban State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.

Emelkina Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.

Inshakova Agnesa Olegovna, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Kurmanalieva Asel Abylkanovna, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.

Molchanov Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

Morozov Sergey Yurievich, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ulyanovsk State University".

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Law Department of the Institute of Law of Bashkir State University, Professor of the Civil Law Department of Astrakhan State University.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.I. V. Ya. Kikotya.

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В. П. Сельский туризм получил законодательную поддержку.....</i>	<i>14</i>
---	-----------

Актуальные проблемы современного права

<i>Камышанский В. П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики</i>	<i>25</i>
<i>Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Особенности выявления управомоченного отчуждателя цифровых активов</i>	<i>34</i>
<i>Ибрагимов К. Х. Некоторые аспекты соотношения естественного и позитивного права (на примере рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения).....</i>	<i>45</i>
<i>Процевский В. А. Проблемы соотношения частноправового и публично-правового методов правового регулирования гражданских отношений.....</i>	<i>65</i>
<i>Савченко М. С., Опарин В. Н. Становление и развитие дистанционного электронного голосования на выборах в Российской Федерации</i>	<i>75</i>
<i>Бредихин А. Л., Парфенов Н. П. Правовое регулирование уголовной ответственности за взяточничество: историко-правовой анализ</i>	<i>84</i>
<i>Диреганова А. В. Развитие концепции правового плюрализма в западной теоретико-правовой доктрине.....</i>	<i>92</i>
<i>Карданова А. К., Сотникова Ю. Н. Трансформация правоотношений и проблемы привлечения к юридической ответственности в условиях развития информационного общества</i>	<i>100</i>
<i>Микрюков В. А. Пределы аналогии в правовом режиме наименования некоммерческих организаций.....</i>	<i>107</i>

Налетов К. И. Добыча (производство), оборот и использование энергетических ресурсов как предмет правового регулирования	118
Семёнов В. Е., Карданова А. К., Лаута О. Н. Правосознание молодежи XX-XXI веков: сравнительный анализ....	131
Семенуха Т. Б. Преимущественное право на заключение договора на новый срок в институтах аренды и найма жилого помещения	140
Смирнов С. Н., Свистунов А. А. Некоторые организационно-правовые характеристики женского педагогического образования в Российской империи во второй половине XIX века как социального лифта (на примере деятельности Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича)	154
Сотникова Ю. Н., Карданова А. К. Деформация правовой культуры молодежи в условиях современного цифрового пространства	169
Тонков Е. Е., Рассказов В. А. Арест как процессуальная мера в Московском государстве: организационно-правовой аспект.....	175
Хужин А. М., Карпычев М. В. О современной доктрине юридически значимых деяний в сфере частного права	183

Наука и практика стран СНГ

Поляков В. Ю. Теоретико-правовые аспекты консолидированного голосования парламентской фракцией	196
--	-----

Трибуна молодого ученого

Кищенко Е. В. Личные фонды в аспекте реформы наследственного права Российской Федерации.....	207
Кокорева Т. В. Категория «экологическое предпринимательство»: введение в гражданско-правовую доктрину.....	217

Симонян К. Р. Современный нотариат в обеспечении реализации государственной семейной политики в Российской Федерации.....	225
Соколова Д. О. Коррупция в системе Российского правосудия	239
Ткачев Г. Д. О правовом статусе искусственного интеллекта.....	248
Чикин А.В. Структура залоговых правоотношений	257

Contents

Column of the chief editor

Kamyschansky V. P. Rural tourism receives legislative support 14

Actual problems of modern law

<i>Kamyschansky V. P. Some specific features of the registration of the intellectual property rights under the reorganisation of the right holder in the context of the digitalisation of the economy.....</i>	<i>25</i>
<i>Novoselova N. A., Polezhaev O. A. The specifics of identification of an empowered disposer of digital assets</i>	<i>34</i>
<i>Ibragimov K. H. Some aspects of the relationship between natural and positive law (on the example of rational use and protection of agricultural lands).....</i>	<i>45</i>
<i>Protsevskiy V. A. Problems of correlation between private law and public-law methods of legal regulation of civil relations</i>	<i>65</i>
<i>Savchenko M. S., Oparin V. N. The establishment and development of electronic distance voting in elections in the Russian Federation</i>	<i>75</i>
<i>Bredikhin A. L., Parfenov N. P. Legal regulation of criminal responsibility for bribery: an historical and legal analysis</i>	<i>84</i>
<i>Direganova A. V. Development of the concept of legal pluralism in western legal theory and doctrine</i>	<i>92</i>
<i>Kardanova A. K., Sotnikova Y. N. Transformation of legal relations and problems of legal liability in the development of the information society.....</i>	<i>100</i>
<i>Mikryukov V. A. The limits of analogy in the legal regime names of non-profit organisations.....</i>	<i>107</i>
<i>Naletov K. I. Extraction (production), turnover and use of energy resources as a subject of legal regulation.....</i>	<i>118</i>

<i>Semenov V. E., Kardanov A. K., Lauts O. N. The legal consciousness of young people in the XX-XXI centuries: a comparative analysis</i>	<i>131</i>
<i>Semenukha T. B. Priority right to a new term agreement in the institutions of rental and tenancy.....</i>	<i>140</i>
<i>Smirnov S. N., Svistunov A. A. Some organizational and legal characteristics of women's pedagogical education in the Russian empire in the second half of the 19th century as a social lift (on the example of activities of the Tver women's teacher training school named after P. P. Maksimovich).....</i>	<i>154</i>
<i>Sotnikova Y. N., Kardanova A. K. The deformation of the legal culture of young people in today's digital environment</i>	<i>169</i>
<i>Tonkov E. E., Rasskazov V. L. Arrest as a procedural method in the Moscow state: an organisational and legal aspect</i>	<i>175</i>
<i>Khuzhin A. M., Karpichev M. V. The modern doctrine of legally significant acts in private law.....</i>	<i>183</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Polyakov V. Y. Theoretical and legal aspects of consolidated voting by a parliamentary faction.....</i>	<i>196</i>
--	------------

Tribune of a young scientist

<i>Kishenko E. V. Personal funds in the reform of inheritance law in the Russian Federation</i>	<i>207</i>
<i>Kokoreva T. V. The category of ecological entrepreneurship: the introduction into the civil law doctrine</i>	<i>217</i>
<i>Simonyan K. R. The modern notariat in ensuring the implementation of state family policy in the Russian Federation.....</i>	<i>225</i>
<i>Sokolova D. O. Corruption in the russian justice system</i>	<i>239</i>
<i>Tkachev G. D. About the legal status of artificial intelligence.</i>	<i>248</i>
<i>Chikin A. A. The structure of the collateral relationship</i>	<i>257</i>

Колонка главного редактора

Камышанский Владимир Павлович
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
директор Научно-исследовательского института
актуальных проблем современного права (Россия)

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ ПОЛУЧИЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ

RURAL TOURISM RECEIVES LEGISLATIVE SUPPORT

В условиях резкого сокращения в последние годы объема внешнего туризма для россиян существенно возрастает интерес к внутреннему туризму, в том числе и сельскому. Депутаты Государственной Думы Российской Федерации (РФ) 16 июня 2021 г., после длительных обсуждений и дискуссий, приняли в третьем чтении Федеральный закон № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” и статью 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”», посвященный вопросам правового регулирования и развития

сельского туризма в России (далее – Закон о сельском туризме)¹. Данный Федеральный закон вступил в силу с 1 января 2022 г.

В соответствии с положениями указанного Федерального закона его нормы будут распространяться на туристскую деятельность, осуществляемую в сельской местности или в малых городах численностью до 30 тысяч жителей.

Понятие сельского туризма. В ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о туристской деятельности) ряд основных понятий, характеризующих различные аспекты туристской деятельности и видов туризма, дополнен понятием сельского туризма. Согласно этому определению сельский туризм представляет собой «туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг. Деятельность по оказанию услуг в сфере туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством Российской Федерации»².

К полномочиям органов государственной власти РФ в сфере туризма отнесены:

- установление требований к оказанию услуг в сфере сельского туризма;
- установление требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма и сельской местности.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013/ (дата обращения: 20.05.2022).

² Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (с изм. от 02.07.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 20.05.2022).

Поскольку Закон о сельском туризме вступил в силу с 1 января 2022 г., в обозначенный срок Правительство РФ обязано было разработать требования к услугам в сфере сельского туризма и средствам размещения сельских туристов. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что с учетом принятого Федерального закона № 318-ФЗ оказание услуг в сфере сельского туризма могут осуществлять не все граждане, проживающие в сельской местности, а только лица, относящиеся к категории сельскохозяйственных товаропроизводителей. Кто же относится к сельскохозяйственным товаропроизводителям? Обратимся к закону.

Анализ понятия «сельский туризм», получившего прописку в федеральном законодательстве РФ, свидетельствует о том, что сельхозпроизводителю можно заниматься сельским туризмом, если у него есть возможность предоставления услуг по временному размещению и обеспечению временного проживания туристов в принадлежащих ему средствах размещения, организации досуга, экскурсионных и иных услуг.

В соответствии со ст. 4 Закона о туристской деятельности одно из приоритетных направлений государственного регулирования туристской деятельности – поддержка и развитие внутреннего и самостоятельного туризма, организуемого туристами самостоятельно, если содержание туристского продукта формируется не туроператором, а туристом.

Сельхозпроизводители как субъекты туристской деятельности. Согласно ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» сельскохозяйственными товаропроизводителями признаны организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции¹, ее первичную и последующую (промышленную)

¹ См. об этом подробнее: Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, производство, первичную и последующую (промышленную) переработку которой осуществляют сельскохозяйственные товаропроизводители, а также научные организации, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования в процессе своей научной, научно-технической и (или) образовательной деятельности: распоряжение Правительства РФ от 25 января 2017 г. № 79-р (в ред. от 07.03.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211875/d90f48e9d7b9d3a243fab6f34b46e9ca74ee230fb/#dst100007 (дата обращения: 20.05.2022).

переработку, а также (в том числе на арендованных основных средствах) в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством РФ, и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации данной продукции составляет не менее чем семьдесят процентов за календарный год.

Наряду с этим к сельскохозяйственным товаропроизводителям¹ относятся:

1) граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»²;

2) сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»;

3) крестьянские (фермерские) хозяйства в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»³.

Как следует из текста принятого Закона о сельском туризме, иные лица, не входящие в указанный перечень, не могут заниматься предоставлением услуг сельского туризма. По общему правилу, в качестве сельскохозяйственного товаропроизводителя могут выступать лица, обладающие статусом юридического лица или индивидуального предпринимателя. Исключение из этого общего правила составляют граждане, ведущие личное подсобное хозяйство. Согласно ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ личное подсобное хозяйство не является формой предпринимательской деятельности. Оно ведется гражданином

¹ О развитии сельского хозяйства: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/7f3f9c7f0cf173922fa37783b2f49c8fc3d0ce1e/ (дата обращения: 20.05.2022).

² См.: О личном подсобном хозяйстве: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/ (дата обращения: 20.05.2022).

³ О крестьянском (фермерском) хозяйстве: федер. закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/ (дата обращения: 20.05.2022).

или гражданином и совместно проживающими с ним и (или) совместно осуществляющими с ним ведение личного подсобного хозяйства членами его семьи в целях удовлетворения личных потребностей.

Такая деятельность может осуществляться только на земельном участке, предоставленном или приобретенном для ведения личного подсобного хозяйства. Граждане вправе осуществлять ведение личного подсобного хозяйства уже с момента государственной регистрации прав на земельный участок. Регистрация личного подсобного хозяйства не требуется (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»).

На земельных участках, предоставленных в станицах, хуторах, селах, деревнях и иных сельских поселениях для индивидуального жилищного строительства, ведение личного подсобного хозяйства законом не предусмотрено. Данное обстоятельство является также препятствием для сельских жителей, которое не позволяет им осуществлять деятельность по предоставлению услуг сельского туризма.

Для ведения личного подсобного хозяйства используются предоставленный и (или) приобретенный для этих целей земельный участок, жилой дом, производственные, бытовые и иные здания, строения и сооружения, в том числе теплицы, а также сельскохозяйственные животные, пчелы и птица. Полагаем, что все эти объекты могут быть использованы в той или иной мере для формирования и оказания услуг сельского туризма. Единственным основанием прекращения ведения личного подсобного хозяйства служит прекращение права на земельный участок, на котором ведется личное подсобное хозяйство.

Таким образом, горожане и иные граждане получают легитимную возможность комфортного и познавательного отдыха на природе, знакомства с историко-культурным наследием и народными промыслами, приобщения к традиционному сельскому укладу жизни вдали от городской суеты. К тому же они могут познакомиться с жизнью сельхозтоваропроизводителей, безвозмездно принять участие в сельхозработах.

Средства размещения. Для успешного развития массового сельского туризма очень важно иметь четкое представление о требованиях Правительства РФ к средствам размещения туристов в процессе потребления услуг сельского туризма.

Согласно ст. 1 Закона о туристской деятельности средство размещения – это имущественный комплекс, включающий в себя здание или часть здания, помещения, оборудование и иное имущество и используемый для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц.

ГОСТ Р 51185–2014 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования», действовавший с 1 января 2016 г. по 23 декабря 2019 г., устанавливал общие требования к средствам размещения и предоставляемым в них услугам. В декабре 2019 г. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандартом) подписан приказ № 1431-ст от 23 декабря 2019 г. «Об отмене национальных стандартов Российской Федерации»¹, вступивший в силу с момента его подписания. Этим Приказом отменены восемь государственных стандартов, регламентирующих общие требования к различным средствам размещения, в том числе ГОСТ Р 51185–2014 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования» и ГОСТ Р 56641–2015 «Услуги малых средств размещения. Сельские гостевые дома. Общие требования».

Отмена национальных стандартов о средствах размещения обусловлена утратой их актуальности в связи с принятием целого ряда поправок к федеральным законам, имеющим отношение к средствам размещения. Речь идет о внесении изменений в Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», принятии Федерального закона от 15 апреля 2019 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации», запрещающего размещение в жилых помещениях гостиниц и предоставление гостиничных услуг в жилом помещении многоквартирного дома, а также о принятии подзаконного акта в сфере регулирования гостиничной деятельности в России – постановления Правительства РФ от 16 февраля 2019 г. № 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц», устанавливающего обязательный порядок классификации гостиниц, регламентирующего их виды,

¹ Об отмене национальных стандартов Российской Федерации: приказ Росстандарта от 23 декабря 2019 г. № 1431-ст // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstandarta-ot-23122019-n-1431-st-ob-otmene-natsionalnykh/> (дата обращения: 20.05.2022).

категории, требования к категориям гостиниц, требования о достоверности информации о присвоенной гостинице категории¹.

Гостиница является одним из средств размещения, в котором предоставляют гостиничные услуги, предусмотренные положением о классификации гостиниц, утвержденным Правительством РФ. К гостиницам не относятся средства размещения, используемые для осуществления основной деятельности организаций отдыха и оздоровления детей, медицинских организаций, организаций социального обслуживания, физкультурно-спортивных организаций, централизованных религиозных организаций и (или) религиозных организаций, входящих в их структуру.

Очевиден тот факт, что сельхозпроизводителям будет очень сложно для приема туристов в сельской местности ввести в эксплуатацию гостиницу, отвечающую всем многочисленным требованиям к такому средству проживания. Кроме того, Земельный кодекс РФ предусматривает целевое использование земель сельскохозяйственного назначения, что видится вполне логичным и соответствует складывающейся мировой практике в условиях устойчивого роста населения нашей планеты.

Одним из существенных препятствий для легитимизации гостиницы как средства размещения потребителей сельских туристских услуг будет соблюдение вида разрешенного использования земельного участка. Сельхозпроизводителям земельные участки предоставляются из земель сельскохозяйственного назначения или земель населенных пунктов, но для ведения личного подсобного хозяйства. По общему правилу, для осуществления фермерским хозяйством своей основной деятельности ему предоставляют или он приобретает земельные участки сельскохозяйственного назначения (ст. 11 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Помимо необходимости соблюдения разрешенного использования земельных участков сельхозтоваропроизводителю будет затруднительно обеспечить соблюдение требований к

¹ Об утверждении Положения о классификации гостиниц: постановление Правительства РФ от 16 февраля 2019 г. № 158 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902190008> (дата обращения: 20.05.2022).

гостинице и пройти ее сертификацию в соответствии с действующим законодательством с учетом высоких требований к этому средству размещения туристов.

Более того, гостиничные услуги, как комплекс услуг по предоставлению физическим лицам средства размещения и иных услуг, предусмотренных Правилами предоставления гостиничных услуг в России, утвержденными Правительством РФ, могут предоставлять только индивидуальные предприниматели и юридические лица (ст. 1 Закона о туристской деятельности). Это означает, что сельхозпроизводители в лице владельцев личного подсобного хозяйства, а также крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица ввиду своего правового статуса по определению формально уже не могут принимать участие в оказании услуг сельского туризма.

Из этого следует, что для успешного развития сельского туризма сельхозпроизводитель должен обладать правом на размещение туристов в жилых домах, дачных домах, гостевых домах, комнатах в жилых домах, сельских гостевых домах, сельских хижинах, избах, юртах, бунгало и т. п., которые, как правило, относятся к индивидуальным средствам размещения.

Сельский гостевой дом. Для сельского туризма в качестве средства размещения вполне уместным было бы использование сельских гостевых домов. К сельским гостевым домам (сельской усадьбе) могут быть отнесены жилые дома, расположенные в сельской местности, на земельных участках, предоставленных для ведения личного подсобного хозяйства; агротуристские фермы, дома рыбака и охотника, заимки, бунгало и другие малые средства размещения. Конечно, они должны соответствовать требованиям Закона о туристской деятельности, Санитарно-эпидемиологическим требованиям к условиям проживания в жилых зданиях и сооружениях (СанПиН 2.1.2.2645), требованиям иных нормативных актов.

В этой связи, на наш взгляд, развитию сельского туризма будет способствовать принятие Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в статью 77 Земельного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который вступил в силу с 1 марта

¹О внесении изменений в статью 77 Земельного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 299-ФЗ (в ред. от 06.12.2021) // Доступ из справ.-

2022 г. и предоставил право фермерам строить жилые дома на земле сельскохозяйственного назначения, в том числе занятой сельхозугодьями. Это позволит сельхозпроизводителю оказывать услуги по размещению туристов в непосредственной близости от земель, используемых в сельхозпроизводстве.

Законодателем предусмотрены также ограничения, направленные на предотвращение массовой застройки жилыми домами на землях сельскохозяйственного назначения. Они заключаются в том, что на земельных участках крестьянских (фермерских) хозяйств можно построить только один жилой дом (не более трех этажей и общей площадью не более 500 квадратных метров, а площадь застройки не должна превышать 25 % площади земельного участка). Кроме того, законами субъектов РФ могут быть определены муниципальные образования, на территориях которых не допускаются строительство, реконструкция и эксплуатация жилых домов на земельных участках из состава земель сельскохозяйственного назначения, используемых крестьянскими (фермерскими) хозяйствами для осуществления своей деятельности.

Следует иметь в виду, что доходы от туристской деятельности у сельхозпроизводителя не должны превышать 30 % от доходов, получаемых от реализации сельскохозяйственной продукции в течение календарного года, поскольку в противном случае, согласно закону, сельхозпроизводитель утрачивает свой статус и, соответственно, право на оказание услуг сельского туризма. Такое ограничение может создавать определенные проблемы для развития сельского туризма. Нельзя забывать о том, что особенностью деятельности сельхозпроизводителя является сезонность его работы. Производство и реализация сельскохозяйственной продукции в растениеводстве могут занимать три-четыре месяца календарного года. Не каждый год может быть одинаково урожайным, а погодные катаклизмы могут свести на нет все усилия хлеборобов вследствие стихийных бедствий (наводнений, засухи, нападения на посевы саранчи, гибели озимых посевов и т. п.) Поэтому долю годовых доходов сельхозпроизводителя следует рассчитывать от реализации произведенной им продукции и оказания услуг сельского

туризма, включив доходы от сельского туризма в структуру основного дохода от сельскохозяйственной деятельности.

Развитие сельского туризма получает поддержку со стороны государства. Это надо учитывать и пытаться реализовать появившиеся возможности. В частности, приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 10 февраля 2022 г. № 68 «Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма»¹, в соответствии с пунктами 2 и 4 Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на развитие сельского туризма, приведенных в приложении № 12 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717², принят Порядок проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма. В этом нормативном акте указаны порядок направления заявочной документации на отбор, а также перечень документов и требования к заявителям для участия в отборе. Описана процедура проведения отбора проектов развития агротуризма специальной комиссией. Предусмотрены случаи и порядок внесения изменений в проект развития сельского туризма. Определены критерии отбора, а также порядок расчета их значений и присуждения баллов по ним. Прилагаются форма заявки на участие в отборе, форма проекта развития сельского туризма и форма справки о соответствии заявителя требованиям данного порядка. По итогам конкурса победители получают государственную финансовую поддержку на развитие сельского туризма.

¹ Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма: приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 10 февраля 2022 г. № 68 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204290024> (дата обращения: 23.05.2022).

² О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 32. Ст. 4549.

Раздел

Актуальные проблемы современного права

УДК 347.2/.3
ББК 67.404.3

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой

гражданского права

Кубанского аграрного государственного

университета имени И. Т. Трубилина,

директор АНО «Научно-исследовательский

институт актуальных проблем современного права»,

доктор юридических наук, профессор

Российская Федерация, г. Краснодар

vpkam@rambler.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕГИСТРАЦИИ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

**SOME SPECIFIC FEATURES
OF THE REGISTRATION OF THE
INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS UNDER
THE REORGANISATION OF THE RIGHT HOLDER
IN THE CONTEXT OF THE DIGITALISATION OF THE ECONOMY**

В статье рассмотрены некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при прекращении деятельности правообладателя в результате его реорганизации путем присоединения к другому юридическому лицу. Утверждается, что одним из приоритетных направлений развития цифрового права и цифровой экономики в сфере интеллектуальной собственности является переход к электронному документообороту, увеличение степени доступности мировых массивов патентной информации. Автор предлагает активно продвигать идеи развития критической инфраструктуры управления правом интеллектуальной собственности, внедрения блокчейн-технологии в систему регистрации и учета права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности, цифровизация, инновационная экономика, патент, товарный знак, юридическое лицо, регистрация товарного знака.

The article considers some peculiarities of registration of the right to the results of intellectual activity when the right holder terminates its activities as a result of its reorganization through merger with another legal entity. It is argued that one of the priorities in the development of digital law and digital economy in the field of intellectual property is the transition to electronic document management, increasing the degree of accessibility of global arrays of patent information. The author proposes to actively promote the ideas of developing a critical infrastructure for the management of intellectual property rights, the introduction of blockchain technology in the system of registration and accounting of intellectual property rights.

Keywords: intellectual property, result of intellectual activity, digitalisation, innovation economy, patent, trademark, legal entity, trademark registration.

В условиях цифровизации и формирования инновационной экономики во многих странах мира формируется принципиально новый инновационный подход к вопросам поиска и выработке путей экономического роста, основанных на получении, использовании и передаче новых знаний как результатов интеллектуальной деятельности в сфере новейших технологий. В этой связи важнейшим приоритетом в деятельности Роспатента является создание условий для

инновационной деятельности компаний. Роспатент целенаправленно работает с передовыми информационными технологиями, цифровизация всей сферы интеллектуальной собственности в долгосрочном плане определена как приоритетная задача¹.

Одно из приоритетных направлений – переход к электронному документообороту, полная автоматизация формальных проверок заявок и заявлений граждан, увеличение доступности мировых массивов патентной информации, расширение и повышение качества спектра услуг, предоставляемых Роспатентом. Очень важно построить эту работу таким образом, чтобы обеспечить существенный рост интереса отечественных заявителей к инновационной деятельности и повышению патентной активности. С этой целью особенно необходимо создание комфортной среды для заявителей при обращении и подаче заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности в Роспатент, существенное сокращение средних сроков рассмотрения заявок по всем объектам интеллектуальной собственности при сохранении качества экспертизы и уровня государственных услуг, предоставляемых при их регистрации в целом.

Согласно п. 1 ст. 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации признается и охраняется при условии государственной регистрации такого результата или такого средства. В качестве одного из приоритетных направлений развития цифрового права и цифровой экономики выступает переход к электронному документообороту, увеличение степени доступности мировых массивов патентной информации, расширение и повышение качества спектра услуг, предоставляемых Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатентом). Указанная служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере правовой охраны и использования объектов интеллектуальной собственности.

¹ Ивлиев Г. П. Цифровой Роспатент: новые возможности для бизнеса // Экономические стратегии. 2019. № 5. С. 16.

На практике возникают случаи, когда при прекращении деятельности юридического лица путем его присоединения к другому юридическому лицу появляются проблемы относительно продления срока действия исключительного права на товарный знак, принадлежавший ранее присоединенному юридическому лицу, поскольку оно не было перерегистрировано на нового правообладателя и продолжало числиться в Роспатенте за несуществующим юридическим лицом. Возникшая при этом правовая неопределенность стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

Суд по интеллектуальным правам решил оспорить конституционность п. 6 ст. 1232 ГК РФ, согласно которому при несоблюдении требования о государственной регистрации перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации по договору об отчуждении исключительного права или без договора переход исключительного права считается несостоявшимся. В соответствии с п. 1 ст. 1491 ГК РФ исключительное право на товарный знак действует в течение десяти лет с даты подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака. В случае необходимости срок действия исключительного права на товарный знак может быть продлен еще на десять лет по заявлению правообладателя, поданному в течение последнего года действия этого права. По ходатайству правообладателя ему может быть предоставлено дополнительно шесть месяцев по истечении срока действия исключительного права на товарный знак для подачи такого заявления с учетом п. 4 ст. 1491 ГК РФ.

Сложившаяся практика применения Роспатентом указанных положений ГК РФ в их взаимосвязи с п. 6 ст. 1232 ГК РФ исходит из того, что действующий механизм правового регулирования перерегистрации патента на нового правообладателя не допускает одновременного рассмотрения Роспатентом вопросов о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак и о продлении срока действия данного права. Это обусловлено тем, что для обращения с заявлением о продлении срока действия исключительного права на товарный знак обладатель такого права должен предварительно зарегистрировать переход к нему данного права в Государственном реестре товарных знаков. Описанная

практика имеет под собой определенное правовое обеспечение¹. Согласно Административному регламенту предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак (п. 17) в заявлении о продлении срока действия исключительного права на товарный знак его правообладателя указывают в соответствии со сведениями, содержащимися в Государственном реестре товарных знаков.

При таком требовании Регламента будет невозможно в одно действие осуществить продление срока действия права на товарный знак, поскольку в Государственном реестре товарных знаков будут содержаться данные о принадлежности исключительного права на товарный знак юридическому лицу, прекратившему существование в результате присоединения к другому юридическому лицу. В свою очередь, в едином государственном реестре юридических лиц содержатся данные о юридическом лице, являющемся универсальным правопреемником предыдущего правообладателя. Это юридическое лицо должно сначала произвести государственную регистрацию перехода к нему исключительного права на товарный знак. Только после этого оно вправе обратиться в Роспатент по вопросу о продлении срока действия данного права на товарный знак. Именно к такому выводу пришел Конституционный Суд РФ.

Согласно п. 1 постановления Конституционного Суда РФ от 3 июля 2018 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам»² п. 6 ст. 1232 ГК РФ признан не противоречащим

¹ Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак: приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2015 г. № 705 (в ред. от 07.06.2017) (зарегистрирован в Минюсте России 25 декабря 2015 г. № 40240) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191332/ (дата обращения: 23.05.2022).

² По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам: постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля

Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение предполагает следующее:

– при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу исключительное право на товарный знак считается перешедшим к последнему с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица, притом что реализация правомочий, составляющих содержание данного права, в полном объеме возможна только при условии государственной регистрации состоявшегося перехода права в установленном порядке;

– при решении вопроса о продлении срока действия исключительного права на товарный знак по заявлению юридического лица, к которому исключительное право на этот товарный знак перешло в результате реорганизации в форме присоединения к нему другого юридического лица, при отсутствии государственной регистрации его перехода обеспечивается рассмотрение данного вопроса одновременно с вопросом о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак.

Ключевая задача Роспатента в контексте «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года» – обеспечение роста интереса отечественных заявителей к инновационной деятельности и повышению патентной активности. Это предполагает необходимость оказания всесторонней поддержки в создании комфортной среды для заявителей при обращении и подаче заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности в Роспатент.

Суть регистрации результата интеллектуальной деятельности заключается в том, что она позволяет легитимным способом получить возможность заявителю монополизировать собственные уникальные технические решения, внешний вид товара, логотип и др., а значит, создать значительные преимущества перед конкурентами в определенной сфере деятельности. Государственная регистрация отчуждения

исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации по договору, а также государственная регистрация предоставления права использования такого результата или такого средства по договору осуществляется по заявлению сторон договора (п. 3 ст. 1232 ГК РФ).

Заявление может быть подано любой из сторон по договору либо одновременно обеими сторонами договора. В случае подачи заявления одной из сторон договора к заявлению должен быть приложен по выбору заявителя один из следующих документов:

- подписанное сторонами договора уведомление о состоявшемся распоряжении исключительным правом;
- удостоверенная нотариусом выписка из договора;
- текст договора.

В заявлении сторон договора или в документе, приложенном к заявлению одной из сторон договора, должны быть указаны:

- вид договора;
- сведения о сторонах договора;
- предмет договора с указанием номера документа, удостоверяющего исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации.

Основанием для отказа в государственной регистрации интеллектуальной собственности может быть неправильное оформление документации, неверный выбор класса или наличие очень похожих, до степени смешения, брендов в реестрах Роспатента. Для регистрации изобретения ключевым условием является его соответствие критерию «изобретательский уровень», и, если оно им не обладает в достаточной мере, то эксперты Роспатента предложат зарегистрировать этот объект интеллектуальной собственности только в качестве полезной модели.

После получения патента в России правообладатель может выполнить аналогичные процедуры на международном уровне, подав заявки на регистрацию в соответствующие инстанции. Процесс регистрации результатов интеллектуальной деятельности в нашей стране длителен, и он может продлиться до полутора лет. Новейшие цифровые технологии открывают широкие возможности для их применения в процессе регистрации результатов интеллектуальной деятельности в Роспатенте.

Развитие цифровой экономики в России требует дальнейшей модернизации гражданского законодательства и формирования комплексного подхода к решению этой непростой теоретической и практической задачи¹. Следует продвигать идеи развития критической инфраструктуры управления правом интеллектуальной собственности, внедрения блокчейн-технологии в систему учета права интеллектуальной собственности, более плотного взаимодействия рынка с Роспатентом в части обеспечения оборотоспособности объектов интеллектуальной собственности².

С учетом доступности и открытости реестров, содержащих информацию о зарегистрированных результатах интеллектуальной деятельности, средствах индивидуализации и их правообладателях, а также стремительного перехода сферы государственных услуг на электронный формат представляется позитивным внесение в п. 3 ст. 1262 ГК РФ поправки³, предусматривающей изменение формы выдаваемых охранных документов – свидетельства о государственной регистрации в форме электронного документа, а по желанию заявителя – на бумажном носителе. Заявка на регистрацию товарного знака должна включать в себя не только заявляемое обозначение, но и с учетом желания заявителя – его трехмерную модель в электронной форме.

Библиографический список

1. *Ивлиев Г. П.* Цифровой Роспатент: новые возможности бизнеса // Экономические стратегии. 2019. № 5. С. 16–27.

2. *Камышанский В. П.* О цифровых финансовых активах. Колонка редактора // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–19.

3. Цифровизация интеллектуальной собственности // Федеральная палата адвокатов РФ. 2019. 17 октября. URL:

¹*Камышанский В. П.* О цифровых финансовых активах. Колонка редактора // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13.

²Цифровизация интеллектуальной собственности // Федеральная палата адвокатов РФ. 2019. 17 октября. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/tsifrovizatsiya-intellektualnoy-sobstvennosti/> (дата обращения: 23.05.2022).

³О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2020 г. № 217-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4743.

<https://fparf.ru/news/fpa/tsifrovizatsiya-intellektualnoy-sobstvennosti/> (дата обращения: 23.05.2022).

УДК 347.1
ББК 67.404

Л. А. Новоселова
заведующая кафедрой
финансовых сделок и новых
технологий в праве
Исследовательского центра
частного права (ИЦЧП)
имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ,
заведующая кафедрой
интеллектуальных прав
Университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
Российская Федерация,
г. Москва
la-novosiolova@yandex.ru

О. А. Полежаев
доцент кафедры
финансовых сделок и
новых технологий в праве
Исследовательского центра
частного права (ИЦЧП)
имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ,
преподаватель кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
Российская Федерация,
г. Москва
PolezhaevOA@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ УПРАВМОЧЕННОГО ОТЧУЖДТЕЛЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ¹

¹ Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР АААА-А21-

THE SPECIFICS OF IDENTIFICATION OF AN EMPOWERED DISPOSER OF DIGITAL ASSETS

В статье рассмотрены вопросы регулирования отношений, возникающих при формировании гражданского оборота цифровых активов. Авторами выявлены основные теоретические и практические недостатки существующего правового регулирования в аспекте способов выявления обладателей цифровых активов. Проанализированы проблемы в судебной практике, связанные с применением этих инструментов. Доказано, что выявление надлежащего отчуждателя путем указания на возможность совершения им распорядительных действий не оптимально и создает сложности для гражданского оборота. В целях определения обладателя цифровых активов авторы статьи предлагают основываться на других действиях, в том числе предоставляющих возможность установления такого доступа к благу, которое обеспечивает наибольшую полноту фактического господства над объектом.

Ключевые слова: цифровой актив, токен, блокчейн, сделки, управомоченный отчуждатель, распоряжение, доступ, обладание.

The article deals with the regulation of relations arising in the formation of civil turnover of digital assets. The authors identified the main theoretical and practical shortcomings of the existing legal regulation in the aspect of the ways of identifying the owners of digital assets. The problems in judicial practice related to the application of these tools are analyzed. It is proved that the identification of the proper alienator by indicating the possibility of their dispositive actions is not optimal and creates difficulties for the civil turnover. In order to determine the owner of digital assets, the authors of the article propose to rely on other actions, including those providing the possibility to establish such access to the good, which ensures the greatest completeness of the actual dominion over the object.

Keywords: digital asset, token, blockchain, transactions, empowered alienator, disposition, access, possession.

Развитие и постоянное расширение оборота цифровых активов ставит перед правом порядком все новые и новые задачи, успешность решения которых находится в прямой зависимости от понимания в юридическом сообществе сущности и истинной природы цифровых явлений.

Если по состоянию на конец 2010-х гг. главная задача сводилась к необходимости юридического обоснования

121012090143-2 на тему «Гражданско-правовое регулирование отношений по поводу цифровых прав по российскому и зарубежному праву»).

внедрения цифровых сущностей в легальный гражданский оборот, то по состоянию на 2022-й г. этого уже недостаточно. Назрела реальная необходимость в переходе от регулирования статичной части отношений, связанных с цифровыми активами, к отношениям динамичным, опосредующим важнейшую часть гражданского оборота, а именно – движение благ между субъектами. В этой части отечественный правовой порядок испытывает затруднения в большей мере, поскольку при совершении даже простейших сделок с цифровыми активами участники оборота сталкиваются с трудноразрешимой проблемой выявления управомоченного отчуждателя цифрового актива.

Выявление личности управомоченного отчуждателя, отчуждателя имущества по праву, а не по факту, является действием, с совершения которого начинается заключение практически всех значимых сделок. Убеждение приобретателя имущества в том, что он приобретает его у надлежащего субъекта, относится к наиболее важным обстоятельствам, влекущим признание лица добросовестным приобретателем и существенное ограничение возможности истребования у него приобретенного имущества. Однако установление такого значимого обстоятельства затруднено прежде всего из-за отсутствия единого подхода к механизмам передачи цифровых сущностей. Так, согласно п. 2 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), обладателем цифрового права признают лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, предусмотренным законом, обладателем цифрового права будет признано иное лицо¹.

В соответствии с законодательством о цифровых финансовых активах (далее – ЦФА) в качестве надлежащего обладателя ЦФА выступает лицо, не только включенное в реестр пользователей информационной системы, но и обладающее уникальным кодом доступа к благу². В отношении другого вида

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 6301.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер.

актива закон устанавливает, что обладателем утилитарного цифрового права является лицо, получившее цифровое свидетельство, которое в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ является именной бездокументарной ценной бумагой¹.

Очевидная непоследовательность законодателя заключается, во-первых, в том, что, хотя все разновидности цифровых активов, закрепленные в отечественном законодательстве, представляют собой сходные юридические сущности и являются разновидностями цифровых прав, закрепленных в ГК РФ, для их видов вводятся принципиально различные правила. Вместо консолидации вновь созданного юридического института законодатель вводит не соответствующие друг другу нормы, создавая коллизии между ними.

Во-вторых, законодательство значительно сужает сферу правового регулирования отношений, связанных с цифровыми активами, ограничиваясь прямо поименованными в законе цифровыми сущностями. В результате оказываются неурегулированными отношения, связанные с иными цифровыми активами, не относящимися к таким цифровым правам, как ЦФА и утилитарное цифровое право. Не регулируются и отношения по поводу цифровых активов, выпущенных за рубежом.

Очевидным становится тот факт, что закономерным следствием несогласованности при формировании механизмов выявления управомоченного обладателя цифрового права будут проблемы, с которыми столкнется российская судебная практика. Относить эти проблемы к проблемам в будущем пока позволяет то обстоятельство, что в настоящее время под понятие цифровых прав в значении ГК РФ подпадают только объекты, которые могут

закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 19.02.2022).

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 19.02.2022).

быть отнесены к цифровым финансовым активам в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых финансовых активах) либо к утилитарным правам в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о привлечении инвестиций). Указанные объекты пока существуют лишь на бумаге, но использование предложенных законодательством инструментов в действительности потребует детального регулирования вопросов, связанных с подтверждением прав на распоряжение ими.

Как следует из положений п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, обладателем цифрового права признано лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Следовательно, правила информационной системы, в которой создаются, обращаются цифровые права того или иного вида, должны содержать информацию о порядке определения обладателя цифрового права, правилах и форме подтверждения операций и т. д. При соблюдении этих требований значительных затруднений в подтверждении статуса обладателя права, в доказательстве тех или иных юридически значимых обстоятельств не должно быть.

Например, в соответствии с требованиями ст. 6 Закона о цифровых финансовых активах оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, обязан обеспечить возможность восстановления доступа обладателя ЦФА к записям информационной системы по требованию обладателя ЦФА, если такой доступ им утрачен; внесение (изменение) записей о ЦФА на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, в том числе постановления судебного пристава-исполнителя, актов других органов и должностных лиц при осуществлении ими своих функций, предусмотренных законодательством РФ, либо выданного в порядке, предусмотренном законом, свидетельства о праве на наследство, предусматривающего переход ЦФА

определенного вида в порядке универсального правопреемства. На оператора такой информационной системы возложена и обязанность предоставлять по требованию суда содержащуюся в записях информационной системы информацию о ЦФА, принадлежащих их обладателю.

Вызывает вопросы решение законодателя о наделении значительным объемом полномочий организатора площадки по определению юридического содержания отношений, связанных с цифровыми правами и их оборотом. Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ содержание и условия передачи цифровых прав устанавливаются правилами информационной площадки с опорой на принципы, отраженные в действующем законодательстве.

Правила передачи имущества, связанные с основаниями возникновения и прекращения прав, а также его правового режима, в отношении всех известных нам объектов абсолютных прав определяются исключительно законом. Вопросы обладания, передачи имущества и прав на него представляются крайне значимыми не только для участников конкретного отношения, но и иных участников оборота и правопорядка в целом. Именно поэтому в отношении объектов абсолютных прав их содержание установлено исключительно законом.

В подобных условиях наделение полномочиями частного лица, хотя и выполняющего функции не просто по контролю за передачей цифровых прав, формированию правил их отчуждения, но и по определению содержания прав в целом, представляется крайне спорным решением. Главная проблема при определении обладателя цифрового права посредством выявления у него возможности распоряжения заключается в выявлении этой возможности, поскольку понятие «распоряжение» как юридически значимое действие само по себе выступает в качестве предмета многочисленных споров. Для континентального частного права существо правомочия по распоряжению до сих пор остается спорной категорией. В современной доктрине права сформировались два основных подхода: представители первого сводят существо распоряжения исключительно к действиям юридического характера, отрицая возможность совершения фактических действий¹.

¹ Белов В. А. Очерки вещного права. М.: Юрайт, 2015. С. 65–66.

Их оппоненты не ограничивают существо распоряжения действиями юридического характера, допуская возможность распоряжаться посредством фактического (физического) воздействия на вещь как объект права собственности¹. Следовательно, распоряжение не ограничивается действиями юридического характера, поскольку возможность распорядиться вещью (определить судьбу вещи) осуществима и посредством фактического, физического воздействия на вещь как объект права собственности². Следует отметить, что подход, применимый к вещам, представляется справедливым и в отношении цифровых активов, так как многие из них ввиду своей физической природы могут погибнуть экономически и юридически (в случаях утраты уникального кода доступа, который не подлежит восстановлению).

Помимо вопросов о том, какие действия считаются распоряжением, в доктрине не утихают споры и относительно момента распоряжения, о том, достаточно ли для признания акта распоряжения состоявшимся совершения сделки или эта сделка должна быть еще и исполнена. Так, Р. С. Бевзенко доказывает, что правомочие по распоряжению происходит не в момент заключения сделки по распоряжению имуществом, а только в момент передачи этого имущества во исполнение возникшего обязательства³. Сделка влечет возникновение исключительно обязательственной связи и не влияет на положение обладателя имущества. Вместе с тем существует и иная позиция относительно момента совершения распорядительных действий, если распоряжением предлагается признавать момент заключения договора и возникновения обязательства по передаче имущества⁴.

¹ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 28.

² Там же.

³ Бевзенко Р. С. Дополнительное чтение по недействительности сделки. Комментарий к ст. 174.1 ГК РФ. URL: <http://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2017/10/Kommentariy-k-state-174.1-GK-R-Bevzenko.pdf> (дата обращения: 19.02.2022).

⁴ Об этом подробнее см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 ноября 2016 г. № 306-ЭС16-4741 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL:

Выявление управомоченного отчуждателя на протяжении длительного периода человеческой истории – одна из важнейших проблем во всех правовых системах без исключения. В ответ на невозможность полной проверки юридической чистоты сделки и выявления надлежащего отчуждателя имущества предлагалось формировать различные презумпции, предназначенные для защиты гражданского оборота и потенциальных приобретателей.

Так, в обороте на движимые вещи приобретатели полагаются на факт владения отчуждаемым имуществом или, как отмечал И. А. Покровский, нахождения вещи в руках отчуждателя¹. В отношении недвижимого имущества полагаются на записи в реестрах и поземельных книгах. Особый порядок подтверждения прав и их принадлежности существует в отношении различных объектов исключительных прав. Обладатели обязательственных прав требований могут быть выявлены посредством проверки документов, подтверждающих как личность обладателя относительного притязания, так и факт возникновения обязательства, его точное юридическое содержание.

Приведенные случаи и способы выявления управомоченного отчуждателя имущества, в отличие от возможности распоряжения, установленной в отношении цифрового права, являются даящимися обстоятельствами, пригодными к установлению неопределенным кругом лиц. Таким образом, протяженность во времени и публичность приведенных выше событий выступает в качестве эффективного способа выявления управомоченного отчуждателя.

Способы выявления управомоченного отчуждателя классических объектов гражданских прав представляют собой юридические факты-состояния, которые носят явно выраженный пассивный характер. Распорядительное действие – это активное действие, непродолжительное по времени, скорее всего, требующее содействия со стороны третьих лиц. Распорядительное действие как механизм выявления управомоченного субъекта может обладать эффективностью только в отношении действий, носивших ретроспективный характер, но становится полностью

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=480197#dU0iABTvVB10PFiD> (дата обращения: 19.02.2022).

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 14.

непригодным в отношении действий, происходящих в настоящее время или ожидаемых в перспективе. Так, цифровые права, входящие в конкурсную массу банкрота или формирующие имущественную массу должника, могут быть, бесспорно, квалифицированы как принадлежащие должнику исключительно при выявлении распорядительных действий со стороны последнего, который будет всячески воздерживаться от их совершения. Аналогичная ситуация может возникнуть и в налоговых отношениях, поскольку единственный способ для фискального органа доказать, что должник обладает имуществом, входящим в налогооблагаемую базу – это выявить, что последний обладает возможностью распоряжаться цифровым правом.

Ретроспективный характер выявления управомоченных обладателей цифрового права заставляет по-новому взглянуть на квалификацию добросовестного приобретателя цифровых активов в целом. В большинстве случаев лицо, утратившее имущество, обязано доказать, что приобретатель, у которого оно истребуется, был недобросовестным, то есть знал и должен был знать о том, что приобретал его не у законного обладателя.

В отношении оборота цифрового права порядок не вводит подобных требований, говоря не о добросовестном приобретателе, а о законном приобретателе. Следовательно, приобретатель цифрового права в случае возникновения спора не должен доказывать, что он является добросовестным; достаточно доказать законность приобретения, ссылаясь на то, что лицо, передававшее ему имущество, обладало не просто возможностью по распоряжению цифровым благом, но и совершило соответствующее распорядительное действие (это в соответствии с п. 2 ст. 141.1 ГК РФ позволяет признать отчуждателя управомоченным). Тем не менее попытка отечественного законодателя выявлять надлежащих обладателей цифрового права через возможность совершения распорядительных действий могла бы обладать положительными достоинствами в случае признания цифровых прав объектами абсолютных, но не обязательственных прав.

Распоряжение способно выявлять не столько характер права, сколько степень юридического господства субъекта над имуществом, так как распорядительные действия, связанные с передачей имущества третьему лицу, свидетельствуют о наличии

у юридического субъекта значительной степени господства над имуществом, присущего обычно собственнику вещи или любому иному обладателю абсолютного права, распоряжение которым он может осуществлять свободно, без содействия со стороны третьего лица. Представление законодателя об обладателе цифровым правом, свободно распоряжающимся своим имуществом, в п. 2 ст. 141.1 ГК РФ сформировано по аналогии с обладателем вещного права собственности, обладающего наибольшей свободой при распоряжении принадлежащим ему имуществом.

Предложенный законодателем механизм выявления обладателя цифрового права через выявление возможности распоряжения имуществом свидетельствует о том, что цифровые права изначально представлялись аналогичными цифровым активам, закрепляющим обладание имуществом в иностранных правовых порядках и выступающим объектами абсолютных прав. Вместе с тем более перспективным и последовательным механизмом, подлежащим исследованию в настоящей статье, видится механизм выявления обладателей цифрового права через возможность выявления доступа к благу. Совершение действий в отношении любых цифровых активов, основанных на технологии блокчейн, невозможно без обладания доступом к ним. Владение, пользование и распоряжение цифровыми активами – следствие доступа к цифровому благу, возможности извлечения полезности из имущества и определения его судьбы. Именно поэтому факт доступа должен быть основополагающим в вопросах выявления управомоченного обладателя. Факт обладания доступом всегда носит протяженный во времени характер и лицо, обладающее доступом, может быть выявлено не только в момент совершения распорядительных действий. Модель доступа к различным цифровым благам может быть дифференцирована в зависимости от степени технической связи между субъектом и благом: от прямой (знание неповторимого кода доступа, восстановление которого невозможно даже лицом, создавшим актив – *BTC*, *ETH*) до опосредованной (если лицо, создавшее актив, обладает возможностью восстановления авторизованного доступа к активу – *BNB*). Модель построения системы цифровых прав представляет собой известную в отечественном правовом порядке информационную систему, в которой администратор обладает практически безграничным техническим и функциональным контролем и над системой, и над действиями ее пользователей,

включая возможность восстановления авторизованного доступа при установлении тождества личности пользователя и лица, запрашивающего восстановление доступа. При таком подходе обладателем доступа к цифровым правам, имеющим возможность совершать распорядительные действия с ними, можно признать лицо, выступающее пользователем информационной системы, с которым заключен договор. Юридическое регулирование отношений по выявлению управомоченного отчуждателя цифрового права будет строиться с учетом модели отношений по использованию онлайн-банкинга, в которых обладателем всего имущества на счете является лицо, на имя которого открыт счет.

Библиографический список

1. *Бевзенко Р. С.* Дополнительное чтение по недействительности сделки. Комментарий к ст. 174.1 ГК РФ. URL: <http://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2017/10/Kommentariy-k-state-174.1-GK-R.-Bevzenko.pdf> (дата обращения: 19.02.2022).
2. *Белов В. А.* Очерки вещного права. М.: Юрайт, 2015. 332 с.
3. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. 956 с.
4. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.

К. Х. Ибрагимов

академик

Академии наук Чеченской Республики,
главный научный сотрудник
Комплексного научно-исследовательского
института (КНИИ) имени Х. И. Ибрагимова
Российской академии наук (РАН),
профессор юридического факультета
Чеченского государственного университета
имени Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова
7800467@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА
(НА ПРИМЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ)**

**SOME ASPECTS OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN NATURAL AND POSITIVE LAW
(ON THE EXAMPLE OF RATIONAL USE AND
PROTECTION OF AGRICULTURAL LANDS)**

В статье, в том числе на примере рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения, рассмотрены вопросы соотношения естественного права и позитивного права сквозь призму нравственности. Аргументировано утверждение о том, что в истории народов все вопросы о рациональном использовании и об охране земель сельскохозяйственного назначения являлись приоритетными в оценке нравственности как власть предержащих, так и общества, а также отдельного индивидуума. Показано, что и у естественного земельного права, то есть права нравственных оснований, и у позитивного земельного права существует общая цель – установление стабильного земельного правопорядка. Однако средства ее достижения зачастую не совпадают. Проблему во взаимоотношениях этих двух феноменов права составляет то обстоятельство, что продолжительность во времени действия естественно-правовых начал намного дольше, если не вечно, чем позитивно-правовых. Соответственно, естественное земельное право, передаваемое от поколения к поколению, глубинно фиксируется в

сознании человека. По мнению автора, дискуссия относительно первичности естественного или позитивного земельного права может продолжаться бесконечно, но это не прибавит успеха ни для первого, ни для второго в контексте развития. Поэтому с учетом выводов, сделанных в процессе исследования, предлагается решение данной проблемы только в рамках компромисса. Обращено внимание на то, что позитивное земельное право по своей сути неадаптивно, «неуклюже», действует лишь в предзаданных пределах текущей земельно-правовой ситуации и не способно быть эффективным даже при малейших отклонениях от конкретных условий.

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, земли сельскохозяйственного назначения, рациональное использование земель, охрана земель, нравственность, земельный правовой порядок, земельная реформа.

The article, including the example of rational use and protection of agricultural land, considers the relationship between natural law and positive law through the prism of morality. The statement is argued that in the history of peoples all questions about the rational use and protection of agricultural land have been a priority in assessing the morality of both the powers that be and society, as well as the individual. It is shown that both natural land law, i.e. the law of moral grounds, and positive land law have a common goal - the establishment of a stable land order. However, the means of its achievement often do not coincide. The problem in the relationship between these two legal phenomena is that the duration of natural law is much longer, if not eternal, than that of positive law. Accordingly, the natural law of the land, which is transmitted from generation to generation, is deeply fixed in human consciousness. In the author's opinion, the debate about the primacy of natural or positive land law can go on indefinitely, but it will not add to the success of either the former or the latter in the context of development. Therefore, in view of the findings of the research process, it is suggested that the problem be solved only in a compromise framework. Attention is drawn to the fact that positive land law is inherently maladaptive, "clumsy", acts only within the pre-determined limits of the current land-legal situation and is unable to be effective even in the slightest deviations from specific conditions.

Keywords: natural law, positive law, agricultural land, land management, land protection, morality, land law, land reform.

Формированию нравственных начал в обществе, их укреплению и развитию должно уделяться значительно большее внимание, чем это имеет место сейчас... Недооценка этого очевидного факта продолжает приводить к дальнейшему нарастанию правового нигилизма в обществе. ...Категория «нравственность»,

к сожалению, в современной законотворческой деятельности далеко не всегда выступает в качестве социального ориентира при определении правил поведения граждан и юридических лиц... Целый ряд острейших проблем российской экономики упираются в непредсказуемость и несовершенство законодательства. В результате мы постоянно отстаем и принимаем законы, отражающие вчерашний день. К этому следует добавить его бессистемность, противоречивость и несоответствие уровню сложившихся в обществе правовой культуры и правосознания.

В. П. Камышанский¹

Необходимо более пристальное внимание уделять вопросу о роли морали в правовом регулировании общественных отношений в учебниках по гражданскому праву, поскольку без понимания этой роли невозможна качественная подготовка будущих депутатов, судей, адвокатов и пр. Однако нельзя допускать и полного совпадения, слияния права и морали. И дело ... в том, что, когда исчезнут различия между правом и моралью, источником последней станет не общество, а воззрения законодателя. А это грозит серьезными злоупотреблениями.

А. С. Собачкин²

¹ Камышанский В. П. О праве и нравственности в современной цивилистике через призму идей А. И. Петражицкого // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 16.

² Собачкин А. С. Мораль и нравственность в гражданском праве: проблема соотношения, перспективы взаимодействия // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сборник науч.-практ. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 256.

Появление нравственности в использовании и охране земель сельскохозяйственного назначения имеет огромное значение. Ни одно государство и тем более ни один государственный земельный инспектор не будут в силах проконтролировать, добросовестно ли землепользователь¹ выполняет правила охраны и рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, от состояния плодородия которых зависит жизнь и благополучие настоящего и будущих поколений людей, их трудовая занятость. Это – самый важный аспект жизни человечества, который практически полностью зависит от поземельной нравственности землепользователей.

Разъединение и особенно противопоставление позитивного права естественному всегда сопутствовало становлению и развитию диктаторских режимов. Признание критериев естественного права в государстве служит индикатором того, какое место в нем отводится человеку, его основным от рождения правам и свободам, его возможностям быть носителем нравственных оснований права. И в этом смысле естественное право не претендует на заменителя позитивного права, но является исключительно мощным инструментом стимулирования прогрессивного развития последнего, постоянно указывая ему, каким оно в идеале должно быть в тех или иных социально-экономических и политических условиях. С. В. Круглова справедливо отмечает: «Естественное право стало восприниматься как некий критерий нравственного порядка, на основе которого вырабатывается право действительное, но которое правом в полном смысле этого слова назвать сложно. Теория естественного права не является устаревшей и отжившей. Она изменяется вместе с обществом, дополняется новыми положениями и принципами в соответствии с современными демократическими идеями и представлениями. Эта теория оказала огромное влияние на законодательства различных стран, в том числе на законодательство РФ, способствуя

¹ В тексте статьи под землепользователями понимаются все участники земельных отношений, поскольку единственным и абсолютным собственником всех земель нашей планеты является Природа.

распространению гуманистических идей по всему миру, провозглашению идеалов свободы, равенства и справедливости»¹.

К аналогичному мнению пришел и А. В. Шпак: «Только синтез естественного права с позитивным правом позволит преодолеть трудности и выработать общее понимание вещей, а затем и решение правовых проблем, как на постсоветском пространстве, так и во всем мире»².

У естественного права, то есть права нравственных оснований, и у позитивного права существует общая цель – установление стабильного правопорядка. Однако средства ее достижения зачастую не совпадают. Проблему во взаимоотношениях этих двух феноменов права составляет то обстоятельство, что продолжительность во времени действия естественно-правовых начал намного дольше, если не вечно, чем позитивно-правовых. Соответственно, естественное право, передаваемое от поколения к поколению, глубинно фиксируется в памяти человека, можно даже утверждать, что на генетическом уровне. Если и происходят какие-либо существенные флуктуации правовой системы, то нередко это затрагивает естественное право лишь косметически, по форме, почти не затрагивая его содержания.

Позитивное же право может кардинально трансформироваться не только как следствие осуществления в стране революции со сменой политического режима, но и в рамках осуществляемой этим режимом внутренних социально-политических и иных реформ. Поэтому, чтобы в момент революции и в первые годы после нее в стране не наступил хаос, чтобы значительно укротить негативные последствия такого политического надлома, государство постоянно должно наращивать потенциал развития естественного права и его основного каркаса – нравственных оснований этого права. Только это, вероятнее всего, может оказать хорошую услугу органам публичной власти в самом некровопролитном исходе революционного движения народных масс. Выражение «вероятнее всего» не означает, что речь идет о панацее от самого нежелательного проявления революционной анархии. При таком

¹ Круглова С. В. Теория естественного права: генезис и эволюция // Трибуна ученого. 2019. № 7. С. 28.

² Шпак А. В. Базовые основания естественного права постиндустриального государства // Юрист-Правовед. 2011. № 3 (46). С. 67.

скачке в развитии общества в непримиримое столкновение приходят не столько социальные ценности в контексте «добро или зло», сколько однопорядковые ценности в фарватере категорий или «добра», или «зла».

Например, земельная реформа 90-х гг. прошлого века в Российской Федерации (РФ) способствовала тому, что наиболее плодородные, орошаемые и расположенные близко к поселениям, а значит, и к селитебной инфраструктуре, земли государственной собственности бывшего СССР оказались в частной собственности олигархов или чиновников. Естественно, в современной России огромное множество граждан, которые считают, что это – земли их предков, ради которой они отдавали свои жизни и проливали свою кровь, и их необходимо экспроприировать, распределить между россиянами заново и справедливо.

Практически в таком же аспекте об экспроприации земель говорит и другое множество россиян, но они, в отличие от первых, не принимают даже постановки вопроса о новом перераспределении земель и считают справедливым восстановление на эти земли права государственной собственности, как и в бытность советского землепользования с восстановлением титулов постоянного и бессрочного использования земель, или еще до того, – общинного землепользования с частыми, через каждые шесть или девять лет, переделами земель. В любом случае эти две категории граждан России объединяет идея о том, что земли должны быть общенародной собственностью с физическим контролем российского народа над ними, поскольку данный земельный фонд решающим образом лимитирует продовольственную безопасность и трудовую занятость настоящего поколения, а также аналогичные жизненные интересы будущих поколений россиян.

Мысль об исследуемом выше противоборстве внутри одной и той же категории ценностей как нельзя лучше выразил Н. А. Бердяев: «Когда ставятся конкретные вопросы этики, то нужно прежде всего понять, что трудность их разрешения связана с трагическим и парадоксальным характером нравственной жизни. И вот трагизм нравственной жизни ...совсем не в столкновении добра и зла, божественного и дьявольского, трагизм прежде всего в столкновении одного добра с другим добром, одной ценности с другой ценностью – любви к Богу и любви к человеку, любви к

отечеству и любви к близким, любви к науке или искусству и любви и жалости к человеку и т. п.»¹.

Ситуацию возможного дисбаланса между нравственностью и правом допускал еще русский правовед П. И. Новгородцев: «С установлением писаных законов право получило форму общих абстрактных правил поведения. Однако, как бы удачно ни были сформулированы законы, они могут оказаться несправедливыми в применении к отдельным случаям или неудовлетворительными с течением времени. ...Естественное право – это протест против абстрактных постановлений закона; результат обособления права от общей нравственной субстанции, оно есть – стремление сохранить первоначальную связь между нравственностью и правом»².

Дискуссия относительно первичности естественного или позитивного земельного права может продолжаться бесконечно, но это не прибавит успеха ни для первого, ни для второго в контексте развития. Поэтому решение данной проблемы находится только в плоскости компромисса. На этом делают акцент многие ученые-юристы. Например, Н. Е. Богданов пишет: «Необходимо найти компромисс между естественным и позитивным правом, определить само право – как естественное и не противоречащее ему позитивное право, то есть с позиций правотворческой деятельности необходимо закрепить в действующем позитивном праве перечень соответствующих положений самого естественного права, позитивировать его и официально признать»³.

В любом случае подбор нравственных оснований права для эффективного регулирования земельных отношений должен всецело зависеть как от природных условий конкретной территории, так и от веками сформировавшейся этнической земельно-правовой ментальности правообладателей земельных участков. Вероятно, это и является ответом на мучительный вопрос известного русского правоведа И. В. Михайловского: «Где найти истину среди горячих споров о задачах государства, о наилучших формах государственного устройства, об отличии

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. С. 14.

² Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. С. 187.

³ Богданов Н. Е. Историко-теоретический аспект концепции естественного права // Альманах молодого исследователя. 2020. № 9. С. 8.

права от силы или произвола, об отношении между личностью и государством, об отношении между церковью и государством и т. д.»¹.

Нельзя не обратить внимание и на то, что у естественного права круг регулируемых им общественных отношений намного шире, чем у позитивного. Если последнее практически мало может влиять на такие, например, общественные отношения, как этнические, эстетические, межличностные, религиозные, групповые отношения, то критерии естественного права в той или иной степени присутствуют в каждом из них, как и в содержании позитивного права.

Рассуждая категориями Г. Г. Бернацкого, можно утверждать, что естественное, то есть нравственное право, в отличие от позитивного, обладает такими характеристиками, как абсолютность и конкретность. В частности, Г. Г. Бернацкий пишет: «Под абсолютностью естественного права понимается абсолютно точное и полное регулирование общественных отношений. Конкретно же оно потому, что выступает регулятором общественных отношений только в определенных, конкретных условиях»². Например, позитивное земельное право России не конкретно, а относительно, поскольку действие его правовых норм распространяется на все территории, не учитывая как специфику правового сознания землепользователей на конкретной территории, так и специфичные для нее почвенно-климатические условия. Естественное же земельное право учитывает и то, и другое.

Сущностные признаки естественного права Г. Г. Бернацкого можно дополнить такой значимой, на наш взгляд, отличительной доминантой, как адаптивность. Позитивное земельное право по своей сути неадаптивно, «неуклюже», действует только в предзаданных пределах текущей земельно-правовой ситуации и не способно быть эффективным даже при малейших отклонениях от конкретных условий. На это и указывает Г. Г. Бернацкий далее в своем суждении: «Человек сквозь призму права предстает абстрактным субъектом,

¹ Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск: В. М. Посохин, 1914. С. 208.

² Бернацкий Г. Г. Философские свойства естественного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 70.

вырванным из множества социальных связей, которые право не рассматривает. Таким образом, право упрощает и огрубляет реальность, делает ее абстрактной, не рассматривает реальность во всей ее полноте и многообразии. Право стремится восполнить этот пробел: ... однако праву не удастся полностью преодолеть абстрактный взгляд на реальность. И реальность, можно сказать, “мстит” праву за это. Очень часто люди не довольны судебными решениями. Право обвиняют в формализме и “бездушном” отношении к людям»¹.

Нередко это порождает правовой нигилизм в обществе, что порой стимулирует развитие такого негативного социального феномена, как отказ людей защищать свои права на сохранение чести и достоинства и стремление безропотно подчиниться постоянно нависающей над ними силе зла. А. Л. Панищев отмечает: «Действительно, когда в индивиде нет чувства достоинства, в этом случае ему нечего защищать в себе и для него нет смысла в защите государства; а основная задача государства, главным образом, состоит в содействии духовному росту людей, в защите их чести. Бесчестье же приводит к деструкции базовых свойств природы человека, а стало быть, – к вырождению естественного права. В случае же утраты или размывания норм естественного права позитивное право теряет смысл, поскольку ему отныне в природе человека нечего защищать. ... Вне духовной чистоты право деградирует, а законы станут антиправовыми»². В этой связи трудно предположить, что крепостной крестьянин России, не имевший личного достоинства и всецело зависевший от помещика, мог даже помышлять о защите земель от деградации.

В юридической литературе приведено немало мнений исследователей, которые солидарны с данным суждением А. Л. Панищева. Иные из них предлагают меры, направленные на «обеспечение соблюдения естественного права и недопущение его нарушения». Например, С. М. Федоров приводит следующие: 1. Упрощение бюрократических процедур. 2. Ужесточение наказаний за коррупционные правонарушения. 3. Изменение показа стрессовых новостей. 4. Повышение политической грамотности общества. 5. Повышение роли правоохранительных

¹ Бернацкий Г. Г. Указ. соч. С. 74.

² Панищев А. Л. Честь и достоинство человека в свете естественного и позитивного права // Социальная политика и социология. 2011. № 3 (69). С. 262.

органов и суда как способов защиты своих прав. Исходя из опроса Левада-центра, проведенного в ноябре 2019 года, около 65 процентов респондентов никуда не обращались для защиты своих прав, что создает благоприятную возможность для роста беззакония и увеличения злоупотребления властью»¹.

Развитие темы естественно-правовой теории отнюдь не является безобидной для стабильности политической системы, поскольку в ее основе лежат идеи справедливости, равенства и свободы. Последние далеко не совпадают у всех членов социума, которые могут утверждать, что несправедливые законы незаконны по своей сути. И риск распада действующей политической системы высок, если в единую организацию объединится множество людей с крайне радикальными естественно-правовыми взглядами, противоречащими по своей сути идеологии государства. Примером тому может служить партия большевиков под руководством В. И. Ленина, свершившая Февральскую революцию 1917 г.

А. Грин пишет: «Теория естественного права (то есть нравственной природы права) стремится как дать отчет о фактичности права, так и ответить на вопросы, которые остаются центральными для понимания права. Ни один юридический философ не может выступать только как “правовой позитивист”. Вопросы, на которые должен стремиться ответить “правовой позитивизм”, таковы: Какие вещи могут считаться достоинствами права? Какую роль должно играть право в судебном разбирательстве? Какое право может считаться легитимным в контексте нашего законопослушания? Какие законы мы должны иметь? А должны ли мы вообще иметь право?»²

К подобному мнению о предназначении естественного и позитивного права, независимо от мнения А. Грина, пришла А. В. Карнаушенко: «Естественно-правовая теория раскрывает аксиологические и онтологические аспекты права (что, в том числе, позволяет ставить вопросы о моральном статусе того или иного закона, а также осуществлять моральное целеполагание в

¹ Федоров С. М. Проблема реализации естественного права в современном законодательстве // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 74.

² Green L. Legal Positivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2003 Edition) / ed. Edward N. Zalta. Stanford, CA: The Metaphysics Research Lab, 2003. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2003/entries/legal-pos> (дата обращения: 19.06.2022).

юридической сфере). Вместе с тем позитивно-правовой подход решает частные практические вопросы выстраивания нормативной системы, что позволяет рассматривать ее в качестве методологического инструмента для формирования адекватной, непротиворечивой и оправданной с точки зрения социального контекста правовой системы. Поскольку это, по сути, задачи различного порядка, правомерно суждение о том, что естественно-правовая и позитивно-правовая теории на практике не противоречат друг другу, будучи теориями, раскрывающими разные стороны одного объекта»¹.

В другой своей работе Л. Грин совместно с А. Томасом высказывают не менее ценное мнение о позитивном праве, которое не противоречит теории естественного права: «Тот факт, что политика является справедливой, мудрой, эффективной или благоразумной, никогда не является достаточным основанием для того, чтобы думать, что это действительно заслуга закона, и тот факт, что закон несправедлив, неразумен, неэффективен или неосмотрителен, никогда не является достаточным основанием для того, чтобы сомневаться в том, что в этом виновато право»².

В работе Ю. А. Иванова и соавторов³ представлено два спорных, на наш взгляд, положения. Ссылаясь на суждение Э. Левинаса о том, что «благо не является объектом выбора», они утверждают, что моральный потенциал общества не зависит от политики. Правомерно было бы данную мысль завершить словами: «...если это не в интересах политики». Ответом на данное мнение может послужить известное изречение Аристотеля: «Политический лидер может быть обязан вести себя дурно, если это необходимо для поддержания его власти»⁴. Более того, один из их соавторов – С. Е. Руженцев – в своей диссертации справедливо отмечает: «В прикладном контексте

¹ Карнаушенко Л. В. Концептуализация преодоления противоречий между теориями позитивного и естественного права // *Философия права*. 2020. № 4 (95). С. 10.

² Green L., Adams T. Legal Positivism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2019 Edition) / ed. Edward N. Zalta. Stanford, CA: The Metaphysics Research Lab, 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/legal-positivism> (дата обращения: 19.06.2022).

³ Иванов Ю. А., Симонова С. А., Матвеев П. Е., Руженцев С. Е. Аксиологическое поле морали и политики // *Гуманитарные ведомости ТГПУ имени А. Н. Толстого*. 2018. № 4 (28). С. 27.

⁴ Панищев А. А. Указ. соч. С. 258.

ценности морали выступают специфическим посредником между политическим деятелем и обществом. Ведь любое отрицание морали неизбежно формирует закрытый способ принятия решений, а также склонность к произволу и злоупотреблениям, что обнаруживается на протяжении всей российской социально-политической эволюции»¹.

Вторым недоразумением цитируемых авторов представляется мысль: «Поэтому любая моральная ценность обретает действенность и получает силу нормы, если она получает согласие всех, кого касается». Нельзя не упомянуть о том, что моральные ценности нацизма были приняты большинством немцев, и они действительно «получили силу нормы». Однако, как только следование данным ценностям привело к войне и жертвам, они превратились в аморальные. В этот момент многие здравомыслящие немцы поставили под сомнение морализаторство Гитлера, но немногие могли осмелиться оказать ему сопротивление, и самым мужественным поступком считалось покинуть под обоснованным предлогом страну.

Таким оказался Себастиан Хафнер, который, будто бы на стажировку, сбежал в Англию. В своей книге «История одного немца» он пишет: «Вначале – самый главный вопрос: кто вы и что делаете в это великое время? (в годы разгула немецкого нацизма, то есть в 1933–1945 гг. – *Прим. авт.*) Я отвечаю так: я тоже по-своему творю великое, ибо великими представляются мне все времена, когда человек, не имея иного выхода, кроме как встать на собственные ноги, несмотря на смертельное давление режима, хоть желая того, хоть не желая, сумел понять, что он – ЛИЧНОСТЬ!»² Далее С. Хафнер продолжает: «Немцы – удивительно терпеливая нация по отношению к любому своему начальнику, и то, что в период фашизма некоторые из них нашли мужество понять, что они – есть личности – это, вероятно, и есть немецкий подвиг!»

И уже следующие слова Бисмарка о немцах гораздо более раскрывают их нравы: «Гражданское мужество, то есть способность принять собственное решение и нести за него

¹ Руженцев С. Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2020. С. 14.

² Хафнер С. История одного немца // Libking.ru. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1138198-sebastian-hafner-istoriya-odnogo-nemca.html> (дата обращения: 19.06.2022).

ответственность, – добродетель в Германии весьма редкая. Но эта добродетель и вовсе покидает немца, стоит ему надеть военную форму. Немецкий солдат и немецкий офицер беспримерно храбрые на поле боя, почти всегда готовые, выполняя приказ начальства, открыть огонь по гражданским своим соотечественникам, становятся трусливыми, как зайцы, если им нужно послушаться начальства. Мысль о каком бы то ни было возражении начальству повергает их в ужас: перед глазами у них сразу же возникает картина позорного расстрела, это лишает их последних моральных сил. Они боятся не смерти, но совершенно определенного рода смерти – и боятся... смертельно. Это обстоятельство делает любую попытку неповиновения, а тем более мятежа военных в Германии совершенно невозможной – пусть страной правит кто хочет»¹.

Политика, как основная опора государства, всегда имела претензионное отношение к морали и нравственности, и будет иметь до тех пор, пока существует государство. В этой связи справедливой представляется точка зрения Ю. О. Маликовой, которая ссылается на суждения Х. Арендт о современном государстве: «Забота о выживании становится высшим смыслом и ценностью, “работа” отдельных его членов описывается в терминах функциональности, а деятельность, направленная на свободу, совершенство и выражение уникальности, допускается лишь в той степени, в какой не мешает функционированию целого (то есть государства. – *Прим. авт.*), следовательно, получает статус маргинального явления, находящегося на грани запрета»².

Ю. О. Маликова приводит особенно значимое в контексте настоящей статьи мнение Х. Арендт о том, что «политика как специфическое – публичное – является полем нравственных отношений людей». Анализируя соотношение современной «политики» и нравственности, исследователь предсказывает конечный результат ее влияния на мораль: «“Политика”, в которой индивидуальность никак не заинтересована, и основной категорией которой становится “масса”, очевидным образом, скорее найдет выражение в тоталитарных формах правления, чем в демократических. С точки зрения общего – выживания

¹ Хафнер С. Указ. соч.

² Маликова Ю. О. Проблема соотношения морали и политики в философии Ханны Арендт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. С. 17.

рода – жизнь отдельного человека, даже в биологическом смысле, не говоря уже о других, обесценивается, и таким образом, такая “политика” всегда будет насильственной»¹.

Тему соотношения политики и нравственности мы затронули неслучайно. В последние десятилетия процесс глобализации в контексте интеграции малых этносов в большее национальное сообщество, детерминирует политику государств, в том числе и России, на упразднение всего национального, в первую очередь этнической нравственности. Острота данной проблемы особенно трагично проявляется сегодня, в условиях военного противостояния России и Украины. Яростное сопротивление многочисленных отрядов украинских боевиков – есть результат 30-летней пропаганды Евросоюза (ЕС) по «раскодированию» прорусской нравственности украинцев и привитию им европейских ценностей. Становится понятным, что до войны могло бы и не дойти, если бы Россией своевременно, с 1991 г., в странах СНГ проводилась контрпропаганда. Но в первые годы реформ у России не было сил уделять этому внимание. Заокеанские инструкторы запретили России иметь какую-либо идеологию. Иными словами, с помощью пятой колонны связали страну по рукам и ногам, чтобы она не могла иметь какого-либо идеологического влияния на бывшие советские республики.

Именно ликвидацию СССР предваряла неуклонная, последовательная работа США по устранению советской нравственности посредством внедрения, казалось бы, таких безвредных западных ценностей, как музыка, джинсы, других элементов своей культуры. С 1991 г. США непрерывно проводили работу по делению россиян на богатых и бедных, чтобы в нужный момент спровоцировать между ними Гражданскую войну. Поскольку это у них не получилось, они спровоцировали конфликт на Украине. На такой вывод наводит и то обстоятельство, что России противостоит не Украина, а блок западных стран в целом, хотя и Украины для России было бы вполне достаточно в качестве достойного противника. С. Хафнер в упомянутой его книге отвечает немцам, сомневающимся в победе Германии: «Разве “мы” не оккупировали Украину (имеется ввиду 1941–1945 гг. – *Прим. авт.*), где есть все необходимое для продолжения войны до победного конца?» Причем, до победного

¹ Маликова Ю. О. Указ. соч.

конца против куда более сильного противника, чем Россия, – СССР!

Однако невозможно обойти вниманием вывод С. Хафнера о предвоенной Германии: «Очень многое позднее содействовало нацизму, а также модифицировало его сущность. ... Поколение настоящих нацистов – люди, родившиеся в десятилетие между 1900 и 1910 годом, воспринимавшие войну вне ее реальности, как большую, захватывающую игру. Но здесь, в этом детском переживании, лежит его исток – именно не во фронтовом опыте немецкого солдата, а в переживании далекой войны немецким школьником». В этой связи возникает вопрос о том, какие впечатления от российско-украинского конфликта останутся в памяти современных украинских школьников.

Продолжим анализ вопроса о современной российской поземельной нравственности. Как указано выше, именно из-за ее стагнации стали возможными массовые случаи нерационального использования и практически полное отсутствие охраны земель сельскохозяйственного назначения. Разве могут эти земли называться охраняемыми, тем более рационально используемыми, если они практически полностью захимичены гербицидами и пестицидами? Представляется, что это стало возможным потому, что с 1990 г. произошел судьбоносный разрыв между общественной поземельной нравственностью и индивидуальной. Из этого следует, что необходимо устранить данный разрыв на основе ликвидации той принудительной самоизоляции землепользователей, которая проведена в России с 1991 г. на основе реализации законов о крестьянском (фермерском) хозяйстве (КФХ), о личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) и др. Каждый из них обязан быть членом общественной организации «Ассоциация землепользователей России» и находиться под ее постоянным воздействием, совершать по отношению к земле такие действия, которые не расходятся с интересами общества. При этом трудно не согласиться с мнением Вольтера: «Благо общества является единственной мерой нравственного добра и зла»¹.

Действительно, только общественная организация «Ассоциация землепользователей России» способна установить, во зло или в добро использует землю определенный

¹ Вольтер Ф. Философские повести. Метафизический трактат. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 269.

землепользователь. На наш взгляд, данное суждение оправдано, если учесть, что основы поземельной нравственности, то есть поземельный нравственный инстинкт, заложены в память человека издревле, настолько с незапамятных времен, насколько человек стал вести оседлый образ жизни, начал пахать и возделывать землю. Поэтому вполне закономерны специфические архетипы моральных суждений о земле у разных людей. Уместно привести мнение И. И. Мечникова: «Многие теоретики считают, что “основа нравственности заключается во врожденном чувстве каждого человека”»¹.

Но, поскольку процесс оседлости по времени не был у всех народов одинаковым, можно предположить, что в памяти рефлексия на бережное отношение к земле у них зафиксирована по-разному. Из этого следует, что общественная организация «Ассоциация землепользователей России», представляющая земледельцев разных народов, а значит, и медианные значения их нравственных представлений об охране и рациональном использовании земли, как нельзя кстати будет способствовать улучшению почвоохранного дела в России.

Между тем некоторые ученые слишком возвеличивают роль нравственного инстинкта в поведении людей. Так, М. Хаузер отмечает: «Наши нравственные инстинкты, получившие развитие, не делают моральные суждения неизбежными. Скорее, они придают акценты восприятию, ограничивают моральные установки и оставляют нас при этом в недоумении, потому что управляющие принципы оказываются глубоко спрятанными в хранилище нашего подсознания»². Если руководствоваться этим вполне фаталистичным суждением, то можно предположить, что землепользователи должны заниматься лишь почвоохранными знаниями, которые генетически передали им пращуры, и ни в коей мере не совершенствовать их. Поскольку последователей теории М. Хаузера (назовем ее «хаузерской теорией». – *Прим. авт.*) в мире множество, это может нанести огромный вред не только землеохранному делу, но и иным сферам человеческой деятельности. Резонным представляется ответ академика Е. П. Каргаполова: «Если моральность человека не растет, то его надо считать инвалидом по аналогии с тем, у кого есть дефекты с физическим здоровьем. Назовем это явление “моральной

¹ Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. С. 117.

² Хаузер М. Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008. С. 35.

инвалидностью". Таких людей надо или лечить, или к ним снисходительно относиться»¹.

Так называемая хаузерская теория направлена против совершенствования экологической морали, которая и является квинтэссенцией в борьбе против деструктивной неэкологичной деятельности человека, будь то в отношении земли, вод, воздуха, лесов или биоразнообразия в целом. В данном контексте правомерна позиция Н. Моисеева: «Мораль – понятие более тонкое, связанное не только с системой нравов, но и с духовным миром человека, его ориентацией на внутренние ценности. От вопросов экологии, технологии, политологии мы неизбежно должны перейти к обсуждению проблем эволюции внутреннего мира человека. Необходимо найти способы такого воздействия на него, чтобы внутренний духовный мир человека превратился в его основную ценность. В этом и лежит ключ к самому главному – сохранению вида *homo sapiens*»².

Выдающийся чилийский писатель и борец за спасение Природы Д. С. Соммер писал: «Опираясь на научные законы и примеры из повседневной жизни, я показал, что мы не живем, как подобает истинным людям, и, интуитивно ощущая это, испытываем тревогу, не зная и не понимая, как достичь счастья, как помочь себе и другим. Чтобы понять это, необходимо хотя бы на время оставить свои предубеждения и освободить слово “мораль” от всех ложных представлений, которые накопились на протяжении истории человечества. На самом деле мораль – это кодекс законов Природы, позволяющий достичь совершенства и гармонии с самим собой и Вселенной»³.

Нам представляется, что основной причиной игнорирования современным человеком законов Природы является не мораль, а подмена моралью нравственности, что можно признать несомненным изъяном большинства жителей стран ЕС. Если нравственность – это внутреннее содержание души, душа человека во всей ее божественной красе и во всем

¹ Каргаполов Е. П. Соотношение морали и нравственности: актуальные вопросы теории // Вестник Академии энциклопедических наук. 2020. № 4 (41). С. 16.

² Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. С. 177.

³ Соммер Д. С. Мораль XXI века // Rulit.me. URL: <https://www.rulit.me/books/moral-xxi-veka-read-374179-1.html> (дата обращения: 19.06.2022).

гармоничном многообразии, то мораль – это лишь форма души, ее внешнее проявление.

Другими словами, мораль – это нередко оружие лицемеров, кого бы они не представляли: США, страны ЕС, большую часть современного человечества или индивида. Беспокоит то, что никогда в истории человечества не было такого очевидного перевеса в пользу лицемеров по их числу. Нельзя не согласиться с мнением академика Е. П. Каргаполова: «Моралью оправдываются войны, убийства, грабежи, ложь и невежество. Как это пытается делать Запад во главе США для оправдания своих геополитических преступлений во всех регионах мира, в том числе развязывает войны против Югославии, Ливии, Ирака, Сирии, осуществляет действия, направленные на изменение существующих строев, убийство лидеров государств (например, нравственное оправдание государственных переворотов в Украине, латиноамериканских и африканских странах)»¹.

Библиографический список

1. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
2. *Бернацкий Г. Г.* Философские свойства естественного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 64–74.
3. *Богданов Н. Е.* Историко-теоретический аспект концепции естественного права // Альманах молодого исследователя. 2020. № 9. С. 7–10.
4. *Вольтер Ф.* Философские повести. Метафизический трактат. М.: АСТ: Астрель, 2011. 748 с.
5. *Иванов Ю. А., Симонова С. А., Матвеев П. Е., Руженцев С. Е.* Аксиологическое поле морали и политики // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л. Н. Толстого. 2018. № 4 (28). С. 27–33.
6. *Камышанский В. П.* О праве и нравственности в современной цивилистике через призму идей Л. И. Петражицкого // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 16–20.

¹ *Каргаполов Е. П.* Указ. соч. С. 11–12.

7. *Каргаполов Е. П.* Соотношение морали и нравственности: актуальные вопросы теории // Вестник Академии энциклопедических наук. 2020. № 4 (41). С. 9–16.

8. *Карнаушенко А. В.* Концептуализация преодоления противоречий между теориями позитивного и естественного права // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 7–11.

9. *Круглова С. В.* Теория естественного права: генезис и эволюция // Трибуна ученого. 2019. № 7. С. 21–28.

10. *Маликова Ю. О.* Проблема соотношения морали и политики в философии Ханны Арендт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 25 с.

11. *Мечников И. И.* Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. 339 с.

12. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Т. 1. Томск: В. М. Посохин, 1914. 632 с.

13. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.

14. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.

15. *Панищев А. А.* Честь и достоинство человека в свете естественного и позитивного права // Социальная политика и социология. 2011. № 3 (69). С. 258–267.

16. *Руженцев С. Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2020. 45 с.

17. *Собачкин А. С.* Мораль и нравственность в гражданском праве: проблема соотношения, перспективы взаимодействия // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сборник науч.-практ. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 252–256.

18. *Соммер Д. С.* Мораль XXI века // Rulit.me. URL: <https://www.rulit.me/books/moral-xxi-veka-read-374179-1.html> (дата обращения: 19.06.2022).

19. *Федоров С. М.* Проблема реализации естественного права в современном законодательстве // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 72–78.

20. *Хаузер М.* Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008. 639 с.

21. *Хафнер С.* История одного немца // Libking.ru. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1138198->

sebastian-hafner-istoriya-odnogo-nemca.html (дата обращения: 19.06.2022).

22. *Шнак А. В.* Базовые основания естественного права постиндустриального государства // *Юрист-Правоведъ*. 2011. № 3 (46). С. 65–70.

23. *Green L.* Legal Positivism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2003 Edition) / ed. Edward N. Zalta. Stanford, CA: The Metaphysics Research Lab, 2003. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2003/entries/legal-positivism> (дата обращения: 19.06.2022).

24. *Green L., Adams T.* Legal Positivism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2019 Edition) / ed. Edward N. Zalta. Stanford, CA: The Metaphysics Research Lab, 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/legal-positivism> (дата обращения: 19.06.2022).

В. А. Процевский
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
viktorprocevs kij@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО
И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕТОДОВ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

**PROBLEMS OF CORRELATION BETWEEN
PRIVATE LAW AND PUBLIC-LAW METHODS
OF LEGAL REGULATION OF CIVIL RELATIONS**

В настоящей статье рассмотрены и проанализированы проблемы соотношения частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений в гражданском праве. Уделено внимание вопросу о влиянии процессов глобализации социума на разграничение традиционных научных суждений применительно к диспозитивному и императивному методам регулирования гражданских правоотношений. Исследованы научные взгляды теоретиков-правоведов, международные и национальные нормативно-правовые акты. Отражен исторический и современный аспект, использован национальный и международный подход к вопросу о частноправовом и публично-правовом регулировании в развитии современного права. Отмечается, что наряду с существующими классическими научными взглядами на установление четких границ между диспозитивным и императивным методами правового регулирования формируются новые, отвечающие современной действительности видения развития частноправового и публично-правового регулирования, которые гармонично дополняют друг друга, и так называемая граница между ними стирается.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, цивилистика, гражданские правоотношения, диспозитивный и императивный метод, частноправовой метод регулирования, публично-правовой метод регулирования.

This article examines and analyses the problems of correlation between private law and public law regulation of social relations in civil law. Attention is focused on the influence of the processes of globalisation of society on the distinction of traditional scientific judgments in relation to

dispositive and imperative methods of regulation of civil legal relations. The scientific views of legal theorists, international and national normative legal acts are investigated. The historical and contemporary aspect is reflected, using national and international approach to the issue of private and public law regulation in the development of modern law. It is noted that along with the existing classical scientific views on the establishment of clear boundaries between dispositive and imperative methods of legal regulation, new visions of development of private-law and public-law regulation, which harmoniously complement each other, are formed and the so-called boundary between them is erased.

Keywords: civil law, civil legislation, civil science, civil relations, dispositive and peremptory method, private law method of regulation, public law method of regulation.

Достижения римского права в его классификации на частное и публичное стало достоянием человечества в процессе развития цивилизаций от изоляционизма к глобализации. В результате развития общества понимание права и правовое регулирование соотношения двух частей целого подвергались циклическому воздействию вместе со всемирно-историческим развитием и локальными особенностями правового регулирования в отдельных странах и регионах.

В России советского периода частное право было сведено практически на нет монопольным публично-правовым регулированием. Распад Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) изменил приоритеты правовой политики российского государства, что способствовало развитию частноправового метода и усиливало его применение. В свою очередь, влияние публично-правового регулирования общественных отношений уменьшалось.

Отсутствие правовой регламентации понятия частной собственности сдерживало развитие частноправового метода регулирования общественных отношений. Конституция Российской Федерации (далее – РФ), которая принята 12 декабря 1993 г., определила фундаментальные положения экономических правоотношений, что предполагало защиту права частной собственности и независимость ее от осуществления государственных задач, способов ведения хозяйственной деятельности.

Дальнейшее развитие частноправового метода нашло отражение, например, в таких нормативно-правовых актах, как Гражданский кодекс (далее – ГК) РФ 1994 г. В начале XXI века в

России принят Федеральный закон от 17 июля 2001 г. «О разграничении государственной собственности на землю». В этот период применялась так называемая псевдолиберальная экономическая модель. В результате произошло сокращение собственности в государственном секторе и уменьшение государственного влияния на характер возникающих экономических отношений. Вместо регулирования экономики государство стимулировало ее коммерциализацию, предпринимательство существовало на основе спекулятивных схем, связанных с распродажей материальных, природных и человеческих ресурсов.

Современная общемировая тенденция правового развития предполагает интеграцию частного и публичного права, процессов их взаимного проникновения, что в юридической науке определяется как конвергенция. Глобальная либерализация общества изменяет правила в современных подходах к правовому регулированию, что усиливает диспозитивный компонент при регламентации гражданских правоотношений. Юридическая наука отмечает тенденции универсализации, унификации, социализации права, стирания границы между частным и публичным правом на основе сочетания императивного и диспозитивного методов правового регулирования¹.

В России большинство ученых-юристов считают, что способ воздействия на общественные отношения присущ каждой отрасли права и соответствует содержанию регулируемых правоотношений, что определяется спецификой установленных правил поведения. С учетом развития социума, процессов информатизации общества и глобализации экономики регулирование отношений в гражданско-правовой сфере требует дальнейшего совершенствования. Методы правового воздействия на социальные отношения устанавливают для субъектов правоотношений правила, предписания, которые в процессе реализации норм права создают субъективные права и обязанности участников определенных общественных отношений.

Распространенным среди ученых-цивилистов является представление о том, что специфика гражданско-правового

¹ Марченко М. Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 5.

метода регулирования таких правоотношений состоит в юридическом равенстве его субъектов. Часто применяется и термин «правовая автономия» сторон, под которым понимается отсутствие власти и подчинения участников этих отношений. Данные суждения раскрывают особенности гражданско-правового регулирования и применяются на практике с целью разграничения гражданского права и смежных отраслей права (например, административного, трудового права, гражданского процесса). В частности, в административных правоотношениях суть выражена в том, что одна сторона наделена властными полномочиями применительно к другой, вследствие этого она управляет и подчиняет волю другого субъекта.

Воздействие на волю любого из субъектов гражданского правоотношения становится возможным лишь при их взаимном согласии, что определено условиями (содержанием) гражданского договора. Например, гражданско-правовой договор купли-продажи исключает, как правило, отношения власти и подчинения субъектов. Следовательно, он регулируется нормами гражданского права.

При несоблюдении соответствующих обязательств участников гражданских правоотношений в ряде случаев возможным видится применение мер принуждения только в целях защиты их прав. Основные способы защиты нарушенных прав сторон в гражданских правоотношениях (виндикационный иск, негаторный иск, возмещение причиненного ущерба) заключаются в восстановлении нарушенного права участников гражданско-правовых отношений, пресечении гражданских правонарушений, в компенсационных выплатах, возмещении имущественного вреда или убытков.

В нормах гражданского права закрепляются определенные меры гражданско-правовой ответственности в виде пени и неустойки, основная цель которых заключается в восстановлении нарушенных прав участников соответствующих общественных отношений. В определенных случаях применяется фактически публично-правовая мера, по сути, конфискация, при которой в пользу государства взыскивается всё имущество, полученное в результате незаконной сделки (односторонняя реституция, ст. 169 ГК РФ).

Особенность принудительных мер, закрепленных в нормах права, состоит в том, что они базируются на принципе свободы воли субъектов указанных правоотношений, так как их цель –

защита и восстановление нарушенных прав сторон, которые проявляются в несоблюдении условий, закрепленных в гражданско-правовом договоре. В отношении нарушителей гражданско-правовых норм суд не имеет права применять установленные санкции по своей инициативе против воли потерпевшей стороны. В ст. 166 ГК РФ содержится правовая норма, устанавливающая исключение из общего правила, согласно которой суд по своей инициативе, в целях защиты государственных интересов, может применить последствия, направленные на признание недействительности ничтожной сделки¹.

Разнообразные по своему характеру правоотношения, являющиеся объектом гражданско-правового регулирования, требуют различного подхода в выборе способов юридического воздействия². Общественные отношения, образующие предмет гражданского права, характеризуются комплексным характером.

Критерии, находящиеся в основе разграничения отраслей права, относятся к характеристике таких правовых понятий, как предмет и метод правового регулирования. Производный характер метода по отношению к предмету гражданского права заключается в том, что вначале возникают общественные отношения, а затем появляется необходимость в их урегулировании. Эта задача реализуется благодаря закреплению правил поведения в нормативно-правовых актах.

Различные суждения, определяющие метод правового регулирования общественных отношений, высказаны учеными в области теории права. В частности, С. С. Алексеев утверждал, что «метод правового регулирования представляет собой совокупность юридических приемов и средств, с помощью которых осуществляется правовое воздействие в данной области отношений»³. А. А. Гончаров полагал, что «для эффективного воздействия на предмет регулирования должны быть

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 6301.

² Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 14.

³ Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 215.

использованы средства, соответствующие природе регулируемых отношений»¹.

Разделяем мнение о том, что нельзя сводить отраслевой метод правового регулирования к одному приему, способу, используемому законодателем в данной отрасли права. Сложность и многогранность предмета гражданского права не позволяет безальтернативно применить лишь один метод правового регулирования. В. Ф. Яковлев утверждает, что «гражданско-правовой метод – способ воздействия на отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон»².

Со времени существования римского права учеными-юристами исследуются диспозитивный и императивный методы правового регулирования. Последний, в отличие от диспозитивного, характеризуется неравенством субъектов правоотношений (власть и подчинение). Первый способ регулирования отношений применяется в отраслях, относящихся к частному праву, а второй – относится к публичному праву.

Диспозитивный метод характеризуется имущественной самостоятельностью, равенством участников правоотношений и автономией их воли. Частноправовой метод регулирования общественных отношений в гражданском праве проявляется в том, что реализовать свою правосубъектность их стороны могут исключительно лишь в тех пределах, которые определены в законе.

Анализируя суть публично-правового метода регулирования, разделяем мнение о том, что «посредством его государство оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений»³. Применение публично-правового метода будет способствовать «согласованию частных и публичных интересов, положительного и естественного права,

¹ Гончаров А. А., Маслова А. В. Гражданское право (части Общая и Особенная): курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 4.

² Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. С. 69.

³ Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. С. 234–235.

прав и обязанностей, свободы и ответственности, чтобы превратить правовую справедливость в действительность»¹.

Особенность структуры имущественных и личных неимущественных отношений, безусловно, оказывает существенное воздействие на их правовое регулирование, что обеспечивает результативность и эффективность функционирования субъектов в таких отношениях. В научной литературе существует мнение о том, что «по содержанию и общей направленности метод гражданского права является предметно-координационным, отражающим специфику модельного гражданского правоотношения, закреплённого в нормах права»².

Считаем, что «координационный элемент, включённый в название метода регулирования в гражданском праве, раскрывается через его функции, направленные на координацию поведения сторон гражданского правоотношения и координацию субъективных прав и обязанностей участников такого правоотношения с соответствующими правилами поведения, закреплёнными в гражданском законодательстве»³. Сущность гражданских правоотношений раскрывается через гуманизм правовых норм. Они носят взаимообусловленный, как правило, двусторонний характер, который проявляется не только в том, что отвечает по своим обязательствам, но и реализует субъективные права. В. П. Грибанов писал о том, что «исковой способ защиты гражданских прав и специфическую форму воздействия на правонарушителя через привлечение его к имущественной ответственности»⁴.

Норма права, в частности абз. 2 п. 4 ст. 421 ГК РФ⁵, подтверждает, что диспозитивность является характерной чертой гражданско-правового метода. Кроме того, существующие правовые нормы допускают возможность применения

¹ Процевский В. А. Частноправовое и публично-правовое регулирование социально-трудовых отношений: монография. Харьков: ХНАДУ, 2012. С. 163.

² Емельянов В. Пределы осуществления гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 15.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2006. С. 32.

⁴ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юрид. лит., 1972. С. 153.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 6301.

императивности в регулировании общественных отношений. Так, п. 1 ст. 223 ГК РФ закреплено, что «право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором»¹. В соответствии с гражданским законодательством «риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором» (ст. 211 ГК РФ)².

Применение публично-правового метода в гражданском праве подтверждается и ст. 426 ГК РФ о публичном договоре. Об ограничении принципа свободы договора свидетельствуют и закрепленные в ст. 428 ГК РФ правовые нормы: «Договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом»³.

Большой объем гражданских отношений регулируется частноправовым, а не публично-правовым методом. Последний применяют, если гражданское законодательство устанавливает четко определенные правила поведения сторон, несоблюдение которых влечет наступление неблагоприятных последствий. Например, в ст. 168 ГК РФ закреплено, что «сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки»⁴.

Сложная экономическая и политическая обстановка, наблюдающаяся в последние несколько лет, активные рыночные процессы диктуют необходимость выработки новых научных подходов и требуют изменения в соотношении частного и публичного регулирования при характеристике гражданско-правовых методов. Дальнейшее движение по пути совершенствования методов гражданско-правового регулирования направлено на изучение и понимание особенностей правового положения субъектов в тех или иных правоотношениях.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Исследование правовой природы методов правового регулирования общественных отношений приводит в современной науке гражданского права к обсуждению дискуссионных вопросов, требующих решения. Последнее подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшего исследования соотношения категорий императивности и диспозитивности.

Вместе с тем сочетание тенденций роста удельного веса в экономике транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп, а также высокого уровня коррумпированности всех уровней власти требует укрепления национального суверенитета, что проявляется в необходимости усиления императивных начал в правовом регулировании определенных гражданских правоотношений. На наш взгляд, следует в дальнейшем уделить больше внимания согласованию частных и публичных интересов, прав и обязанностей, свободы и ответственности, чтобы обеспечить реализацию социальной справедливости в регулировании гражданских правоотношений, на основании новых научных исследований, а также международной судебной и административной практики в целях достижения диалектического единства методов частноправового и публично-правового регулирования.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 565 с.
2. Гончаров А. А., Маслова А. В. Гражданское право (части Общая и Особенная): курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2010. 491 с.
3. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юрид. лит., 1972. 311 с.
4. Емельянов В. Пределы осуществления гражданских прав // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 14–16.
5. Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10–15.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2006. 987 с.

7. *Марченко М. Н.* Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 5–11.

8. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 640 с.

9. *Процевский В. А.* Частноправовое и публично-правовое регулирование социально-трудовых отношений: монография. Харьков: ХНАДУ, 2012. 332 с.

10. *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. 240 с.

**УДК 342.843
ББК 67.400.8**

М. С. Савченко
заведующий кафедрой
государственного и
международного права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор
Российская Федерация,
г. Краснодар
savchenkoa@bk.ru

В. Н. Опарин
доцент кафедры
государственного и
международного права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Российская Федерация,
г. Краснодар
oparin_05@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО
ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE ESTABLISHMENT AND
DEVELOPMENT OF ELECTRONIC DISTANCE
VOTING IN ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье раскрыты вопросы о сущности и особенностях дистанционного электронного голосования как современного способа реализации избирательных прав граждан. Авторами проведен анализ правовых основ данной формы голосования. Сформулировано понятие,

выявлены достоинства и недостатки такой формы. В заключительной части статьи предложены пути эффективного разрешения теоретических и практических проблем, возникающих при проведении дистанционного электронного голосования. Перспектива его применения, согласно выводам авторов, представляется реальной во всех регионах страны, а главное – актуальной для избирателей.

Ключевые слова: выборы, дистанционное электронное голосование, программное обеспечение, интернет, избирательное законодательство, избиратели, избирательная система.

The article deals with the essence and peculiarities of remote electronic voting as a modern way of exercising citizens' voting rights. The authors have analysed the legal basis for this form of voting. The concept has been formulated and the advantages and disadvantages of this form have been revealed. In the concluding part of the article the ways of effective solution of theoretical and practical problems arising in the course of remote electronic voting are proposed. According to the authors' conclusions, the perspective of its application seems real in all regions of the country, and most importantly, it is relevant for the voters.

Keywords: elections, remote electronic voting, software, internet, electoral law, voters, electoral system.

В Российской Федерации (РФ) на протяжении последних десятилетий происходит активная модернизация избирательной системы, направленная на обеспечение эффективной реализации гражданами избирательных прав. Новым способом волеизъявления граждан служит институт дистанционного электронного голосования, позволяющий избирателям принять участие в выборах дистанционно, используя телефон либо компьютер. Это – новая социальная ориентированная технология, целью которой является предоставление возможности принять участие в выборах для максимального числа избирателей, которые не смогут прийти на традиционный избирательный участок.

Введение и применение экспериментального дистанционного электронного голосования впервые прошло в рамках Единого дня голосования 8 сентября 2019 г. на выборах депутатов в Московскую городскую Думу. Для дистанционного голосования избиратель должен был зарегистрироваться на портале государственных услуг *mos.ru*, подать заявление в электронной форме, получить подтверждение и проголосовать, используя технологию «дистанционного электронного голосования». Для проведения такого эксперимента были приняты Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О

проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»¹ и Закон города Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»².

Согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ под дистанционным электронным голосованием понимается голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы. Особенность данного определения состоит в следующих аспектах: бюллетень в привычной избирателю бумажной форме не используется; применяется специальное программное обеспечение (региональный портал государственных услуг города Москвы). В определении, закрепленном в п. 62.1 ст. 2 рамочного Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», под дистанционным электронным голосованием понимается голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением специального программного обеспечения³. Отличие приведенных дефиниций состоит в том, что в последнем не указано конкретное программное обеспечение, применяемое избирателем.

Предлагаем понимать под дистанционным электронным голосованием процесс волеизъявления граждан с использованием

¹ О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: федер. закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 мая.

² О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: закон г. Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2019. 30 мая.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 01.04.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

электронного бюллетеня и применением специального программного обеспечения, доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале сети Интернет. Техническую основу электронного голосования через интернет составляет технология блокчейн. Суть ее заключается в том, что «блокчейн – это децентрализованная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу¹, при этом информация распределяется и хранится на электронных носителях без возможности ее изменения. При применении технологии блокчейн избиратели получают возможность проголосовать при помощи электронных запрограммированных ключей, представляющих собой индивидуальный набор криптографических записей, которые не может получить постороннее лицо. Проведение электронного голосования позволяет мгновенно передавать данные с сервера на конечную точку сбора информации о голосовании. Тем самым традиционный подсчет бюллетеней вручную членами избирательных комиссий заменяется мгновенным подсчетом с помощью автоматизированной системы.

Предложенная нами правовая дефиниция в полной мере отражает сущность и правовую природу дистанционного электронного голосования, а также его практическую особенность. На основании вышеизложенного представляется целесообразным доработать понятийный аппарат в аспекте законодательного закрепления понятия дистанционного электронного голосования и ввести предложенное определение в п. 62.1 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ.

Для проведения экспериментального дистанционного электронного голосования в Московскую городскую Думу было выбрано три избирательных округа из сорока пяти. Мосгоризбиркомом сформулированы следующие критерии безопасности и надежности, которым должен соответствовать аппаратно-программный комплекс: устанавливать и подтверждать личность голосующего; сохранять тайну

¹ Шольц Ю., Шелер Т., Соколов Ю. И., Коцоева В. С., Элькина А. А. Технология blockchain. Принципы работы и перспективы применения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 6. С. 67.

голосования; невозможность внесения каких-либо изменений в полученные данные¹.

При проведении голосования предусмотрена процедура идентификации избирателя, способствующая обеспечению информационной безопасности и тайны голосования. В день голосования каждый избиратель, который был включен в соответствующий список избирателей, получил доступ к бюллетеню при условии ввода специального кода, направляемого при помощи СМС-сообщения на личный номер телефона. На наш взгляд, такой способ передачи информации являлся небезопасным. В частности, в случае кражи СМС-сообщения при помощи стороннего программного обеспечения избиратель мог лишиться активного избирательного права.

Явка на «электронных» участках превысила 92 % во всех избирательных округах, где проходил эксперимент. Дистанционно проголосовали 9 810 московских избирателей². Для первого в истории дистанционного электронного голосования – это значительный результат. По мнению экспертов, итоги эксперимента оказались положительными. Подтверждением этому – социальные опросы, проведенные 29 сентября 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). По данным ВЦИОМ, 66 % граждан поддерживали проведение интернет-голосования на выборах во всех регионах страны; наиболее популярна идея о проведении повсеместного онлайн-голосования среди молодежи. В возрастной группе от 18 до 24 лет 71 % респондентов выступили за то, чтобы разрешить избирателям голосовать удаленно³.

Эксперимент в отношении дистанционного электронного голосования практическое развитие получил в результате проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения

¹ О требованиях к специальному программному обеспечению регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы: решение Московской городской избирательной комиссии № 96/1 от 17 июня 2019 г. // Вестник Московской городской избирательной комиссии. 2019. С. 1–10. URL: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/11500> (дата обращения: 01.06.2022).

² Итоговая явка на выборах в Мосгордуму составила 21,77% // РИА Новости. 2019. 9 сентября. URL: <https://ria.ru/20190909/1558473858.html> (дата обращения: 01.06.2022).

³ ВЦИОМ: больше половины опрошенных россиян выступили за онлайн-голосование на выборах // ТАСС. 2019. 11 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7099353> (дата обращения: 01.06.2022).

изменений, вносимых в Конституцию РФ, которое состоялось 1 июля 2020 г. В соответствии с решением Центральной избирательной комиссии (ЦИК) РФ избирателям Москвы и Нижегородской области предоставлена возможность голосовать дистанционно: первым – на сайте *mos.ru*, вторым – с помощью подтвержденной учетной записи на федеральном портале государственных услуг.

Следует обратить внимание на то, что избиратель, подавший заявление на участие в голосовании дистанционно, мог не воспользоваться данной возможностью, а прийти на избирательный участок. Перед тем, как выдать бюллетень такому избирателю, участковая комиссия при помощи специального сервиса проверяла, не проголосовал ли он дистанционно. Из зарегистрированных 1 190 726 человек москвичей насчитывается 1 051 000, остальные – нижегородцы. Финальная явка на дистанционное голосование составила 93,02 % (в итоге выдано 1 107 648 бюллетеней, принято в систему – 1 090 211)¹. Безусловно, дистанционное электронное голосование имеет ряд преимуществ, к которым обоснованно можно отнести доступность для избирателей, мобильность, оперативность подсчета голосов, экономию денежных средств, выделяемых на организацию и проведение избирательных кампаний.

Дистанционное электронное голосование, согласно решению ЦИК РФ, применялось в Единый день голосования, с 11 по 13 сентября 2020 г., на довыборах депутатов Государственной Думы РФ седьмого созыва по одномандатным избирательным округам: Сеймский – № 110 (Курская область), Ярославский – № 194 (Ярославская область). Используемая система дистанционного электронного голосования разработана в рамках национальной программы «Цифровая экономика» ПАО «Ростелеком» совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Для участия в выборах посредством дистанционного голосования необходимо было подать заявление до 24.00 8 сентября через единый портал «Госуслуги». Доступ к электронному бюллетеню осуществлялся путем введения кода из

¹ Оглашены итоги онлайн-голосования по поправкам в Конституцию // РБК. 2020. 1 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/07/2020/5efccdb09a7947b892449d6a> (дата обращения: 01.06.2022).

СМС, поступающего на номер мобильного телефона, указанного в личном кабинете на портале государственных услуг.

Особенность этих выборов состояла в следующем: если избиратель, подавший заявление на участие в дистанционном голосовании, не отозвал его до 8 сентября, то он не мог получить бумажный бюллетень на избирательном участке. Это сделано для исключения двойного голосования. В Курской области явка среди зарегистрированных избирателей на дистанционное голосование составила 90,59 %, в Ярославской – 91,54 %¹. Данные показатели говорят о доверии к такому способу голосования и его удобстве для избирателей.

На выборах 2021 г. дистанционное электронное голосование охватило семь регионов России. Среди них – города федерального значения Москва, Севастополь; Нижегородская, Ярославская, Курская, Мурманская, Ростовская области. Жители указанных регионов участвовали не только в общефедеральных выборах в Государственную Думу восьмого созыва, но некоторые из них выбирали глав и депутатов как регионального, так и муниципального уровня. Явка на дистанционное электронное голосование в Москве достигла 96,5 %: из 2 014 765 подавших заявление в нем приняли участие 1 943 590 человек, а в целом явка в столице составила 50,3 %, что превышает на 14,58 % показатели на выборах в Государственную Думу седьмого созыва². Такие итоги стали результатом непрерывной работы по повышению прозрачности электорального процесса, его доступности в аспекте внедрения надежных и безопасных современных технологий.

Следует поддержать мнение представителей научного сообщества о том, что дистанционное голосование не исключает возможности различных нарушений и искажений итогов волеизъявления граждан, не обладает абсолютной гарантией

¹ В Курске и Ярославле подвели итоги электронного голосования // РИА Новости. 2020. 13 сентября. URL: <https://ria.ru/20200913/golosovanie-1577183035.html> (дата обращения: 01.06.2022).

² Общая явка в Москве превысила показатели выборов 2016 года // РБК. 2021. 19 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6146fe0f9a79471940675cf1> (дата обращения: 01.06.2022).

защиты¹. Риски связаны со сложностями идентификации пользователей, защищенностью каналов передачи информации, защитой аккаунтов пользователей от взлома. Но практика свидетельствует о наличии подобных проблем при проведении голосования в традиционной форме.

Правовые основы дистанционного электронного голосования только создаются. Апробация новых технологий позволяет определить технические недоработки и усовершенствовать правовое регулирование применения цифровых технологий при формировании представительных органов власти. Перспектива применения на выборах Президента РФ 2024 г. успешно апробированного на федеральных и региональных выборах дистанционного электронного голосования представляется нам реальной во всех регионах страны, а главное – актуальной для избирателей.

Библиографический список

1. В Курске и Ярославле подвели итоги электронного голосования // РИА Новости. 2020. 13 сентября. URL: <https://ria.ru/20200913/golosovanie-1577183035.html> (дата обращения: 01.06.2022).
2. ВЦИОМ: больше половины опрошенных россиян выступили за онлайн-голосование на выборах // ТАСС. 2019. 11 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7099353> (дата обращения: 01.06.2022).
3. Итоговая явка на выборах в Мосгордуму составила 21,77 % // РИА Новости. 2019. 9 сентября. URL: <https://ria.ru/20190909/1558473858.html> (дата обращения: 01.06.2022).
4. Общая явка в Москве превысила показатели выборов 2016 года // РБК. 2021. 19 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6146fe0f9a79471940675cf1> (дата обращения: 01.06.2022).
5. Оглашены итоги онлайн-голосования по поправкам в Конституцию // РБК. 2020. 1 июля. URL:

¹ Столяров В. П., Поломарчук Б. В., Кикимов С. С. Электронное голосование: современное понимание и эволюция подходов // The scientific heritage. 2021. № 81. С. 61.

<https://www.rbc.ru/politics/01/07/2020/5efccdb09a7947b892449dba> (дата обращения: 01.06.2022).

6. Столяров В. П., Поломарчук Б. В., Кикимов С. С. Электронное голосование: современное понимание и эволюция подходов // The scientific heritage. 2021. № 81. С. 60–63.

7. Шольц Ю., Шелер Т., Соколов Ю. И., Коцоева В. С., Элькина А. А. Технология blockchain. Принципы работы и перспективы применения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика 2017. № 6. С. 67–76.

А. А. Бредихин

доцент кафедры истории
государства и права
Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук
Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург
axel_b@mail.ru

Н. П. Парфенов

доцент кафедры математики и
информатики
Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат технических наук,
доцент
Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург
parfenov-nikolai@mail.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**LEGAL REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR BRIBERY: AN HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS**

В настоящей статье рассмотрены вопросы истории и эволюции развития уголовно-правовой ответственности за взяточничество в России. Утверждается, что негативная законодательная оценка взяточничества появляется с возникновением государства. Тем не менее предложено исследовать взяточничество с периода появления термина «взятка», то есть с момента принятия Уголовного уложения 1903 г. Подводя итоги эволюции правового регулирования взяточничества за период с начала XX в. и по настоящее время, авторы выделяют отдельные закономерности: 1) появление правовой регламентации взяточничества совпало с развитием экономических отношений и либеральных реформ в Российской империи; 2) в советском государстве концептуальное понимание взяточничества приспособлялось к существующей общественно-политической системе и наиболее четко обозначилось в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.

Ключевые слова: лихоимство, мздоимство, взятка, взяточничество, получение взятки, дача взятки, посредничество во взятке, Уголовное уложение 1903 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., Уголовный кодекс РФ 1996 г.

This article examines the history and evolution of the development of criminal responsibility for bribery in Russia. It is argued that the negative legislative assessment of bribery appears with the emergence of the state. Nevertheless it is offered to study bribery since the term "bribe" has

appeared, that is since the moment of acceptance of Criminal Code of 1903. Summarizing the results of evolution of legal regulation of bribery for the period from the beginning of XX century up to present the authors allocate separate regularities: 1) occurrence of legal regulation of bribery coincided with development of economic relations and liberal reforms in Russian empire; 2) in Soviet state conceptual understanding of bribery was adapted to existing social and political environment in the Soviet Union.

Keywords: covetousness, bribery, taking a bribe, giving a bribe, mediation in a bribe, Criminal Code of 1903, Criminal Code of the RSFSR of 1960, Criminal Code of the Russian Federation of 1996.

Появление коррупции напрямую связано со становлением государственности, поскольку именно государственно-властной деятельности причиняется вред коррупционными преступлениями. Коррупция – это вид нарушения установленного порядка управления, что иногда ставит под угрозу существование государства как такового. Поэтому борьба с различными видами должностных преступлений актуальна на всех этапах развития государства. Огромную актуальность имеет и правовое регулирование ответственности за коррупционные преступления на том или ином этапе существования российского государства.

Отдельного внимания заслуживает появление специального правового регулирования ответственности за взятничество (дачу и получение взятки). Исторически первым упоминанием о запрете взятки является упоминание в Двинской уставной грамоте 1397 г. о таком деянии, как «посул»: «А самосуда четыре рубли; а самосуд, то: кто изымав татя с поличным, а **посул** себе возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет»¹. Наиболее четко «всеобъемлющие, многократные и не допускающие иных толкований запреты на дачу и получение “посулов”» содержатся в Судебнике Ивана Васильевича 1497 г.². Это подтверждает нашу мысль о том, что с усилением государственной монополии на власть ужесточается и ответственность за коррупционные преступления.

Законодательное закрепление термина «взятка» впервые появляется в Уголовном уложении 1903 г. Ранее, в Уложении о

¹ Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 181, 182.

² Бочкарев В. В. К вопросу о законности «посулов» в древнерусском праве XIV–XV вв. // Вестник «Альянс-Архео». № 3. С. 5.

наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., взяточничество охватывалось терминами «мздоимство и лихоимство». Мздоимство – принятие взятки для дела законного, лихоимство – для дела незаконного¹.

Уголовное уложение 1903 г. обособляло понятие взяточничества от понятия лихоимства (ст. 664, 665). Согласно Уложению «лихоимство есть захват имущества под предлогом закономерности поступления, а взяточничество составляет захват или приобретение имущества заведомо для обеих сторон незаконное»². Уголовное уложение 1903 г. за дачу взятки устанавливает ответственность в ст. 149–150, помещенных в главу 6 «Неповиновение власти», а составы преступлений, связанных с получением взятки, содержатся в главе 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» (ст. 656–661). Таким образом, Уголовное уложение 1903 г. подробно регулировало вопросы привлечения к ответственности за взяточничество. Однако нельзя не обратить внимание и на несовершенство юридической техники, создающее громоздкую систему и разброс норм, связанных со взяточничеством как видом противоправных отношений.

Известные события 1917 г., приведшие к упразднению монархии и установлению советской власти, обусловили появление нового законодательства. Советское законодательство коренным образом отличалось от царского по своим принципам, юридической технике и отраслевой структуре. Концепция советского законодательства была уникальной и самобытной, а составы преступлений определялись исходя из модели советского общества. Поэтому часто соответствующие положения законодательства двух эпох несопоставимы.

8 мая 1918 г. новой властью издан Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве», устанавливающий уголовную ответственность за принятие взятки, дачу взятки, подстрекательство и пособничество. Декрет СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» дополнил вышеуказанный декрет. В

¹ *Финогентова О. Е.* Понятие и ответственность за взятку по уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и уголовному уложению 1903 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 24.

² Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. С. 219–221.

этих декретах сформулирован состав взяточничества как преступления, уточнены ответственность, отягчающие обстоятельства и обстоятельство освобождения лица от ответственности, «если оно своевременно заявит о вымогателе взятки или окажет содействие раскрытию дела о взяточничестве».

Уголовный кодекс (УК) РСФСР 1922 г. в ст. 114 содержит наказание за *получение лицом, стоящим на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица*. Отягчающими обстоятельствами считали особые полномочия принявшего взятку, нарушения им обязанностей службы, а также допущение вымогательства или шантажа. Взяткодатель освобождался от наказания, если заявил о вымогательстве взятки или оказал содействие раскрытию дела о взяточничестве. В ст. 115 указанного кодекса упоминается провокация взятки, то есть *заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку*.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. изменил трактовку составов взяточничества. В понятии получения взятки (ст. 117) уточнено, что это деяние могло или должно было быть совершено лицом «исключительно вследствие своего служебного положения». Отягчающим считается «особое положение» получателя взятки, неоднократность взятки или имеющаяся судимость и применение вымогательства. Дача взятки или посредничество во взяточничестве выделено в отдельную статью (ст. 118). Основанием для освобождения от ответственности во взяточничестве могло считаться вымогательство и немедленное после дачи взятки добровольное заявление об этом¹. Состав провокации взятки воспроизведен в данном случае дословно в сравнении с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г.

Новый этап развития законодательства о взяточничестве в России связан с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., который с теми или иными изменениями действовал до

¹ Уголовные кодексы РСФСР 1926 г.: офиц. текст с изм. на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Государственное изд-во юрид. лит., 1950. С. 86–87.

вступления в силу нового Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) 1996 г. Понятие взяточничества охвачено тремя видами преступлений. Среди них – получение взятки (ст. 173), дача взятки (ст. 174) и посредничество во взяточничестве (ст. 174.1, введенная Законом РСФСР от 25 июля 1962 г.). Провокация взятки уже не выделена в отдельный состав преступления. В УК РСФСР 1960 г. значительно повышены сроки лишения свободы, назначаемые за подобные преступления, однако смертная казнь уже не предусмотрена.

УК РСФСР 1960 г. понимал под взяткой «получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения». Непосредственным объектом взяточничества авторы учебника по уголовному праву предлагают считать «общественные отношения, составляющие содержание нормальной, отвечающей интересам коммунистического строительства работы советского государственного и общественного аппарата»¹.

Понятие «дача взятки» в ст. 174 УК РСФСР 1960 г. не раскрыто, но содержание этого состава преступления проистекает из определения термина «получение взятки». Отличие от ранее действовавшего законодательства заключается в том, что для освобождения от наказания не требовали «немедленного» сообщения о передаче взятки. После вступления в силу УК РСФСР 1960 г. практика правоприменения показала, что целесообразным является выделение особенного состава – посредничества во взятке. Ранее он проистекал из содержания ст. 174 «Дача взятки» УК РСФСР 1960 г. Но посредник, как правило, не является интересантом незаконных действий определенного лица.

Прекращение существования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и трансформация РСФСР из Советской Республики в суверенное государство вызвали необходимость коренного изменения действующего законодательства, которое должно было выстраиваться на новых

¹ Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 4. Часть особенная / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. С. 283.

демократических принципах. Тем не менее УК РСФСР 1960 г. сохранил юридическую силу (с теми или иными изменениями) до 1 января 1997 г., когда вступил в силу УК РФ, принятый в 1996 г.

Относительно взяточничества следует отметить, что УК РФ 1996 г. содержал следующие составы преступлений: получение взятки и дача взятки, провокация взятки или коммерческого подкупа. В новых экономических и политических условиях, когда создавалась прослойка предпринимателей, необходимо было обеспечить интересы бизнеса. Поэтому коммерческий подкуп выделен в отдельный вид коррупционной деятельности.

В ст. 290 УК РФ раскрыт состав такого преступления, как получение взятки, причем дача взятки квалифицировалась следующей статьей – ст. 291 УК РФ. Это говорит о том, что именно получение взятки расценивается в качестве наиболее тяжкого коррупционного преступления, «которое подрывает основы государственной власти и управления, дискредитирует авторитет этой власти в глазах населения, значительно ущемляет законные интересы и права граждан»¹.

Новое понимание термина «получение взятки», представленное в ст. 290 УК РФ 1996 г., гласит: «Получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе». Это определение можно признать более подробным и обширным по сравнению с тем, которое находит отражение в ст. 173 УК РСФСР 1960 г. В частности, устранена лазейка, по которой нельзя было квалифицировать как получение взятки подкуп конкретных должностных лиц в связи с их должностным положением, без явной «договоренности о конкретном ответном действии (бездействии)»².

¹ Завидов Б. Д. Взятничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ): пособие для юристов, работников правоохранительных органов. М.: ПРИОР, 2002. С. 6

² Преступление и наказание: комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова. М.: АО «Де - юре», 1993. С. 248.

Статья 291 УК РФ о даче взятки в редакции 1996 г. предусматривала простой и квалифицированный состав (неоднократность или за выполнение заведомо незаконных действий). Образует новый состав преступления и провокация взятки, которая регламентируется ст. 304 УК РФ, помещенной в главу 31 «Преступления против правосудия».

В 2016 г. составы преступлений, связанных со взяточничеством, существенно переработаны. Так, расширено содержание ст. 290 и 291 УК РФ, выведено в отдельную статью посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Интерес вызывает введение такого нового состава преступления, как мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), если сумма взятки не превысила десяти тысяч рублей.

Большое значение для установления правовой регламентации взяточничества в истории уголовного законодательства имело обобщение судебной практики, проводимое Верховным судом СССР и Верховным судом РФ.

Таким образом, в истории правовой регламентации взяточничества наблюдаются следующие закономерности:

1. Появление развитой системы ответственности за взяточничество совпало с развитием экономических отношений и либеральных реформ в Российской империи.

2. Правовая регламентация взяточничества в советском государстве опиралась на постепенно складывающиеся общественно-экономические и политические отношения государства нового типа.

3. Концептуальный подход к уголовно-правовой трактовке взяточничества и форм его проявлений, сформулированный в УК РСФСР 1960 г., во многом сохранил свое значение до текущего момента. Вместе с тем в целях наиболее правильной квалификации того или иного коррупционного проявления, достижения задач уголовного закона и правового обеспечения борьбы с коррупцией в современной России уголовное законодательство в аспекте установления коррупционных составов преступлений существенно дополнено и адаптировано к современным условиям..

Библиографический список

1. Бочкарев В. В. К вопросу о законности «посудов» в древнерусском праве XIV–XV вв. // Вестник «Альянс – Архео». № 3. С. 3–24.
2. Двинская уставная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
3. Завидов Б. Д. Взятничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ): пособие для юристов, работников правоохранительных органов. М.: ПРИОР, 2002. 32 с.
4. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 4. Часть особенная / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 558 с.
5. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 258 с.
6. Преступление и наказание: комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова. М.: АО «Де-юре», 1993. 304 с.
7. Уголовные кодекс РСФСР 1926 г.: офиц. текст с изм. на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Государственное изд-во юрид. лит., 1950. 256 с.
8. Финогентова О. Е. Понятие и ответственность за взятку по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовному уложению 1903 года // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 23–29.

А. В. Диреганова

доцент

кафедры теории и истории
государства и права
Юридического института
Северо-Кавказского
федерального университета,
кандидат юридических наук
Россия, г. Ставрополь
direganova@yandex.ru

**РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА
В ЗАПАДНОЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

**DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF LEGAL
PLURALISM IN WESTERN LEGAL THEORY AND DOCTRINE**

Согласно авторской позиции, концепция правового плюрализма, имеющая длительную историю практической реализации, в теоретико-правовой науке появилась около полувека назад. Большой вклад в развитие этой концепции внесен зарубежными исследователями, прежде всего западными. Настоящая статья посвящена изучению процесса становления концепции правового плюрализма и основных его проблем: подходов к определению понятия, возможности сосуществования права государства и негосударственных норм в учениях западной правовой

школы. Автор приходит к однозначному выводу о «живучести» концепции и необходимости дальнейшего изучения данного явления.

Ключевые слова: правовой плюрализм, обычное право, правовая система, судебные органы, европейская метрополия, государство, правовой порядок, философия права, антропология права.

According to the author's position, the concept of legal pluralism, which has a long history of practical implementation, appeared in theoretical and legal science about half a century ago. A great contribution to the development of this concept has been made by foreign researchers, primarily Western ones. This article is devoted to the study of the formation process of the concept of legal pluralism and its main problems: approaches to the definition of the concept, the possibility of coexistence of state law and non-state norms in the teachings of the Western law school. The author comes to an unambiguous conclusion about the "vitality" of the concept and the need for further study of this phenomenon.

Keywords: Legal pluralism, common law, legal system, courts, European metropolis, state, legal order, philosophy of law, anthropology of law.

Плюрализм представляет собой философскую категорию, предполагающую многообразие и сосуществование мнений, подходов, направлений и взглядов в различных сферах общественной жизни. В науке речь идет о политическом плюрализме, философском, религиозном, стратегическом, идеологическом и т. д.¹.

Проблематика правового плюрализма относится к одной из наиболее актуальных в современной юридической науке. Во-первых, не решен вопрос об определении понятия данного правового явления. Более того, и в отечественной, и в зарубежной правовой доктрине не сложился единый подход к пониманию правового плюрализма. Но главенствующими следует признать сформулированные еще Н. Руланом подходы, согласно которым правовой плюрализм – это: 1) сосуществование двух видов правовых систем в одном государстве; 2) одновременная деятельность государственных и иных видов судебных органов².

Считаем данную концепцию логичной, но не до конца полной без выделения третьего подхода, предполагающего функционирование двух подходов в рамках одного государства.

¹ См., напр.: Сотникова Ю. Н. Российское общественное правосознание в условиях идеологического плюрализма (социально-философский аспект) // Общество: философия, история и культура. 2019. № 1. С. 45.

² Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. С. 277.

Более того, в большинстве стран мира, где правовой плюрализм имеет официальное государственное признание, в особенности в развивающихся странах Африки и Океании, наблюдается именно такое совмещение подходов или проявлений правового плюрализма чаще всего. Так, Р. Р. Габрилян, рассматривая проблематику разрешения споров в государствах южной части Тихого океана, приводит примеры сосуществования как правовых систем, в частности англосаксонской и традиционной, так и успешное функционирование государственных судебных институтов и институтов судебной власти общины, вождей, общества и т. д.¹ Во-вторых, в науке существуют два так называемых лагеря: одни оценивают положительно влияние правового плюрализма на правовую систему государства, другие негативно воспринимают сосуществование нескольких правовых систем либо судебных институтов в государствах.

Настоящая статья направлена на рассмотрение процесса развития подходов к указанным вопросам в западной теоретико-правовой доктрине. Концепция правового плюрализма в зарубежной правовой науке имеет недолгую историю. Только к началу 70-х гг. прошлого века термин «правовой плюрализм» введен в научный оборот и стал использоваться в различных антрополого-правовых исследованиях.

Конечно, это не означает, что правовой плюрализм не существовал ранее. Как правовое явление, он присутствовал еще в Древнем мире, например, в Риме, где сосуществовали право гражданское (*jus civile*) и право народов (*jus gentium*).

С распространением власти европейских метрополий на территорию Америк, Азии, Африки и Океании происходила и экспансия правовых систем данных метрополий, в особенности это относится к Британской империи. Однако ряд сфер общественной жизни регулировался не английским правом, а правом местных общин, в частности обычным правом. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении институционального плюрализма. Например, ряд споров в сфере семейного права рассматривали в обычно-правовых судах, а не в колониальных. Эта ситуация сохранилась и после распада колониальной системы, обретения независимости колониями.

¹ Габрилян Р. Р. К вопросу об обычно-правовых способах разрешения споров и конфликтов (на примере Южно-Тихоокеанского региона) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 153–155.

Десятилетие понадобилось для популяризации категории «правовой плюрализм» среди учёных, что проявилось, в частности, в изменении названия научного периодического издания: «Журнал африканских исследований» переименовали в «Журнал правового плюрализма и неофициального права» (ныне «Правовой плюрализм и критический социальный анализ»). Данный журнал стал печатным органом Комиссии по народному праву и правовому плюрализму, образованной в 1978 г. Международным Союзом антропологических и этнологических наук при поддержке Международной Ассоциации юридических наук и Института народного права Университета Неймегена.

В 80-е гг. XX столетия появляются труды, направленные на дальнейшее изучение правового плюрализма в рамках антропологии права. В 1986 г. в свет выходит объёмная научная статья американского социолога права Дж. Гриффитса (инициатора трансформации «Журнала африканских исследований»¹) под названием «Что такое правовой плюрализм?». Гриффитс последовательно отстаивает понимание правового плюрализма как существование в общественном поле более одного правового порядка. Учёный противопоставляет правовой плюрализм правовому централизму. Последний предполагает наличие только исходящего от государства, единообразного для всех лиц права, зависящего от единой системы государственных институтов. Сравнивая правовой плюрализм и правовой централизм, Дж. Гриффитс пишет, что первый обладает неоспоримым преимуществом, поскольку является фактом, и что правовой централизм – это миф, больше идеал или иллюзия, или даже заявление, нежели то, что может существовать в реальности. Исследователя вместе с тем поражает настолько серьёзная и необоснованная поддержка идеи правового централизма, что, с его точки зрения, не более, чем удачная маскировка того, что существует в действительности. Ключевой задачей правового плюрализма он называет избавление от мертвой хватки сложившейся идеи о том, что же право представляет собой².

¹ John Griffiths 1940–2017 // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2017. Vol. 49. No. 3. P. 251.

² Griffiths J. What is legal pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986. Vol. 18. No. 24. P. 1–5.

Значимый вклад в развитие изучения правового плюрализма внес канадский профессор Г. Артурс, который рассматривал плюралистические корни права в прямой зависимости от институтов, в частности административных трибуналов¹.

Период конца 80-х – начала 90-х гг. XX века стал прорывным для концепции правового плюрализма. Она более не замыкается на прежних сферах исследования, а распространяется на иные: сравнительное правоведение, международное право и, хотя и ограниченно, на философию права².

Прорывом в разработке концепции правового плюрализма стали работы С. Э. Мерри, которую можно назвать одной из основоположниц современной американской антропологии права. Ею правовой плюрализм назван центральной темой в вопросе реконцептуализации отношений между правом и обществом. Мерри утверждает, что подходы к пониманию и значению правового плюрализма изменились, и он более не рассматривается лишь как сосуществование норм коренных жителей отдаленных африканских и новогвинейских деревень и права колонистов. Распространение получает изучение плюралистических характеристик права в условиях развитого капитализма³. Влияние Мерри на развитие антропологии права и распространение идеи правового плюрализма сложно переоценить и можно рассматривать в трех составляющих: институциональном, интеллектуальном и методологическом.

В 2000 г. в Институте социальной антропологии Макса Планка сформирована проектная группа по правовому плюрализму под руководством Ф. фон Бенда-Бекманн и К. фон Бенда-Бекманн с привлечением проекта С. Мерри. Вскоре именно данная группа выступала как один из ключевых центров изучения правового плюрализма в мире⁴. Одной из основных

¹ См.: *Arthurs H. W.* Without the Law: Administrative Justice and Legal Pluralism in Nineteenth-Century England. Toronto: University of Toronto Press, 1985. P. 12.

² *Tamanaha B. Z.* Understanding legal pluralism: past to present, local to global // *Sydney Law Review*. 2008. No. 30. P. 390.

³ *Merry S. E.* Legal Pluralism // *Law & Society Review*. 1988. Vol. 22. No. 5. P. 869.

⁴ *Goodale M. Sally Engle Merry: Shaping the Anthropology of Law* // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 6.

идей Ф. фон Бенда-Бекманн и К. фон Бенда-Бекманн было нахождение баланса между нормами различных правовых систем (государственной и негосударственной) в случае, если они регулируют одну сферу общественных отношений¹.

Практически одновременно с указанными исследованиями возникают и противоположные мнения о правовом плюрализме. Так, С. Робертс в 1998 г. выступил с резкой критикой правового плюрализма, так и озаглавив свою публикацию. Он оспаривает не возможность сосуществования различных правовых систем в рамках государства, а указывает на невозможность признания правом совокупности норм, не исходящих от государства². Соответственно, обычное право, например, не может находиться на одном уровне с правом государства, оно будет последним поглощено. Следовательно, ни о каком правовом плюрализме речи быть не может.

В 90-е гг. прошлого века заявил о себе как один из ключевых исследователей правового плюрализма Б. З. Таманаха. Выступив в защиту правового плюрализма, он рассматривал его как одну из доминирующих концепций антропологии права и ключевой концепции в постмодернистском подходе к пониманию права³. В настоящее время Б. З. Таманаха – признанный авторитет в сфере философии права и один из ведущих исследователей правового плюрализма в мире. В новом труде «Объяснение правового плюрализма: история, теория, последствия» он справедливо отмечает, что правовой плюрализм – это сложное, запутанное явление, сражающееся с широко распространенным монистическим подходом к праву. Несмотря на то, как пишет Таманаха, что юристы-практики, судьи, отстаивая данный подход, наталкиваются на иное мнение членов общества, для которых важно наличие правовых институтов иных, нежели право, устанавливаемое государством⁴.

¹ См.: *Benda-Beckmann K.* Transnational dimensions of legal pluralism // *Fikentscher W.* Begegnung und Konflikt: eine kulturanthropologische Bestandsaufnahme. Munich: Bayer. Akad. Wiss, 2001. P. 33; *Benda-Beckmann F.* Who's afraid of legal pluralism? // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law.* 2002. No. 47. P. 37.

² См.: *Roberts S.* Against Legal Pluralism // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law.* 1998. Vol. 30. No. 42. P. 95.

³ *Tamanaha B. Z.* The Folly of the 'Social Scientific' Concept of Legal Pluralism // *Journal of Law and Society.* 1993. No. 2. P. 192.

⁴ *Tamanaha B. Z. et al.* Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences. New York: Oxford University Press, 2021. P. 18.

Научная концепция правового плюрализма имеет полувековую историю, развиваясь поступательно, обнаруживая противоборство сторонников идей правового централизма и монистического подхода к пониманию сущности права. Тем не менее идея показала живучесть и большой интерес со стороны западного научного сообщества.

Библиографический список

1. *Габрилян Р. Р.* К вопросу об обычно-правовых способах разрешения споров и конфликтов (на примере Южно-Тихоокеанского региона) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 152–157.
2. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. 310 с.
3. *Сотникова Ю. Н.* Российское общественное правосознание в условиях идеологического плюрализма (социально-философский аспект) // Общество: философия, история и культура. 2019. № 1. С. 45–49.
4. *Arthurs H. W.* Without the Law: Administrative Justice and Legal Pluralism in Nineteenth-Century England. Toronto: University of Toronto Press, 1985. 312 p.
5. *Benda-Beckmann F.* Who's afraid of legal pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2002. No. 47. P. 37–82.
6. *Benda-Beckmann K.* Transnational dimensions of legal pluralism // Fikentscher W. Begegnung und Konflikt: eine kulturanthropologische Bestandsaufnahme. Munich: Bayer. Akad. Wiss, 2001. P. 33–48.
7. *Goodale M.* Sally Engle Merry: Shaping the Anthropology of Law // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 4–10.
8. *Griffiths J.* What is legal pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986. Vol. 18. No. 24. P. 1–55.
9. *John Griffiths* 1940–2017 // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2017. Vol. 49. No. 3. P. 251–252.
10. *Merry S. E.* Legal Pluralism // Law & Society Review. 1988. Vol. 22. No. 5. P. 869–896.
11. *Roberts S.* Against Legal Pluralism // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1998. Vol. 30. No. 42. P. 95–106.

12. *Tamanaha B. Z.* The Folly of the 'Social Scientific' Concept of Legal Pluralism // *Journal of Law and Society*. 1993. No. 2. P. 192–217.

13. *Tamanaha B. Z.* Understanding legal pluralism: past to present, local to global // *Sydney Law Review*. 2008. No. 30. P. 375–411.

14. *Tamanaha B. Z.* et al. *Legal Pluralism Explained: History, Theory, Consequences*. New York: Oxford University Press, 2021. 232 p.

А. К. Карданова

доцент
Северо-Кавказского
федерального университета,
кандидат юридических наук,
доцент
г. Ставрополь,
Российская Федерация
k_aminka@mail.ru

Ю. Н. Сотникова

старший преподаватель
Северо-Кавказского
федерального университета,
кандидат философских наук
г. Ставрополь,
Российская Федерация
JNSotnikova@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

**TRANSFORMATION OF LEGAL
RELATIONS AND PROBLEMS OF LEGAL LIABILITY
IN THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY**

Целью настоящей статьи является исследование и анализ проблем, возникающих с появлением новых объектов и субъектов правоотношений в условиях развития информационного общества. К таким объектам, по мнению авторов, относят интернет, искусственный интеллект, к субъектам – провайдера, виртуальную личность. Формирующееся цифровое пространство и информационное общество становится качественно новой сферой правового влияния. В статье описаны актуальные тенденции правоотношений, упорядочивания процесса цифровизации в условиях современного трансформирующегося социума. Освещены вопросы развития и особенности правовой культуры молодежи. Научная новизна публикации заключается в анализе научной литературы, ориентированной на исследование правоотношений и проблем привлечения к юридической ответственности в условиях информационного общества как с теоретических позиций, так и с позиций практики. Сделан вывод о том, что для повышения эффективности и гармонизации отношений информационного общества нашего государства необходимо формировать единое цифровое пространство, позволяющее субъектам правоотношений взаимодействовать на различных электронных площадках, выполняя юридически значимые действия в режиме реального времени.

Ключевые слова: юридическая ответственность, информационное общество, цифровизация, информационно-цифровое пространство, правоотношение, искусственный интеллект, объект права, цифровая платформа, криптовалюта.

The article aims to investigate and analyze problems arising with the emergence of new objects and subjects of legal relations in the conditions of development of information society. Such objects, according to the authors, include the Internet, artificial intelligence, to the subjects - the provider, the virtual person. The emerging digital space and information society becomes a qualitatively new sphere of legal influence. The article describes current trends in legal relations, streamlining the process of digitalization in the modern transforming society. The questions of development and features of legal culture of young people are highlighted. The scientific novelty of the publication lies in the analysis of scientific literature, focused on the study of legal relations and problems of legal liability in the information society from both theoretical and practical perspectives. We conclude that in order to increase the efficiency and harmonization of information society relations of our state it is necessary to form a unified digital space allowing subjects of legal relations to interact on various electronic platforms, performing legally significant actions in real time.

Keywords: legal responsibility, information society, digitalisation, information and digital space, legal relations, artificial intelligence, object of law, digital platform, cryptocurrency.

Право в системе общественных отношений статично и одновременно характеризуется некоторыми динамическими процессами, поскольку регулирует разнообразные правоотношения. Структурные элементы правоотношений в условиях информационного общества изменяются, что связано с развитием цифровизации. Данное понятие на современном этапе развития российского права многие исследователи рассматривают как естественный феномен, практически в каждой отрасли права присутствуют информация и информационные технологии.

При этом появились новые отрасли и подотрасли права, такие как информационное право, интернет-право, компьютерное право и т. д. Трансформация правоотношений предполагает и наличие новых институтов. Среди них – цифровая медицина, электронная подпись, электронный трудовой договор и др. Возникли новые объекты (криптовалюта, интернет) и субъекты (искусственный интеллект, операторы данных) правоотношений, а также виды правоотношений

(например, цифровая платформа), что в некоторых условиях очень удобно.

В сети Интернет возникают, изменяются и прекращаются различные правоотношения. Вместе с тем новые интернет-технологии характеризуются массой противоречий, коллизий, нуждаются в правовом регулировании. Новые технологии не всегда используются для повышения уровня правовой культуры, развития правового государства, гражданского общества, укрепления прав человека и гражданина. Именно информационно-цифровое пространство способствует вседозволенности, снижению нравственно-этических начал.

В частности, Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис видят противоречия, связанные со смыслом правосубъектности, если в качестве субъекта правоотношений может выступать робот¹. Искусственный интеллект – это противоречивый объект правоотношений, его правовой статус не вполне определен². В настоящее время существуют голосовые помощники на смартфонах, биржевые роботы, навигаторы поездок и т. п. Роботы последнего поколения обладают высокой степенью познания, рационального мышления. При этом у них отсутствуют такие качества, как чувство, воображение. Наиболее правильным будет отнесение искусственного интеллекта к объектам правоотношений.

С развитием информационного пространства появился такой субъект правоотношений, как виртуальная личность. Его возникновение вызвало ряд сложностей, связанных с привлечением к юридической ответственности. Общаясь в чате, на сайте, указанный субъект может стать фиктивным, изменив свою внешность, личные данные. При этом виртуальная личность

¹ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–28.

² Kamyschansky V. P., Rudenko E. Y., Kolominetz E. A., Osadchenko E. O. Regarding the issue of the essence of legal treatment and the possibility of granting legal status to a robot in civil law // Studies in computational intelligence. 2019. Vol. 826. P. 302; Камышанский В. П. О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4 (36). С. 27; Руденко Е. Ю. К вопросу о понятии робота в рамках дискуссии о роботе как о возможном субъекте права // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сборник статей V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. Д. Могилевского, О. А. Золотовой. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 314.

формально может совершать любые действия, в том числе противоправные.

Цифровизация правового статуса личности – это уже реальность. У личности появились информационно-цифровые права, закрепленные в законодательных актах. Например, ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) называется «Цифровые права». По-прежнему актуальны вопросы об ограничении доступа к информации и одновременном стремлении государства аккумулировать данные о человеке, создать его «информационно-правовой портрет». Следует учитывать позицию Конституционного суда РФ о недопустимости произвольного вмешательства кого бы то ни было в сферу автономии личности, обязанности государства создавать для каждого человека реальные возможности свободного самоопределения и самовыражения. Персональные данные человека подлежат защите.

Еще один актуальный вопрос в контексте правоотношений в информационном обществе – безналичные платежи с помощью виртуальных банков. В этой сфере периодически возникают споры относительно финансово-расчетных отношений и вопросов подсудности по указанным спорам. У владельца неперсонифицированного кошелька могут отсутствовать персональные данные или быть вымышленными, что усложняет привлечение его к ответственности в случае нарушения прав другой стороны. Данные обстоятельства отрицательно сказываются и на финансово-экономической деятельности нашего государства, поскольку налоги неопределенными лицами от сделок не платятся.

Для повышения эффективности отношений информационного общества нашего государства необходимо формировать единое пространство, позволяющее субъектам правоотношений взаимодействовать электронно, выполняя юридически значимые действия в режиме реального времени.

Несмотря на увеличение количества нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения в информационном обществе, наблюдается дефицит правовых норм в сфере регулирования юридической ответственности за нарушения, допускаемые в информационной среде. Граждане нашего государства, безусловно, нуждаются в информации, получении государственных услуг в электронном виде. Для этого необходимо обеспечивать баланс между потребностями граждан и

национальной безопасностью в целом, в том числе на законодательном уровне.

Субъекты информационного общества не обладают равными технологическими возможностями, что обусловлено отсутствием доступа у многих граждан РФ к новым технологиям, высокой стоимостью компьютерной техники, территориальной недоступностью ряда услуг, неинформированностью. Эти обстоятельства могут привести к правовому нигилизму, исключить некоторых граждан из определенных областей деятельности. Примером может служить недоступность по указанным причинам портала «Государственные услуги».

Появляются новые виды правонарушений и преступлений при манипуляциях с банковскими картами, электронными подписями. Острой остается проблема терроризма и кибертерроризма. Возникла необходимость идентификации «виртуальной личности», реализации прав в цифровом пространстве, в том числе права на доступ в интернет¹.

Законопроектная деятельность в информационной сфере, безусловно, должна опираться на научно-практические разработки в данной области. Наиболее актуальны сегодня вопросы национальной безопасности, манипуляций сознанием людей, сокращения нарушений доступа к российским информационным ресурсам. Информационное общество по своей сути глобально, совершенствование его правового обеспечения требует научных исследований, детальных концепций.

В настоящее время в России действуют более 200 нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения относительно различных видов информационных ресурсов, доступа граждан, юридических лиц, государства к информации. Однако проблемы киберпреступности нуждаются в правовом регулировании. Очевидными становятся сложности в определении субъекта правонарушения, применении мер ответственности.

Состав правонарушения представляет собой разделение на субъект, объект, субъективную и объективную сторону. С развитием информационного общества определить состав правонарушения иногда затруднительно. По мнению А. В. Сидоровой, отсутствие точно и ясно сформулированного

¹ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 10–11.

определения правонарушения, наличие утративших актуальность формулировок могут привести к неправильному толкованию, неверному пониманию сущности явлений, к трансформации правосознания, ошибкам в законодательной и правоприменительной деятельности¹.

Значительное препятствие быстрому развитию информационного общества в России – отсутствие массового интерактивного взаимодействия граждан и организаций при получении государственных услуг, а также то, что государственная учетная деятельность не переведена в полном объеме в электронный вид. При этом сохраняются угрозы безопасности, такие как использование террористами сети Интернет, мобильной связи для пропаганды своей деятельности, увеличивается количество компьютерных преступлений, в том числе совершенных группами лиц.

Анализ опубликованных статей позволяет сделать вывод о скором развитии информационного общества и информационного законодательства. Данный вывод свидетельствует об актуальности темы исследования, необходимости научных разработок, обеспечении доступа к информации среди большого количества граждан нашего государства, о правовом просвещении, автоматизации правовых услуг, защите прав пользователей, возможности их идентификации.

Библиографический список

1. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
2. Камышанский В. П. О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4 (36). С. 21–32.
3. Руденко Е. Ю. К вопросу о понятии робота в рамках дискуссии о роботе как о возможном субъекте права // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сборник статей V Междунар. науч.-

¹ Сидорова А. В. Общетеоретическое определение понятия «правонарушение» // Юрист. 2018. № 7. С. 71.

практ. конф. / под общ. ред. С. Д. Могилевского, О. А. Золотовой. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 312–320.

4. Сидорова А. В. Общетеоретическое определение понятия «правонарушение» // Юрист. 2018. № 7. С. 71–76.

5. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.

6. *Kamyshansky V. P., Rudenko E. Y., Kolominetz E. A., Osadchenko E. O.* Regarding the issue of the essence of legal treatment and the possibility of granting legal status to a robot in civil law // *Studies in computational intelligence*. 2019. Vol. 826. P. 299–306.

УДК 347.19
ББК 67.404.3

В. А. Микрюков

доцент

кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vmikryukov@yandex.ru

**ПРЕДЕЛЫ АНАЛОГИИ В ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ
НАИМЕНОВАНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**THE LIMITS OF ANALOGY IN THE LEGAL
REGIME NAMES OF NON-PROFIT ORGANISATIONS**

Анализируя судебную практику по делам о нарушении исключительного права некоммерческой организации на ее наименование, автор показывает усилия судов по обоснованию выбора способов защиты этого права, не сопряженных с применением по аналогии ограничивающих гражданские права правил о фирменных наименованиях коммерческих юридических лиц. В целях исключения недопустимого использования аналогии закона для преодоления выявленного пробела в правовом режиме индивидуализации некоммерческих организаций предложено внести необходимые изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: аналогия закона, аналогия права, исключительное право, средство индивидуализации, фирменное наименование, некоммерческие организации, правовой режим.

Analyzing court practice in cases of infringement of the exclusive right of a non-profit organisation to its name, the author shows the courts' efforts to justify the choice of ways to protect this right, not associated with the application by analogy of limiting civil rights rules on firm names of commercial legal entities. In order to exclude the impermissible use of analogy of the law to overcome the identified gap in the legal regime of individualisation of non-commercial organisations, it is proposed to introduce the necessary changes in the current legislation.

Keywords: analogy of law, analogy of law, exclusive right, means of individualisation, trade name, non-profit organisations, legal regime.

Всем юридическим лицам в целях их индивидуализации как самостоятельных участников общественных отношений законодательно предписано иметь наименование, подлежащее фиксации в учредительном документе и отражению в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) в соответствии с п. 1, 5 ст. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

Индивидуализирующее обозначение коммерческих юридических лиц определено как *фирменное* наименование (п. 4 ст. 54 ГК РФ), в отношении которого у его носителей в соответствии с правилами раздела VII ГК РФ возникает исключительное право. Норма п. 1 ст. 1474 ГК РФ очерчивает содержание данного субъективного права как возможность коммерческой организации использовать свое фирменное наименование в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети Интернет. Отдавая приоритет тому юридическому лицу, которое внесло свое фирменное наименование в ЕГРЮЛ ранее остальных, законодатель не исключает государственную регистрацию и параллельное существование других коммерческих организаций с таким же (тождественным или сходным до степени смешения) наименованием, но воспрещает использование этими другими лицами повторяющегося фирменного наименования при осуществлении аналогичной деятельности (п. 3 ст. 1474 ГК РФ). Правообладатель может потребовать от нарушителя либо прекратить использование наименования в отношении видов

деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым правообладателем, либо изменить свое фирменное наименование (п. 4 ст. 1474 ГК РФ).

Зарегистрированное в установленном законом порядке наименование некоммерческих организаций, которое ни при каких обстоятельствах не может быть квалифицировано как фирменное¹, также нормативно признают объектом «исключительного права» (п. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»). Однако ввиду того, что в закрытый перечень приравненных к результатам интеллектуальной деятельности средств индивидуализации юридических лиц (ст. 1225 ГК РФ) входит только фирменное наименование и лишь коммерческие организации вправе иметь таковое (п. 4 ст. 54, п. 1 ст. 1473 ГК РФ) Пленум Верховного суда РФ в п. 147 постановления от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что наименования некоммерческих организаций не являются средством индивидуализации юридических лиц в смысле положений части четвертой ГК РФ, на них не распространяется правовая охрана, установленная параграфом 1 главы 76 раздела VII ГК РФ. Иными словами, «исключительное право» на фирменное наименование коммерческого юридического лица и «исключительное право» на «нефирменное» наименование некоммерческой организации представляют собой пример правовой полисемии².

В контексте изложенного, при отсутствии в законе применительно к наименованиям некоммерческих организаций аналогов правил, заключенных в ст. 1474 ГК РФ, а равно и иного специального регулирования последствий соответствующих ситуаций, актуальным становится вопрос о путях преодоления возникающей правовой неопределенности.

В науке представлен взгляд относительно того, что правовой режим наименований некоммерческих юридических лиц может быть определен по правилам, регулирующим *сходные отношения*,

¹ Болдырев В. А. О коммерческих и некоммерческих организациях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 95.

² Белоусов А. А. О смысловой и терминологической множественности правовых понятий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4 (25). С. 50.

связанные с фирменными наименованиями коммерческих организаций в порядке *аналогии закона* (п. 1 ст. 6 ГК РФ)¹. Высказано мнение о том, что сфера действия исключительного права некоммерческой организации на наименование определяется *аналогичным образом* с тем, как это происходит для фирменных наименований, и является оправданным применение норм, устанавливающих правовой режим фирменного наименования, по аналогии². Практикующие юристы констатируют наличие в ГК РФ очевидного пробела в аспекте специальных норм о правовой охране наименования некоммерческих организаций, а потому предлагают либо закрепить законодательные нормы, *аналогичные* п. 3 и п. 4 ст. 1474 ГК РФ, либо, *руководствуясь аналогией закона*, доказывать применимость указанных пунктов при судебной защите наименования некоммерческой организации³.

Исходя из того, что сущность и функциональное предназначение фирменных и «нефирменных» наименований принципиально едины (и те, и другие представляют собой словесные идентификаторы, индивидуализирующие юридические лица в частном обороте и публичных отношениях), принимая во внимание возможность осуществления коммерческими и некоммерческими организациями одинаковых или аналогичных видов деятельности, идея распространения норм о фирменных наименованиях на «нефирменные» через аналогию закона сама по себе выглядит логичной, соответствующей общему принципу равного правового обращения (если законодательная власть установила норму о том, как относиться к одному из схожих дел, то из этого следует, что другое дело требует подобного разрешения)⁴.

Думается, что применение по аналогии правил о фирменных наименованиях к наименованиям некоммерческих организаций вполне может быть поддержано в той мере, в какой

¹ Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. С. 12.

² Гаврилов Э. П. О наименовании юридического лица // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 3.

³ Шувалова М. Имеет ли НКО право на защиту своего наименования? // Гарант.ру: информационно-правовой портал. 2017. 24 августа. URL: <https://www.garant.ru/article/1131200/> (дата обращения: 26.06.2022).

⁴ Langenbacher K. Argument by Analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 481.

это соответствует усилению правонаделительной составляющей. Поскольку п. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» не определяет позитивное содержание предусмотренного этой нормой «исключительного права», едва ли могут быть сомнения в том, что некоммерческие организации по аналогии с тем, как это указано в абз. 1 п. 1 ст. 1474 ГК РФ, имеют возможность использовать свое «нефирменное» наименование подобно средству индивидуализации любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети Интернет. Если речь идет о конкретных способах использования наименования некоммерческой организации в рамках осуществления приносящей доход деятельности, правильность данного вывода подтверждается разъяснением п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», распространившим (со ссылкой на п. 1. ст. 6 ГК РФ) в этой части на некоммерческие организации положения законодательства, применимые к лицам, ведущим предпринимательскую деятельность.

Вместе с тем, несмотря на логичность и разумность (некоммерческие организации нуждаются в сопоставимой защите от недобросовестного поведения «конкурентов», как и коммерческие юридические лица¹), попытка применения по аналогии норм п. 3 ст. 1474 ГК РФ, запрещающих использование фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения, при осуществлении аналогичной деятельности, а равно норм п. 4 ст. 1474 ГК РФ, устанавливающих меры ответственности за нарушение указанного запрета, вступила бы в коллизию не только с известным принципом *nullum poena sine lege* («нет наказания без указания закона») и устоявшейся доктринальной позицией о невозможности применения по аналогии устанавливающих изъятия из общих правил исключительных норм², но и с

¹ Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3. С. 15.

² Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о

положениями п. 2 ст. 1 ГК РФ (гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона). Кроме того, препятствием к правоприменению по аналогии в данном случае выступает то, что законом прямо предусмотрено применение части четвертой ГК РФ только к конкретным результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации, в числе которых наименования некоммерческих организаций не названы (п. 1 ст. 1225 ГК РФ). Учитывая это обстоятельство и, вероятно, считая умолчание законодателя о содержании «исключительного права» на наименование некоммерческих организаций квалифицированным, президиум Суда по интеллектуальным правам разъяснил, что применение по аналогии положений параграфа 1 главы 76 ГК РФ к наименованиям некоммерческих организаций не допускается (п. 10 «Справки о некоторых вопросах, возникающих при применении положений параграфа 1 главы 76 ГК РФ судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции», утвержденной постановлением от 4 сентября 2015 г. № СП-23/25).

Строгое разграничение правового режима фирменного наименования коммерческих юридических лиц и «нефирменного» наименования некоммерческих организаций *при осознанном воздержании от применения аналогии закона* во многих случаях (до недавнего времени) являлось основанием к отказу в защите права на наименование некоммерческих организаций, наименование которых, вопреки п. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» об исключительности соответствующего права, оказалось использованным (в тождественном или сходном до степени смешения виде) другими организациями¹.

толковании и применении гражданских законов. Одесса: «Экономическая» тип., 1901. С. 274.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июня 2012 г. по делу № А19-15965/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=69979#TmLBX8TIfGU3Ju> (дата обращения: 26.06.2022); постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 февраля 2012 г. по делу № А32-9696/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=79334#EREDX8T8yhD7qBt01> (дата обращения: 26.06.2022); постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 марта 2012 г. по делу №

Однако сегодня преобладающей в практике судов оказалась позиция, согласно которой недопустимость определения правового режима наименований некоммерческих организаций нормами параграфа 1 главы 76 ГК РФ не означает общего отрицания права обладателя «нефирменного» наименования на защиту. В знаковом для рассматриваемого вопроса определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 11 июля 2017 г. № 53-КГ17-12 указано, что возможность обладания уникальным наименованием является неимущественным гражданским правом некоммерческой организации и что при отсутствии специальных способов защиты данного права следует прибегнуть к общим положениям гражданского законодательства, то есть правилам ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления гражданскими правами и к нормам ст. 12 ГК РФ о способах защиты гражданских прав, в числе которых установлена такая мера, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Иными словами, Верховный суд РФ не допустил существования «исключительного права» на наименование некоммерческой организации в качестве *nudum jus* («голое право»). При этом, как верно отмечено в комментариях к указанному определению, принципиально важным является то, что Верховный суд РФ признал возможность квалификации нарушения неимущественного права некоммерческой организации на наименование не только в случае, если ответчик намеренно использует тождество (или сходство) наименований для введения в заблуждение третьих лиц, что определяет вредные последствия для носителя дублируемого наименования, но и в случае установления поведения ответчика как идущего вразрез с принципом добросовестности¹.

Имея в виду то обстоятельство, что поведение одной из сторон (в контексте исследуемого вопроса – лица, дублирующего ранее зарегистрированное наименование некоммерческой организации) может быть признано недобросовестным не только

A46-9631/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=100277#kkSDX8TjwjbuD9Iu> (дата обращения: 26.06.2022).

¹ Некеров Е. А. Защита неимущественного права на наименование некоммерческой организации. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11 июля 2017 г. № 53-КГ17-12 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 4.

при наличии обоснованного заявления другой стороны (обладателя соответствующего наименования), но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения (п. 1 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25), на первый взгляд можно считать, что укрепленный Верховным судом РФ подход в целом представляет надлежащий вариант решения проблемы определения правового режима наименований некоммерческих организаций: праву на наименование обеспечивается защита, недопустимого применения исключительных норм, ограничений и ответственности по аналогии формально не происходит. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что необходимость в случае возникновения спора устанавливать в судебном процессе наличие вредных последствий для правообладателя и вероятность введения в заблуждение третьих лиц отнюдь не делает защищаемое право условным (отличающимся от безусловного права на фирменное наименование¹), а указывает на скрытую аналогию с нормой п. 3 ст. 1474 ГК РФ об ограничении возможности использовать тождественные фирменные наименования не вообще, а лишь при осуществлении аналогичных видов деятельности. Иными словами, практика уравнивает степень защиты права на фирменное наименование и права на нефирменное наименование некоммерческих организаций таким образом, чтобы последнее в аспекте общих защитных правил не оказалось наделенным большей (безусловной, не связанной с пересечением в осуществляемой носителями тождественных или схожих наименований деятельности). Использование сторонним лицом имеющегося (ранее зарегистрированного) наименования некоммерческой организации в рамках схожей деятельности в судебном представлении автоматически означает фиксацию вторжения в сферу интересов данной организации. В аргументационном контексте аналогии², прибегая к аналогии не как к средству преодоления правовой неопределенности и адаптации

¹ Черничкина Г. Н. Современное понимание индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, или об исключительном праве на наименование и фирменное наименование юридического лица // Современное право. 2017. № 3. С. 56.

² Macagno F. Analogy and Redefinition // Systematic Approaches to Argument by Analogy / ed. H. J. Ribeiro. Cham: Springer, 2014. P. 73.

имеющихся защитных средств к оголенному праву, а как к мыслительному приему, суды презюмируют, что создание на одной территории второй некоммерческой организации со сходным до степени смешения наименованием и полностью аналогичным видом деятельности является злоупотреблением правом или актом недобросовестной конкуренции¹. Рассуждая, видимо, именно в контексте аналогии с правилом п. 3 ст. 1474 ГК РФ, суды выясняют, какая из спорящих некоммерческих организаций зарегистрирована в ЕГРЮЛ ранее другой, а с учетом отсутствия специального правового регулирования относительно вопроса установления сходства (до степени смешения) используемых некоммерческими организациями различных, но подобных наименований, считают возможным в порядке аналогии прибегнуть к наработанным критериям оценки сходства обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков².

Изложенное указывает на необходимость ликвидировать нехватку специального правового механизма защиты права на наименование некоммерческих организаций нормативным путем. Едва ли целесообразно для «нефирменных» наименований некоммерческих юридических лиц конструировать параллельные правовые конструкции по аналогии с фирменным наименованием как средством индивидуализации и исключительным правом на него, как это предлагают некоторые авторы³. Такие конструкции не будут различаться в содержательном плане, а потому представят очередной пример правового плеоназма. Думается, что оптимальным решением рассматриваемой проблемы могли бы стать отказ от использования слова «фирменное» применительно к наименованиям коммерческих организаций и генерализация

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 февраля 2020 г. № C01-14/2020 по делу № A12-19528/2019 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=59031#lvzHX8TO7rTlyHll> (дата обращения: 26.06.2022).

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 июня 2018 г. № C01-787/2017 по делу № СИП-461/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=40587#Yz6JX8TAJmMSaqV21> (дата обращения: 26.06.2022).

³ Рябчикова А. С. Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14–16.

существующего правового режима фирменных наименований (как объектов интеллектуальной собственности, на которые с учетом положения части четвертой ГК РФ возникает исключительное право) на наименования любых юридических лиц.

Библиографический список

1. Белоусов А. А. О смысловой и терминологической множественности правовых понятий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4 (25). С. 50–57.
2. Болдырев В. А. О коммерческих и некоммерческих организациях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 95–99.
3. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса: «Экономическая» тип., 1901. 376 с.
4. Гаврилов Э. П. О наименовании юридического лица // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 3–11.
5. Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3. С. 15–25.
6. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
7. Некеров Е. А. Защита неимущественного права на наименование некоммерческой организации. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11 июля 2017 г. № 53-КГ17-12 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 4–7.
8. Рябчикова А. С. Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.
9. Чернишкина Г. Н. Современное понимание индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, или об исключительном праве на наименование и фирменное наименование юридического лица // Современное право. 2017. № 3. С. 56–66.
10. Шувалова М. Имеет ли НКО право на защиту своего наименования? // Гарант.ру: информационно-правовой портал.

2017. 24 августа. URL: <https://www.garant.ru/article/1131200/> (дата обращения: 26.06.2022).

11. *Langenbucher K.* Argument by Analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. Vol. 57. No. 3. P. 481–521.

12. *Macagno F.* Analogy and Redefinition // Systematic Approaches to Argument by Analogy / ed. H. J. Ribeiro. Cham: Springer, 2014. P. 73–90.

К. И. Налетов

старший научный сотрудник
отдела сравнительно-правовых исследований
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук
kirillnaletov@gmail.com

**ДОБЫЧА (ПРОИЗВОДСТВО), ОБОРОТ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**EXTRACTION (PRODUCTION), TURNOVER AND USE OF
ENERGY RESOURCES AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION**

Статья посвящена теме энергетических ресурсов, добыча (производство), переработка, хранение, оборот, транспортировка и потребление которых является предметом регулирования гражданского законодательства с учетом положений специальных законов, которые либо пользуются приоритетом над общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) либо, являясь нормами гражданского права, подчиняются общим нормам ГК РФ или регулируют эти отношения независимо от положений ГК РФ. Автором обоснована значимость дискуссии о классификации энергетических ресурсов с юридической точки зрения: в зависимости от отнесения их к той или иной группе различаются и регулирующие их добычу (производство) оборот, переработку транспортировку и потребление нормы законодательства. Исследованы проблема мощности как объекта правового регулирования, вопрос о самостоятельности обеспечения энергоэффективности как регулируемого правом вида деятельности, а также показана неопределенность юридического содержания понятия «минеральные ресурсы» относительно понятия «полезные ископаемые». Остается без юридического определения и предмет энергетического права. Следствием этого, по мнению автора статьи, стала неопределенность предмета договоров, опосредующих гражданский оборот энергетических ресурсов.

Ключевые слова: энергетические ресурсы, энергоснабжение, газоснабжение, полезные ископаемые, природные ресурсы, минеральные ресурсы, недра, гражданский оборот, энергия, мощность.

The article is devoted to the topic of energy resources, the extraction (production), processing, storage, circulation, transportation and consumption of which are subject to civil legislation, taking into account the provisions of special laws that either take precedence over the general rules of the Civil Code of the Russian Federation (Civil Code) or, being civil law norms, are subject to the general rules of the Civil Code or regulate these relations regardless of the Civil Code. The author substantiates the importance of the debate on the classification of energy resources from a legal point of view: depending on their assignment to this or that group the norms of law regulating their production (production) turnover, processing, transportation and consumption are different. The problem of capacity as an object of legal regulation, the issue of independence of energy efficiency provision as a legally regulated activity, as well as uncertainty of legal content of the concept "mineral resources" in relation to the concept "mineral resources" were studied. The subject of energy law also remains without a legal definition. The consequence, in the opinion of the author of the article, is the uncertainty of the subject of contracts mediating the civil turnover of energy resources.

Keywords: energy resources, energy supply, gas supply, minerals, natural resources, mineral resources, subsoil, civil, energy, power.

Прогнозируется, что к 2030 г. доля возобновляемых энергетических ресурсов возрастет до 20 % от общего объема потребляемых энергетических ресурсов в мире, тогда как для России – 1 %. При этом в российском государстве актуальна такая проблема, как труднодоступность ряда регионов для централизованного энергоснабжения.

К возобновляемым энергетическим ресурсам в технической литературе отнесены источники энергии, запасы которых восполняются естественным образом. Среди них – солнечная энергия, а также ее производные: энергия ветра, энергия растительной биомассы, энергия водных потоков (в том числе приливов¹) и т. п. Видами возобновляемых энергетических ресурсов являются геотермальное тепло², низкопотенциальное

¹ На территории России действует одна приливная электростанция – Кислогубская ПЭС.

² Тепло приповерхностных нагретых вод и тепло сухих пород на больших глубинах – петротермальной энергии (3–10 км). Именно последняя наиболее перспективна для развития. Упрощенное описание данного процесса таково: в одну скважину закачивается холодная вода, а из другой – извлекается горячая.

тепло окружающей среды, тепловые «отходы» жилища¹, отходы производств² и бытовые отходы³. Энергия приливов, течений и ветра, другие возможные виды неживых ресурсов относятся к категории неживых ресурсов исключительной экономической зоны России (ст. 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»)⁴.

Энергия – потребляемая вещь, поскольку исчезает в процессе использования. При этом для возобновляемых источников энергии⁵ характерно отсутствие цикличности: работа инфраструктуры производства ветровой энергии, солнечной энергии зависит от наличия природных явлений. В этой связи появляется необходимость в обеспечении сохранения энергии и максимально рационального использования ее ресурсов. Мощность – это физическая величина, которая равна отношению совершенной работы, выполняемой за некоторый промежуток времени, к этому же промежутку времени. Электрическая мощность (мощность электрического тока) – работа, выполняемая при перемещении кулона (единицы измерения электрического заряда), а ток I – количество кулонов, проходящих за секунду.

Некоторыми исследователями отрицается характеристика мощности в качестве товара. Плата за мощность не рассматривается ими как цена договора купли-продажи, но взимаемая с покупателей электрической энергии компенсация затрат, связанных с поддержанием генерирующих агрегатов в

¹ Так называемое сбросное тепло от промышленных предприятий и жилого сектора.

² Например, проект создания комплексных районных тепловых станций, разработанный Институтом теплофизики РАН (Алексеев С. Неисчерпаемый ресурс: какой должна быть завтрашняя российская энергетика // Rbc.ru. 2018. 22 ноября. URL: https://www.rbc.ru/opinions/technology_and_media/22/11/2018/5beed8569a79470d71856df5 (дата обращения: 19.03.2022).

³ Попель О. С. Возобновляемые источники энергии: роль и место в современной и перспективной энергетике // Российский химический журнал. 2008. Т. 52. № 6. С. 95.

⁴ Об исключительной экономической зоне: федер. закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51. Ст. 6273.

⁵ Гидроаккумуляторные электростанции (ГАЭС) и твердотельные аккумулирующие станции (ТАЭС), электрохимические аккумуляторы, литийионные аккумуляторы, суперконденсаторы.

постоянной готовности для выработки энергии¹. Рядом авторов мощность квалифицируется как услуга². Учитывая, что мощность указывает на максимальное количество киловатт, которое может передаваться по присоединенной сети в единицу времени, и то, что договоры предоставления мощности направлены на поддержание определенного уровня мощности электрического тока в единой энергосистеме и на поддержание постоянной готовности генерирующего оборудования для компенсации недостатка мощности в сети в часы пиковых нагрузок, концепция мощности как услуги выглядит вполне соответствующей фактическим отношениям. На «мощность» не может перейти право собственности. С. В. Матияшук задается вопросом о том, относится ли мощность к количественной или качественной характеристике ее сопряженной величины – электроэнергии³. Очевиден тот факт, что мощность выступает в качестве характеристики объекта материального мира и является измеряемой величиной. В связи с этим на вопрос С. В. Матияшука следует ответ о том, что мощность является количественной характеристикой.

По нашему мнению, мощность как предмет договора может быть отождествлена с субъективным правом, а договор купли-продажи мощности – с договором купли-продажи права, получившим законодательное закрепление в ст. 429.2 ГК РФ. Мощность – количественная характеристика энергетического объекта, поэтому она не является энергетическим ресурсом.

В качестве предмета правового регулирования выступают отношения между субъектами правового регулирования по разведке, добыче, переработке, хранению, обороту, транспортировке и потреблению энергетических ресурсов, тогда как объектом служат энергетические ресурсы. Ранее нами указано на некорректность отождествления термина

¹ Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об электроэнергетике» / под общ. ред. В. Ю. Синюгина. М.: Деловой экспресс, 2003. С. 29.

² Варламова А. О некоторых проблемах договорных отношений на рынке электроэнергии // Хозяйство и право. 2006. № 12. С. 89; Никольский С. Правопреемство по третейскому соглашению: практические последствия теоретического спора на примере электроэнергетической отрасли // Хозяйство и право. 2007. № 5. С. 51.

³ Матияшук С. В. Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: монография. М.: Инфра-М, 2013. С. 19.

«энергетическое законодательство» с законодательством об электроэнергетике¹. Представляется, что в сферу действия норм энергетического законодательства попадают отношения в сфере разведки, добычи (производства), хранения, переработки, оборота, транспортировки, распределения и потребления всех энергетических ресурсов – нефти, газа, угля, тепловой и электрической энергии, а также других видов энергетических ресурсов². Дискуссионный характер имеет вопрос об обеспечении энергоэффективности как о сфере человеческой деятельности, составляющей самостоятельный предмет правового регулирования. Мы не считаем обеспечение энергоэффективности самостоятельным видом деятельности ввиду того, что оно полностью поглощается понятием потребления энергии³. Энергосбережение предполагает сокращение количества используемых энергоресурсов при условии сохранения соответствующего эффекта их применения (энергетической эффективности). Таким образом, подтверждается тезис о том, что правоотношения в сфере энергосбережения и энергоэффективности полностью поглощаются правоотношениями в области потребления энергетических ресурсов.

Понятие энергетического ресурса имеет юридическое значение: от типа энергетического ресурса зависит ответ на принципиальный вопрос о публично-правовой или частноправовой природе регулирования этих отношений. Так, энергетические ресурсы, содержащиеся в недрах, подчиняются нормам публичного права, их статус регулируется Законом РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (далее – Закон РФ «О недрах»). Соответственно, их разведка и добыча также регулируется этим нормативным актом. Продажа полезных ископаемых, содержащихся в недрах, юридически невозможна (кроме случая заключения соглашения о разделе продукции в отношении еще не добытых полезных ископаемых).

С извлечением энергетических ресурсов из недр они приобретают статус объектов гражданского оборота,

¹ Курбанов Р. А., Налетов К. И. Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции // Экономика. Право. Общество. 2018. № 2 (14). С. 12.

² Например, отходов горнодобывающих производств.

³ Курбанов Р. А., Налетов К. И. Указ. соч. С. 14.

полноценных объектов гражданских прав. Энергетические ресурсы, содержащиеся в недрах, составляют их часть и находятся в собственности государства, тогда как уже извлеченные из недр полезные ископаемые могут находиться в любой форме собственности по условиям недропользовательской лицензии.

В качестве энергетических ресурсов выделяют как имеющие гражданско-правовой режим вещи нефть, газ, воду, так и не являющуюся вещью в физическом смысле электроэнергию в ситуации их обособления от однородных объектов, допускающей их индивидуализацию (например, нефть в цистерне, газ в баллоне, электроэнергия в аккумуляторе и т. п.)¹.

Согласно ч. 6 ст. 1 Закона РФ «О недрах» отношения, связанные с геологическим изучением и добычей отдельных видов минерального сырья, а также с захоронением радиоактивных отходов и токсичных веществ (что представляет собой хранение энергетических ресурсов и (или) их переработку), могут регулироваться другими федеральными законами с соблюдением принципов и положений, установленных Законом РФ «О недрах». Например, статьи 10 и 12 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» включают в себя правила отнесения месторождений газа к объектам федерального значения и особенности получения лицензии на участки недр федерального значения, содержащие газ. Аналогичная формула применяется и к отношениям по захоронению радиоактивных отходов и токсичных веществ, которые входят в сферу действия Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (согласно ст. 4 указанного закона). Недропользователями, осуществляющими добычу радиоактивных веществ (захоронение радиоактивных отходов и опасных отходов), могут быть только российские юридические лица, имеющие лицензии на соответствующий вид деятельности.

Следует обратить внимание на такой практический вопрос законодательства о недрах, как использование термина «минеральное сырье». Согласно ГОСТ Р 50544-93 «Породы горные. Термины и определения» «минеральное сырье» – это природные

¹ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 71.

минеральные образования, извлеченные из недр земли в процессе эксплуатации месторождения полезных ископаемых¹. Аналогичная трактовка приведена в Налоговом кодексе РФ, согласно которому минеральное сырье – порода, жидкость или иная смесь, фактически добытая (извлеченная) из недр (отходов, потерь). Таким образом, можно утверждать, что квалифицирующим признаком минерального сырья как энергетического ресурса являются не его природные характеристики, а тот факт, что оно уже извлечено из недр.

Исходя из преамбулы Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», объектом этих соглашений может быть только такой вид энергетического ресурса, как минеральное сырье. Очевидно, что и в данном случае критерием квалификации энергетического ресурса как минерального сырья являются не его физические (химические) характеристики, а статус как извлеченного или не извлеченного из недр. В этой связи не вполне понятно, почему в ч. 6 ст. 1 Закона РФ «О недрах» предметом регулирования служит именно «геологическое изучение и добыча» минерального сырья, представляющего собой уже добытый объект.

Энергетические ресурсы, относящиеся к общераспространенным полезным ископаемым², могут при

¹ ГОСТ Р 50544-93 «Породы горные. Термины и определения»: утв. и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 31 марта 1993 г. № 101 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/5921516/> (дата обращения: 19.03.2022).

² По критерию залегающих в участках недр полезных ископаемых участки недр можно разделить на содержащие общераспространенные полезные ископаемые и содержащие необщераспространенные полезные ископаемые. Перечень участков, содержащих общераспространенные полезные ископаемые, утверждается по каждому субъекту РФ совместным распоряжением Министерства природных ресурсов (далее – Минприроды России) РФ и высшего органа исполнительной власти соответствующего субъекта РФ (Правительства субъекта РФ либо главы Правительства субъекта РФ – губернатора). Например, перечень полезных ископаемых по Московской области утвержден распоряжением Минприроды России № 39-р, губернатора Московской области № 392-РГ от 25 октября 2010 г. «Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Московской области» (Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 49). Например, торф на территории Московской области относится к категории общераспространенных полезных ископаемых, тогда как на территории Республики Крым он таковым не является (распоряжение Минприроды России № 34-р, Совета министров Республики Крым № 1300-р от 8 декабря 2014 г. «Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Республике Крым»).

соблюдении определенных условий добываться правообладателями земельных участков без получения лицензии¹, а добыча остальных категорий полезных ископаемых требует обязательного наличия таковой. Лицензия на добычу общераспространенных полезных ископаемых выдают органы государственной власти субъектов РФ, а добыча необщераспространенных полезных ископаемых осуществляется на основе лицензии, выдаваемой недропользователю органами власти федерального уровня.

При определении участков недр в качестве участков недр федерального значения решающее значение имеет, скорее, факт включения в соответствующий перечень, нежели вид энергетических ресурсов, содержащихся в нем (ч. 4 ст. 2.1 Закона РФ «О недрах»)². Однако последний критерий нельзя сбрасывать со счетов, так как при наличии определенного вида энергетических ресурсов на определенном участке недр последний априори подлежит включению в соответствующий перечень (подп. 1 и 2 ст. 2.1 Закона РФ «О недрах»)³.

Философское определение энергии еще со времен Аристотеля сближает ее в обыденном понимании с транспортировкой, поскольку определяет энергию как одно из условий движения материи. Аристотелем понятие «энергии» противопоставлялось как категории «возможности», так и категории действительности, завершенности (энтелехии), рассматривалось как процесс или движение к энтелехии⁴. Небезынтересна в этой связи дискуссия об отождествлении договора энергоснабжения с договором перевозки и об отнесении трубопровода к категории транспорта (хотя российское законодательство относит их к энергетическим сетям)⁵.

¹ Собственники и владельцы земельных участков имеют определенные права в отношении участков недр под ними: они вправе без лицензии 1) использовать общераспространенные полезные ископаемые не числящихся на государственном балансе без взрывных работ в границах данных земельных участков. Указанные действия не должны осуществляться в рамках предпринимательской деятельности.

² О недрах: закон РФ от 21 февраля 1992 № 2395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10. Ст. 823.

³ Там же.

⁴ Аристотель. Физика // Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 10.

⁵ Лалетина А. С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 13.

Экономические категории, ставшие определяющими в юриспруденции под влиянием марксизма (экономический базис и надстройка), рассматривали энергию как экономическое благо¹. Рассмотрение энергии как исключительно имущественной категории (товара) находит и своих противников². В пользу нетоварной природы энергии приводят такие аргументы, как отсутствие у нее эквивалентной стоимости на практике и ее абсолютная незаменимость³.

Существование энергии проявляется в ее потреблении. Ее существование и использование доказуемо исключительно при помощи приборов учета. Если хранение электрической энергии невозможно, то возможность хранения других видов энергетических ресурсов (например, тепловой энергии) не вызывает особых сомнений.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴ *использование природных ресурсов* представляет собой эксплуатацию природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и другой деятельности. Иными словами, хозяйственная деятельность предполагает эксплуатацию природных ресурсов напрямую или опосредованно. В первом случае природный объект – это основное средство извлечения прибыли; во втором – либо природный объект, либо окружающая экосистема в целом, подвергающаяся негативному воздействию.

Несмотря на то, что правовое регулирование отношений по разведке и добыче такого энергетического ресурса, как нефть, основано на общих нормах российского законодательства (Законе РФ «О недрах»), возможность самостоятельного правового регулирования отношений в сфере добычи, производства, переработки, транспортировки и оборота нефти и газа Законом

¹ Корнеев С. М. Договор на снабжение электрической энергией между социалистическими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 76.

² Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. С. 26.

³ Новикова А. С., Табунщиков А. Т. Особенности правового регулирования оборота энергии в российском гражданском законодательстве // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. Белгород, 2014. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/8735> (дата обращения: 19.03.2022).

⁴ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

РФ «О недрах» все-таки заложена: в ст. 1 данного закона отношения, связанные с геологическим изучением и добычей отдельных видов минерального сырья (в частности нефти), могут регулироваться другими федеральными законами при условии соблюдения положений Закона РФ «О недрах».

Неопределенность предмета энергетического права сообщила такое же качество предмету договора энергоснабжения. В соответствии с нормами Особенной части ГК РФ договор энергоснабжения выступает в качестве самостоятельной разновидности договоров, предполагающих переход права собственности от одного лица к другому относительно других категорий договоров купли-продажи. При этом договор энергоснабжения законодателем отнесен к разновидности договора купли-продажи, его положения подчинены субсидиарно не только нормам ГК РФ о договорах в целом, но и нормам ГК РФ о договорах купли-продажи. Договор газоснабжения, если проанализировать положения ГК РФ о договорах энергоснабжения, нормы Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации», Правила поставки газа, с одной стороны, может быть рассмотрен как договор энергоснабжения, с другой – как договор поставки товаров, что представляется взаимоисключающими состояниями.

Прибегнув к юридической фикции, законодатель назвал электроэнергию товаром, пусть и особого рода (ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Основные положения функционирования розничных рынков электрической энергии). Однако электроэнергия не является вещью, что означает невозможность передачи ее в собственность. Не в пользу признания товаром электрической энергии говорят ее неосязаемость; неотделимость от источника и средств передачи (генератора и электросетей); синхронность и неразрывность процесса производства, передачи и потребления; несохраняемость.

Подземные воды являются не водным объектом, а энергетическим ресурсом. Следовательно, отношения, возникающие в сфере их охраны и использования, подпадают под действие Закона РФ «О недрах», а не норм водного законодательства. Если добыча энергетических ресурсов с участков недр, расположенных на территории водного объекта, регулируется водным законодательством, то «жизненные циклы» права пользования такими участками недр – предоставление и

прекращение – осуществляются с соблюдением одновременно водного законодательства и Закона РФ «О недрах».

Несмотря на то, что нормативный акт, регулирующий отношения субъектов относительно всех категорий энергетических ресурсов, отсутствует, принятие такого акта, как предлагают ряд исследователей (например, Энергетического кодекса), нецелесообразно, поскольку ввиду разных правовых режимов энергетических ресурсов такая кодификация будет крайне трудоемкой. К тому же практической необходимости в унификации правового регулирования нет¹.

Однако развитие правового регулирования отношений по поводу добычи (производства) транспортировки и оборота энергетических ресурсов не должно осуществляться в рамках множества «законодательств» (о недрах, гражданского, законодательства о конкуренции, градостроительного, природоохранного, законодательства о газоснабжении), поскольку это создает препятствия во взаимодействии между владельцами объектов энергетики, предназначенных для добычи, переработки, хранения и транспортировки энергетических ресурсов. Необходима гармонизация положений существующих отраслей законодательства.

Заключение

Предметом правового регулирования являются отношения между субъектами правового регулирования по разведке, добыче, переработке, хранению, обороту, транспортировке и потреблению энергетических ресурсов, а объектом – энергетические ресурсы. Энергосбережение предполагает сокращение количества используемых энергоресурсов при условии сохранения соответствующего эффекта их применения (энергетической эффективности). Таким образом, правоотношения в сфере энергосбережения и энергоэффективности полностью поглощаются правоотношениями в области потребления энергетических ресурсов.

¹ Камышанский В. П. Толкование норм права в сфере энергосбережения как социально-правовой феномен // Толкование правовых актов. право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудов-правовой аспекты): материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2019. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 71.

Юридическое значение классификации энергетических ресурсов состоит в том, что от типа энергетического ресурса зависит ответ на принципиальный вопрос о публично-правовой или частноправовой природе регулирования его разведки, добычи, оборота, транспортировки и потребления. Если полезные ископаемые, содержащиеся в недрах, не могут быть объектом гражданского оборота, то с извлечением их из недр они приобретают качество товара, пусть и особого рода. В аспекте оборота они служат объектами гражданских прав в контексте ГК РФ, а в аспекте особенностей – объектом регулирования норм законодательства о газоснабжении, о драгоценных металлах и камнях, о государственном регулировании добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев).

Существуют определенные юридико-технические противоречия в объеме понятия «минеральное сырье» в соотношении с объемом юридического понятия «полезные ископаемые». Если законодательство о недрах отождествляет его с полезными ископаемыми, предполагая их геологическое исследование и добычу, то другие правовые акты, в частности Налоговый кодекс РФ и Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции», рассматривают минеральное сырье как извлеченное из недр полезное ископаемое. Мощность как предмет энергетического права – это количественная характеристика энергетического объекта (энергетической сети), поэтому не является энергетическим ресурсом.

Библиографический список

1. *Алексеев С.* Неисчерпаемый ресурс: какой должна быть завтрашняя российская энергетика // Rbc.ru. 2018. 22 ноября. URL: https://www.rbc.ru/opinions/technology_and_media/22/11/2018/5beed8569a79470d71856df5 (дата обращения: 19.03.2022).
2. *Аристотель.* Физика // Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
3. *Варламова А.* О некоторых проблемах договорных отношений на рынке электроэнергии // Хозяйство и право. 2006. № 12. С. 89–98.
4. *Камышанский В. П.* Толкование норм права в сфере энергосбережения как социально-правовой феномен //

Толкование правовых актов. право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты): материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2019. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 69–75.

5. *Корнеев С. М.* Договор на снабжение электрической энергией между социалистическими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 271 с.

6. *Курбанов Р. А., Налетов К. И.* Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции // Экономика. Право. Общество. 2018. № 2 (14). С. 12–16.

7. *Лалетина А. С.* Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 48 с.

8. *Матияцук С. В.* Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: монография. М.: Инфра-М, 2013. 238 с.

9. *Никольский С.* Правопреемство по третейскому соглашению: практические последствия теоретического спора на примере электроэнергетической отрасли // Хозяйство и право. 2007. № 5. С. 51–54.

10. *Новикова А. С., Табунчиков А. Т.* Особенности правового регулирования оборота энергии в российском гражданском законодательстве // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. Белгород, 2014. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/8735> (дата обращения: 19.03.2022).

11. *Попель О. С.* Возобновляемые источники энергии: роль и место в современной и перспективной энергетике // Российский химический журнал. 2008. Т. 52. № 6. С. 95–106.

12. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об электроэнергетике» / под общ. ред. В. Ю. Синюгина. М.: Деловой экспресс, 2003. 309 с.

13. *Свирков С. А.* Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. 476 с.

14. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.

УДК 340.1
ББК 67.3

В. Е. Семёнов

доцент

Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, доцент
N03C51@yandex.ru

А. К. Карданова

доцент

Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
k_aminka@mail.ru

О. Н. Лаута

доцент

Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат исторических наук, доцент
oligarxx@inbox.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ
XX–XXI ВЕКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE
IN THE XX-XXI CENTURES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Авторами исследован процесс эволюции правового сознания российской молодежи на рубеже XX–XXI вв. и проведен сравнительный анализ изменений в психологии молодых людей в разные рассматриваемые периоды истории страны. Охарактеризованы этапы развития правосознания молодежи, которое в значительной степени изменялось под воздействием определенных общественно-политических событий. Анализируя состояние правосознания молодых людей в начале XX в., авторы четко определяют его различия в зависимости от социальной принадлежности молодежи. Речь идет о том, что по мере развития революционных событий и проявления кризисных явлений в связи с поражениями в годы Первой мировой войны наблюдалась определенная трансформация политического сознания в целом и правосознания в частности. Утверждается, что качественное существенное изменение правосознания молодежи произошло в годы

Февральской революции и Октябрьского переворота. Это привело к тому, что правосознание, формирующееся под воздействием указанных факторов, стало носить у одной категории ярко выраженный антидемократический характер. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оно характеризовалось высокими нравственными качествами. Одной из черт гуманистического общества стал нравственный накал жизненных позиций советской молодежи. 60-е гг. XX в. отмечены развитием в правосознании элементов новых подходов. Период шестидесятников отражен и в среде художественной интеллигенции различных сфер деятельности. В правосознании возникли тенденции восприятия новых веяний практики развития мировой цивилизации. Высокий уровень патриотизма наблюдался у советской молодежи и в результате побед СССР в освоении космоса. В 80–90-е гг. XX в. стали происходить изменения ценностных ориентиров в пользу прагматизма, предприимчивости, стремления к ярко выраженному материальному достатку, причем не всегда законным путем. По итогам исследования в статье сформулированы выводы о необходимости возрождения интереса к изучению правосознания молодежи в различные эпохи его развития. Научная новизна публикации заключается в анализе отечественной научной литературы, ориентированной на изучение правосознания российской молодежи; в определении запроса на подобные исследования в будущем и необходимости создания научных направлений в изучении данного явления.

Ключевые слова: эволюция, молодежь, правосознание, сравнительный анализ, научное направление, патриотизм, справедливость, порядочность, коллективизм, идеалы российского общества.

The authors studied the process of evolution of legal consciousness of Russian youth at the turn of XX–XXI centuries and conducted a comparative analysis of changes in the psychology of young people in different periods of the country's history under consideration. It characterizes the stages of development of legal consciousness of young people, which changed significantly under the influence of certain socio-political events. Analyzing the state of young people's legal consciousness at the beginning of the 20th century, the authors clearly define its differences depending on the social affiliation of young people. The point is that as revolutionary events unfolded and the defeats of World War I brought about a certain transformation in political consciousness in general and legal consciousness in particular. It is argued that a qualitative significant change in the legal consciousness of young people occurred during the years of the February Revolution and the October upheaval. This led to the fact that the legal consciousness, formed under the influence of the above factors, began to have a pronounced anti-democratic character in one category. During the Great Patriotic War (1941–1945) it was characterised by high moral qualities. One of the features of the

humanist society was the moral intensity of life of the Soviet youth. The 1960s were marked by the development of elements of new attitudes in the legal consciousness. The period of the 1960s was also reflected in the artistic intelligentsia in various spheres of activity. Trends of perceiving new trends in development of world civilization practices emerged in legal consciousness. High level of patriotism was observed among the Soviet youth also as a result of the USSR's victories in space exploration. In the 80-90s. XX century. began to change value orientations in favor of pragmatism, enterprise, the desire for pronounced material wealth, and not always in a legal way. As a result of the study, the article draws conclusions about the need to revive interest in the study of legal consciousness of young people in different eras of its development. The scientific novelty of the publication lies in the analysis of domestic scientific literature focused on the study of legal consciousness of Russian youth; in determining the demand for such research in the future and the need to create scientific directions in the study of this phenomenon.

Keywords: evolution, young people, legal consciousness, comparative analysis, scientific direction, patriotism, justice, decency, collectivism, ideals of Russian society.

Изучение вопросов развития правосознания представляет несомненный научный интерес. В настоящее время особенно актуальны исследования об изменениях ценностных ориентиров молодежи в XX – начале XXI в.

В XX в. правосознание молодежи в значительной степени изменялось в связи с общественно-политическими событиями. Поражение России в Русско-японской войне привело к целому ряду изменений в правосознании населения страны, в первую очередь у молодежи – самой эмоциональной и отзывчивой части любого общества. Анализируя состояние правосознания молодых людей в этот период, необходимо четко определить различия правосознания в зависимости от социальной принадлежности молодежи. Полагаем, следует выделить и проанализировать правосознание рабочей молодежи с ярко выраженным революционным характером, учитывая, что данный процесс носил сложный и противоречивый характер. В первую очередь он связан с традициями развивающегося в стране революционного класса. Вместе с тем правосознание социальной группы молодежи отличается проявлениями оппортунистического характера соглашательства. В годы первой буржуазно-

демократической революции молодежь сражалась на баррикадах, выступала за революционное переустройство общества¹.

Представляет интерес анализ правосознания сельской молодежи. В нем переплетались новаторские идеи с консервативным настроением. Община стала фактором консервации остальных взглядов. Медленно, робко развивались среди сельской молодежи идеи прогрессивного характера. В основном они связаны с проблемой уравнительного наделения земель. Возникшие хуторские хозяйства привели к проявлению правосознания с четко выраженными интересами наживы, расширения права собственности, в том числе рваческими настроениями.

Правосознание представителей интеллигенции среди молодежи также оценивали неоднозначно. Оно характеризовалось диаметрально противоположными подходами, от крайне левых до крайне правых. При этом у определенной части в правосознании переплетались различные, а иногда крайне разные взгляды на существо происходящих процессов.

После проведения реформ местного самоуправления определенная часть интеллигентных молодых людей пошла служить народу. История сохранила для нас десятки примеров героического самозабвенного труда учителей начальных школ, врачей на благо развития сельского общества.

По мере развития революционных событий и возникновения кризисных явлений в связи с поражениями в годы Первой мировой войны, которая, по мнению значительной доли солдат, не имела цели, погибали ни в чем не повинные люди, происходила революционализация российской деревни. Это привело к противоречивому накоплению как позитивного, так и негативного опыта. Однако идея патриотизма, служения Отчизне во славу царя и Отечества оставалась определяющей чертой у многих представителей армии.

При исследовании развития правосознания с точки зрения политических взглядов и идеалов наблюдается сильнейшая поляризация этого процесса: его радикализм, либерализм, реформизм, идеи коммунизма, идеи интернационализма в

¹ Панякина Т. В. Особенности крестьянского правосознания в начале XX века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 21.

сочетании с монархическими идеями, зовущими страну повернуть вспять. Такова палитра интересов молодежи.

Тем не менее аксиологический анализ позволяет сделать вывод о том, что в целом доминировали идеи справедливости, добра, равенства, которые разные категории с крайне несовпадающими позициями понимали по-разному. Идея уравнительного землепользования имела особое значение. Учитывая особенность ментальности россиян, необходимо обратить внимание на то, что эта идея практически доминировала на протяжении многих веков.

Качественное существенное изменение правосознания молодежи произошло в годы Февральской революции и Октябрьской революции (переворота). Это привело к тому, что правосознание, формирующееся под воздействием указанных факторов, стало носить у одной категории ярко выраженный антидемократический характер. Как в ходе революционных событий страна разделилась на несколько лагерей, так и правосознание приобрело у значительной части молодежи эклектический характер. Такая неустойчивая группа могла в течение короткого периода изменить свои взгляды и подходы: от крайне левых к правым, даже крайне правым. Несмотря на то, что романтика, стремление к лучшей неизведанной жизни становились чертами определенной части молодых людей, эти черты укрепили свои позиции в годы коллективизации и индустриализации¹.

Особенно ярко романтическая черта советской молодежи проявилась в развитии стахановского движения. Идея «соревновательности» всегда была присуща российской молодежи. Правосознание четко определено стремлением бороться за повышение производительности труда, достижение новых, ранее не известных рекордов. История молодежного движения сохранила на долгие годы имена победителей-стахановцев. Из них выросли передовики рабочего класса и сельскохозяйственного производства, ставшие гордостью СССР. Родина отметила их труд орденами и медалями, некоторым из них присвоено звание Героя Социалистического Труда. В правосознании молодых людей четко выражено стремление к

¹ Рассказов А. П. Истоки сравнительного правоведения // Философия права. 2014. № 2. С. 15.

освоению богатств Севера, тундры, других территорий нашей необъятной России.

В движении комсомола получили развитие массовые патриотические начинания: борьба за повышение производительности труда, новаторское отношение к труду. Молодежь овладевала смежными специальностями, повышала профессиональные умения.

Правосознание молодежи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. характеризовалось высокими нравственными качествами. Среди черт гуманистического общества – нравственный накал жизненных позиций советской молодежи¹. С момента начала этой войны сотни тысяч комсомольцев и беспартийной молодежи пришли в военкоматы с просьбой об отправке их в действующую армию, на фронт. Такого уровня высокого патриотизма, героизма, беспредельной преданности Родине не знало правосознание всех времен и народов. Нельзя назвать ни одного направления действия вооруженных сил, в котором с высокой энергией и мужеством не сражалась бы молодежь.

Попытки клеветников Запада исказить, испохабить достижения нашей молодежи потерпели крах, и в будущем подобные попытки не увенчаются успехом. Подтверждение тому – подвиги современной российской молодежи при проведении операций по защите Донецкой народной республики и Луганской народной республики. Ежедневно Министерство обороны России информирует о подвигах молодых людей. Государственная Дума приняла постановление о льготах для участников этих боевых действий. Страна должна знать и помнить своих героев.

В партизанском движении в лесах Белоруссии, Украины, центральной части России сражались десятки тысяч представителей молодого поколения. Необычайную мужественность, терпеливость проявляли юноши и девушки в подполье. Подвиг антифашистской организации «Молодая гвардия» должен быть сохранен на века. Не вполне понятна позиция Министерства просвещения Российской Федерации (РФ), которая, по сути, исключила изучение романа А. А. Фадеева из школьного курса. В этом романе с огромной художественной

¹ Подгорнова А. С., Шведчикова Е. В. Правосознание // Вестник науки. 2019. Т. 1. № 1 (10). С. 94.

ценностью изображены быт и характер девушек и парней. Они руководствовались патриотическим лозунгом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Правосознание даже молодых деятелей культуры отличалось высоким уровнем патриотизма. Тысячи концертов на передовой провели наши деятели культуры. Даже в блокадном Ленинграде звучали оркестры, исполнявшие Симфонию № 7 Д. Шостаковича. Советская литература, драма и поэзия, была проникнута высоким уровнем любви к простому советскому человеку, его нуждам, горести и непоколебимому чувству любви к Родине.

В военные годы невероятным трудолюбием отличались мальчишки и девчонки. История сохранила для нас фотографии и памятные свидетельства того, как подросток, выполнявший работу взрослого, чтобы достать до места управления станком, должен был стоять на подставке. Заводы, которые эвакуировали на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию, в течение короткого времени стали производить продукцию, отвечающую мировым стандартам. По качеству вооружений Россия уже к 1943 г. достигла превосходства над фашистами, хотя на гитлеровскую Германию работали многие заводы Западной Европы. Молодые ребята, несмотря на недостаток питания, одежды, тепла, показывали образцы настоящего квалифицированного труда во благо нашей Родины¹.

В правосознании молодежи села ярко проявилось стремление вместе с оставшимися в колхозах и совхозах матерями работать на фермах (МТС), в животноводческих и семеноводческих бригадах. Многие перевыполняли нормы и зарабатывали по 100 и более норм трудовых дней. На всю страну прославились тысячи молодых тружеников.

На фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. воевали миллионы молодых представителей Страны Советов. Тысячи юношей и девушек удостоены звания Героя Советского Союза. Изменения, происходившие в психологии молодых людей, носили ярко выраженный диалектический характер.

¹ Геращенко А. И., Геращенко И. Г. Философия права П. И. Новгородцева и кризис правосознания // Studia Humanitatis: Междунар. электр. науч. журнал. 2018. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-filosofiya-prava-pi-novgorodceva-i-krizis-pravosoznaniya> (дата обращения: 13.04.2022).

Правосознание отличалось высоким уровнем, глубоким пониманием чувства сопричастности идеалам российского общества, суть которого состояла в беспредельной преданности родной земле, глубокой заботе о ней, желании возделывать ее. Молодежь исходила в поступках из осознания слов: «Но землю, с которой вместе мерз, вовек забыть нельзя. Это – наша земля, не отдадим ни пяди земли без боя». На земле, в воздухе и на воде – повсюду достигали успеха в бою с противником.

Анализируя структуру правосознания, выявляем глубокие изменения в ней. Все они направлены на развитие высокого чувства патриотизма у молодежи. Ее подвиг навсегда вошел в историю России. К ценностным ориентирам правосознания относим патриотизм, справедливость, порядочность, коллективизм. Наряду с позитивными изменениями в развитии правосознания нельзя не обнаружить особую ориентацию на чувства коллективизма, сопричастности делам общества¹.

В послевоенные годы правосознание молодежи отличалось рядом ценностных ориентиров:

Стремлением в короткие сроки восстановить разрушенное войной хозяйство.

Чувством новаторства, героизма, которое определяет выполнение намеченных государством задач.

Романтическим восприятием различных сторон жизни.

60-е гг. XX в. отмечены развитием в правосознании элементов новых подходов. Этим периодом шестидесятников охвачена и среда художественной интеллигенции различных сфер деятельности. В правосознании появились тенденции восприятия новых веяний практики развития мировой цивилизации. Высокий уровень патриотизма наблюдается у советской молодежи и в результате побед СССР в освоении космоса. Слова «Поехали!», произнесенные первым космонавтом Юрием Гагариным, стали символом поколения советской молодежи.

В настоящее время идет острая дискуссия об участии в формировании правосознания комсомола. При всех неоднозначных оценках данного процесса очевидна, полагаем, позитивная роль этой массовой общественно-политической организации в развитии ценностных ориентиров правосознания.

¹ Калинина Е. Ю. Ментальность и правосознание // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 27.

Реальным воплощением в жизнь ценностных ориентиров молодежи стали следующие направления ее деятельности:

1. Участие в организации и формировании студенческих строительных отрядов (по примеру студентов Московского государственного университета).

2. Участие в освоении целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке.

3. Участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали, других видов транспорта.

4. Высокий уровень художественного воплощения в жизнь различных направлений деятельности советского общества.

В 80–90-е гг. XX в. стали происходить изменения ценностных ориентиров в пользу прагматизма, предприимчивости, стремления к ярко выраженному материальному достатку, причем не всегда законным путем. Эти тенденции получили дальнейшее развитие в начале XXI в. Распад СССР, отсутствие государственной идеологии привели к негативным изменениям правосознания.

Библиографический список

1. *Геращенко А. И., Геращенко И. Г. Философия права П. И. Новгородцева и кризис правосознания // Studia Humanitatis: Междунар. электр. науч. журнал. 2018. № 1. URL: <https://sthum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-filosofiya-prava-pi-novgorodceva-i-krizis-pravosoznaniya> (дата обращения: 13.04.2022).*

2. *Калинина Е. Ю. Ментальность и правосознание // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 27–32.*

3. *Панякина Т. В. Особенности крестьянского правосознания в начале XX века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 21–23.*

4. *Подгорнова А. С., Шведчикова Е. В. Правосознание // Вестник науки. 2019. Т. 1. № 1 (10). С. 94–96.*

5. *Рассказов Л. П. Истоки сравнительного правоведения // Философия права. 2014. № 2. С. 15–18.*

Т. Б. Семенуха

доцент

кафедры гражданского права и процесса

Юридического института

Севастопольского государственного университета

tatiana_semenukha@mail.ru

**ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО
НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА НА НОВЫЙ СРОК В
ИНСТИТУТАХ АРЕНДЫ И НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ**

**PRIORITY RIGHT TO A NEW TERM AGREEMENT
IN THE INSTITUTIONS OF RENTAL AND TENANCY**

Статья посвящена проблеме реализации преимущественных прав при заключении договоров аренды и коммерческого найма жилья. Проанализированы правоотношения, складывающиеся в процессе реализации преимущественного права при заключении договоров аренды и найма на новый срок. Указанные правоотношения рассмотрены как комплекс абсолютных и относительных правоотношений. Автором дана квалификация относительных правоотношений как организационных обязательственных отношений, осуществлен анализ возникновения обязательства. Проведена сравнительная характеристика процесса реализации преимущественного права при заключении договоров аренды и коммерческого найма, выявлены сходства и различия в моменте возникновения субъективного преимущественного права, предпосылках его возникновения, а также в способах защиты.

Ключевые слова: абсолютное правоотношение, относительное правоотношение, гражданско-правовой договор, преимущественное право, договор аренды, договор найма, обязательственное отношение, структура обязательственного отношения, обязательство, способ защиты права.

The article is devoted to the problem of implementation of pre-emptive rights at the conclusion of contracts of rent and commercial lease of housing. The legal relations that develop in the process of realization of the pre-emptive right at the conclusion of contracts of rent and lease for a new period are analyzed. The legal relations were examined as a complex of absolute and relative legal relations. The author qualifies relative legal relations as organizational binding relations and analyses the emergence of

obligations. A comparative characteristic of the process of realisation of the pre-emptive right at the conclusion of lease and commercial lease contracts was carried out; similarities and differences in the moment of occurrence of the subjective pre-emptive right, preconditions of its occurrence as well as in the ways of protection were revealed.

Keywords: absolute legal relationship, relative legal relationship, civil law contract, priority right, lease agreement, tenancy agreement, commitment relationship, structure of commitment relationship, obligation, mode of protection of right.

Арендные отношения широко распространены в гражданском обороте. Многие коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели осуществляют деятельность с использованием чужого имущества за плату. Для них стабильность отношений с собственниками имущества важна в целях планирования их деятельности.

В итоге это влияет на устойчивость экономики страны и экономического развития. Стабильность правоотношений, основанных на договорах коммерческого найма жилых помещений, сложно переоценить, поскольку такие правоотношения являются одной из юридических форм реализации права на жилище, которое относится к фундаментальным правам человека и гражданина. Р. А. Герасимов пишет: «Конституционное право на жилище входит в систему прав и свобод человека и гражданина, а именно – в систему социальных прав. В системе социальных прав, при признании его самостоятельности, право на жилище является элементом комплексного права на достойную жизнь»¹. Именно преимущественные права при заключении договоров аренды и договоров найма жилых помещений на новый срок, предоставленные арендаторам и нанимателям, обеспечивают стабильность. Уяснение правовой природы этих прав, детальный анализ процесса их осуществления, структурирование правоотношений, возникающих при их реализации, позволит выработать рекомендации для правоприменительной практики и правотворчества в рассматриваемой сфере.

В связи с изложенным становится очевидным, что тема настоящей статьи должна быть признана актуальной. Проблемы

¹ Герасимов Р. А. Сущность и нормативное содержание права на жилище. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005. С. 27.

реализации преимущественных прав изучали многие ученые. Среди них – В. П. Грибанов, Е. А. Суханов, В. С. Ем, В. В. Витрянский, К. И. Скловский, В. А. Белов, И. А. Емелькина, А. Г. Карапетов, Л. Ю. Леонова, Л. В. Кузнецова и др.

В российском законодательстве закреплён широкий спектр преимущественных прав, которые предусмотрены нормами различных отраслей права. В. А. Белов, исследуя законодательный материал, выявил и классифицировал 45 вариантов закрепления преимущественных прав в гражданском, земельном, трудовом, семейном и ином законодательстве¹.

Понятие преимущественных прав формулировали разные исследователи. В. П. Грибанов понимал под преимущественными правами «такие случаи, когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками»². Л. Ю. Леонова, анализируя особенности применения преимущественного права арендатора на заключение договора аренды на новый срок, делает вывод о том, что преимущественное право арендатора имеет характер права на чужую вещь³. В. А. Белов квалифицировал преимущественные права как «относительные секундарные права, предоставляющие их носителю возможность совершить юридическое действие в отношении связанного лица, преимущественное по своему юридическому значению перед аналогичными возможностями иных лиц»⁴. Л. В. Кузнецова, раскрывая вопрос о природе и месте преимущественных прав в системе гражданских прав, пришла к выводу о том, что в каждом случае такие права могут быть абсолютными или относительными, вещными, обязательственными или корпоративными, а «преимущественность» не затрагивает содержание права и отражается в действительности только на особенностях его осуществления⁵.

¹ Белов В. А. Основы учения о преимущественных правах // Вестник Московского университета. 2001. № 6. С. 37.

² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 295.

³ Леонова Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 21.

⁴ Белов В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. С. 894.

⁵ Кузнецова Л. В. Преимущественное право: понятие и правовая природа // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 46.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным анализировать все подходы к пониманию преимущественных прав. Однако несложно заметить, что приведенные определения либо отражают лишь одну особенность преимущественных прав, либо уводят в сторону от цели познания сущности рассматриваемого гражданского-правового явления, но в любом случае не учитывают сложную структуру этого явления.

Преимущественное право состоит из двух прав. Одно из них входит в содержание относительного правоотношения, которое в контексте темы настоящей статьи складывается между арендодателем (наймодателем) и арендатором (нанимателем). Другая часть преимущественного права входит в содержание абсолютного правоотношения. Одной из его сторон является обладатель преимущественного права, а другой – третьи лица, несущие обязанность не нарушать субъективное право арендатора (нанимателя), которое законодатель признал таким, что имеет преимущество перед всеми третьими лицами, право которых на заключение договора не имеет иного законного основания, кроме правоспособности.

Такое представление о структуре преимущественного права – это не наша выдумка, оно следует из логики закона. Оно отражено и в иных сложных правовых конструкциях, а не только в конструкциях аренды и найма. Регулируя залоговые отношения, законодатель текстуально закрепил в п. 1 ст. 334.1, в абзаце третьем п. 4 ст. 339.1, п. 1 ст. 341 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) их разделение на отношения между залогодателем и залогодержателем, приобретающие характер относительных правоотношений, и на отношения между залогодержателем и третьими лицами, приобретающие характер абсолютных правоотношений. Хотя законодатель при этом и не использует термины «относительное» и «абсолютное» (правоотношение), такое деление следует из текста указанных законодательных положений. Это деление имеет и теоретическое значение, и практическое, поскольку позволяет правильно квалифицировать соответствующие правоотношения и выработать эффективные способы защиты данного права.

Представляется, что в своей относительной части преимущественное право входит в содержание правоотношения, которое должно быть квалифицировано как обязательство. Выявление обязательств в системе правоотношений, в содержание которых входит преимущественное право, позволяет

утверждать, что законодатель осознает необходимость стабильности прав пользования чужим имуществом и предусматривает для участников гражданского оборота такую правовую форму, которая обеспечивает эффективное упорядочение их отношений. В качестве этой правовой формы и выступает обязательство, определяемое в п. 1 ст. 307 ГК РФ, а конкретнее – обязательство организационное. Как показала практика, такой способ организации рассматриваемых отношений наиболее эффективен.

Несмотря на то, что действующее гражданское законодательство не именуется ни одно обязательство организационным, это понятие долгое время существует в отечественной доктрине. Теория об организационных отношениях разработана в середине 60-х гг. прошлого столетия О. А. Красавчиковым¹. С указанного периода она нашла как сторонников, так и противников. Позитивно воспринимающие эту теорию ученые указывают на обилие примеров организационных обязательств (или обязательств с неимущественным содержанием), возникающих в гражданском обороте². Другие утверждают, что отдельно существующие организационные обязательства – это особенность прежней планово-регулируемой экономики, а потому в современном правопорядке такие обязательства не могут быть самостоятельной частью предмета гражданского права³. Полностью существование организационных обязательств не отрицают и последние, а лишь указывают на то, что организационные обязательства всегда непосредственно обслуживают имущественный оборот, а значит, самостоятельного значения не имеют⁴.

Для целей правоприменения и квалификации правоотношений, складывающихся в процессе реализации преимущественных прав, не имеют значения указанные нюансы теоретических представлений. Главным представляется

¹ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50.

² Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под. ред. А. П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2011. С. 811–812.

³ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 99.

⁴ Там же.

концептуальное признание существования организационных обязательств.

Закрепление в отечественном законодательстве конструкций, порождающих различные обязанности сторон, не связанные непосредственно с передачей имущества, оказанием услуг, выполнением работ, дает возможность утверждать, что современный гражданский оборот требует таких правовых форм, которые позволили бы его участникам формировать правоотношения на формально определенной, стабильной и легко воспринимаемой законодательной базе.

Поскольку целью закрепления преимущественных прав является именно стабильность гражданского оборота, ради которой законодатель посчитал возможным ограничение договорной свободы сторон, обеспечение этой цели, очевидно, должно основываться на жесткой правовой конструкции. Ее разрушение не может быть поставлено в зависимость от субъективных устремлений отдельных участников отношений, регулируемых гражданским правом.

Такой правовой конструкцией в действующем гражданском законодательстве, безусловно, следует признать конструкцию обязательства. Это относительное правоотношение стабильно, крепко связывает его участников, не позволяет ему прекратиться без достаточных для этого оснований. Последние предусмотрены законом либо следуют из соглашения, а потому указанная правовая связь, как никакая другая, способна обеспечить стабильность общественных связей, необходимую для поддержания сбалансированного экономического оборота. Исходя из положений ст. 307 ГК РФ, ввиду обязательства одно лицо может быть обязано не только совершить определенное действие (передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги), но и воздержаться от определенного действия. Поскольку законодатель предусмотрел возможность существования обязательства в форме бездействия – негативное обязательство (что само по себе предполагает неимущественное содержание), то существование позитивных обязательств с неимущественным содержанием тем более должно быть признано возможным. Такие обязательства могут иметь организационное, информационное, контрольное, делегирующее содержание.

В частности, законодатель предусмотрел конструкцию организационных обязательств, возникающих на основании

предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), в рамках которой стороны обязуются заключить основной договор. На основании ст. 429 ГК РФ возникают организационные обязательства, порождающие для сторон обязанности совершить действия, непосредственно не направленные на имущественный обмен, а только предполагающие такой обмен в будущем. Существование организационных (хотя данный термин и не применяется) обязательств признается и высшей судебной инстанцией, которая в п. 26, 27, 28 постановления Пленума Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» использует термин «обязательство по заключению договора»¹.

Вышеизложенное позволяет квалифицировать относительные правоотношения по реализации преимущественных прав в качестве обязательственных отношений, а точнее – организационных обязательственных отношений. Вывод о том, что между сторонами договора аренды при реализации преимущественного права арендатора на заключение договора аренды на новый срок возникает обязательственное отношение, основан на анализе положений абзаца третьего п. 1 ст. 621 ГК РФ с помощью логического заключения от последующего правового явления к предыдущему, суть которого раскрыта в научной работе, посвященной толкованию права². Поскольку арендатор может требовать от арендодателя (и нового арендатора) перевода на себя прав и обязанностей по заключенному договору аренды (последующее правовое явление), значит, он имеет субъективное право на заключение арендодателем договора аренды именно с ним (предыдущее правовое явление). Этому праву арендатора корреспондирует обязанность арендодателя заключить договор аренды именно с арендатором, срок договора с которым истек. Правовая конструкция «имеет право – обязан» соответствует конструкции обязательства. Поскольку содержание обязанности

¹ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2. С. 24–32.

² Ротань В. Г., Сонин О. Е., Чертков Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2019. С. 228–286.

представляет собой действие по заключению договора, ее следует квалифицировать как входящую в содержание организационного обязательства. В связи с вышеизложенным нельзя согласиться с позицией А. В. Кузнецовой, утверждающей, что преимущественному праву арендатора не противостоит корреспондирующая субъективная обязанность арендодателя заключить договор аренды¹. Обязанность арендодателя заключить договор текстуально в законе не установлена, но логически она закреплена. И данная обязанность должна быть выполнена, если будут в наличии предусмотренные законом юридические факты. Субъективному праву всегда корреспондирует обязанность.

В конструкции преимущественного права, закрепленной в ст. 621 ГК РФ, прежде всего следует обратить внимание на то, что законодатель установил это право диспозитивной нормой, действие которой к тому же может быть исключено законом (на это указывает оговорка «если иное не предусмотрено законом или договором»). Между тем диспозитивное закрепление преимущественного права в иных случаях в ГК РФ не обнаружено. Не все исследователи преимущественных прав позитивно оценивают договорную свободу, закрепленную в ст. 621 ГК РФ. Е. А. Храпунова придерживается мнения о том, что эффективность правового регулирования требует отказа от оговорки «если иное не установлено договором», поскольку исключения из указанного правила должны быть установлены только законом².

Преимущественное право арендатора, закрепленное в п. 1 ст. 621 ГК РФ, не появляется с момента заключения договора аренды. Возникает вопрос о том, с какого момента рождается обязательство, в содержание которого входит субъективное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок и обязанность арендодателя заключить договор именно с ним. Из анализа правовых норм, закрепленных в ст. 621 ГК РФ, становится очевидным, что возникновение данного организационного обязательства законодатель связывает с

¹ Кузнецова А. В. Указ. соч. С. 47.

² Храпунова Е. А. Преимущественное право арендатора на заключение договора на новый срок: проблемы сущности и правовой природы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8 (99). С. 93.

накоплением сложного фактического состава. На входящие в этот фактический состав юридические факты законодатель указал как текстуально, так и логически.

Первым юридическим фактом, логически закрепленным в п. 1 ст. 621 ГК РФ, является наличие действующего арендного правоотношения. Вторым юридическим фактом, который уже закреплен текстуально, служит надлежащее исполнение арендатором обязанностей по договору аренды. Обязанности эти установлены ст. 606, 615, 616 ГК РФ и договором аренды. Несмотря на то, что законодатель скуп охарактеризовал характер выполнения арендатором своих обязанностей («надлежаще»), утрата преимущественного права при нарушении арендатором обязанностей, должна произойти лишь в случае существенных нарушений с его стороны. Например, просрочка внесения платы за пользование предметом аренды на несколько дней не должна быть использована арендодателем в качестве причины отказа в удовлетворении преимущественного права арендатора. Такие действия арендодателя будут нарушать обязанность действовать добросовестно (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

Третьим юридическим фактом, законодатель называет действие арендатора по извещению арендодателя о желании заключить договор на новый срок. При этом извещение должно быть доставлено в оговоренный сторонами срок или в разумный срок до окончания договора. Нет сомнений в том, что направлять или не направлять уведомление зависит от воли арендатора, а потому не следует буквально понимать норму закону п. 1 ст. 621 ГК РФ, в аспекте того, что арендатор «обязан письменно уведомить арендодателя». «Обязан уведомить» – это обязанность, входящая в содержание не обязательства, а иного правоотношения. Содержание последнего составляет обязанность, которой не корреспондирует субъективное право. Такие правоотношения существуют в гражданском законодательстве (например, они возникают на основании ст. 474 ГК РФ), и они замечены учеными¹.

На первый взгляд, в абзаце третьем п. 1 ст. 621 ГК РФ закреплен еще четвертый юридический факт, необходимый для возникновения обязательства. Речь идет о возникновении намерения арендодателя в течение года после прекращения

¹ Азарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 246.

договора аренды вновь сдать имущество. Однако поскольку намерение арендатора как юридический факт фиксируется с трудом, более приемлемым было бы п. 1 ст. 621 ГК РФ интерпретировать таким образом: для возникновения организационного обязательства, в котором арендодатель несет обязанность заключить договор аренды на новый срок, достаточно первых трех указанных выше юридических фактов. Но исполнение этого обязательства законодатель обусловил возникновением указанного намерения кредитора. Это – гражданско-правовая конструкция, предусмотренная ст. 327.1 ГК РФ, но не подпадающая под действие указанной статьи, поскольку последняя обуславливает исполнение наступлением обстоятельства, предусмотренного договором. Пункт 1 ст. 621 ГК РФ обуславливает исполнение наступлением обстоятельства, предусмотренного законом.

Далее рассмотрим обязательственное отношение, возникающее при реализации преимущественного права на заключение договора найма жилого помещения. Абзац первый ст. 684 ГК РФ содержит правовую норму, устанавливающую преимущественное право нанимателя на заключение договора найма на новый срок. Данная норма, в отличие от нормы п. 1 ст. 621 ГК РФ, не содержит оговорки о возможности исключения преимущественного права другой правовой нормой или договором, то есть преимущественное право нанимателя носит императивный характер и действует даже независимо от качества исполнения нанимателем своих обязанностей по договору найма. Это обстоятельство Е. В. Богданов и Ю. М. Козлова оценивают критически: «Налагая определенные ограничения на собственника жилого помещения путем предоставления нанимателю преимущественного права на заключение договора на новый срок, полную и всестороннюю защиту необходимо обеспечить именно добросовестному пользователю»¹. Критическая оценка закона в данном случае является неоправданной. Заключение договора на новый срок с соблюдением преимущественного права нанимателя не исключает защиты наймодателем своих прав на основании п. 2 ст. 687 ГК РФ: наймодатель может требовать расторжения договора при наличии оснований, предусмотренных этим

¹Богданов Ю. М., Козлова Ю. М. Преимущественное право нанимателя на заключение договора на новый срок // Нотариус. 2009. № 5. С. 37.

пунктом. Вместе с тем при краткосрочном найме (если срок договора менее года) наниматель не обладает преимущественным правом на заключение договора найма жилого помещения на новый срок.

Однако до того, как на стороне нанимателя возникнет преимущественное право на заключение договора найма жилого помещения, закон предусмотрел два варианта развития взаимоотношений наймодателя и нанимателя: 1) наймодатель не позднее чем за три месяца до окончания срока найма не предупреждает нанимателя об отказе от продления договора в связи с решением не сдавать жилое помещение внаём в течение не менее года. В данном случае договор продлен на такой же срок и на этих же условиях; 2) стороны заключают договор на новый срок на этих же или иных условиях.

Если срок договора найма жилого помещения истек, а до этого наймодатель предупредил нанимателя об отказе от продления договора, на стороне нанимателя возникает преимущественное право на заключение договора найма жилого помещения на новый срок (ч. 1 ст. 684 ГК РФ). Одновременно появляется организационное обязательство, содержание которого составляют субъективное право нанимателя на заключение договора найма на новый срок и корреспондирующая этому субъективному праву обязанность наймодателя. Исполнение данного обязательства обусловлено решением наймодателя заключить договор найма с другим лицом и заключением такого договора. Тем самым действиями наймодателя нарушается его обязанность, существующая в указанном выше организационном обязательстве. Это дает нанимателю право требовать понуждения наймодателя к исполнению обязанности заключить договор в натуре (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ).

Следует учитывать, что правовая норма, установленная ч. 4 ст. 684 ГК РФ, является совместимой с правовой нормой, установленной п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Поэтому наниматель вправе одновременно требовать признания договора недействительным и понуждения наймодателя к исполнению обязанности в натуре. В контексте искового требования о признании договора недействительным истцу (нанимателю) будут противостоять два ответчика: 1) наймодатель, нарушивший ст. 684 ГК РФ, которая предоставляет нанимателю субъективное право на заключение договора на новый срок; 2) другая сторона оспариваемого договора, которая нарушила ст. 684 ГК РФ, предоставляющая

нанимателю абсолютное право на устранение любого третьего лица от заключения договора найма того жилого помещения, на заключение договора найма которого наниматель имеет преимущественное право.

Нами рассмотрены два варианта регулирования реализации преимущественного права на заключение договора на новый срок в арендных отношениях и отношениях найма жилья. В результате выявлены существенные различия в нормативном регулировании, что нельзя признать во всех случаях обоснованным.

Природа указанных правоотношений (аренды и найма жилья) одинакова. Она основана на временном пользовании чужим имуществом за плату. И для арендатора, и для нанимателя продолжение использования имущества, без сомнения, имеет существенный интерес. Данный интерес целесообразно обеспечивать и защищать единообразным способом.

Существенное различие в регулировании исследуемых отношений заслуживает отдельного упоминания. Речь идет о различиях в специальных способах защиты преимущественного права арендатора и нанимателя жилья. Для арендатора предусмотрено право (возможность) в случае нарушения его преимущественного права со стороны арендодателя и иного лица предъявить требование о переводе на себя прав и обязанностей по договору аренды. Однако в специальной норме, посвященной преимущественному праву нанимателя на заключение договора найма на новый срок, такой способ защиты не указан. Вместо него законодатель предложил нанимателю ставить вопрос о признании нового договора найма недействительным и соединять его с требованием о понуждении к выполнению обязанности по заключению договора в натуре.

Безусловно, предложенный нами способ защиты преимущественного права нанимателя жилого помещения эффективен. Однако он не очевиден для сторон договора найма, что подтверждается практически полным отсутствием таких споров в практике судов. Для участников этих правоотношений не ясна возможность применения положений п. 1 ст. 308.3 ГК РФ при избрании способа защиты преимущественного права. Отдельно от понуждения к заключению договора требование о признании договора найма недействительным не приводит к восстановлению нарушенного преимущественного права нанимателя, пользования жильем наниматель не получает. В

связи с этим *de lege ferenda* следует предусмотреть для защиты преимущественного права нанимателя на заключение договора найма на новый срок такой же специальный способ защиты, как и при аренде – перевод прав и обязанностей по договору. Указанный способ защиты следует признать наиболее оптимальным, привычным для гражданского оборота и правоприменительной практики.

С учетом проведенного исследования становится понятным, что в схожих правоотношениях по пользованию чужим имуществом в возможностях реализации преимущественного права на заключение договора на новый срок существует больше различий, чем единообразия. Такая дифференциация правового регулирования не обусловлена потребностями целесообразного урегулирования общественных отношений и является следствием недостаточной технико-юридической отработки соответствующих законодательных текстов

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 490 с.
2. Белов В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. 1085 с.
3. Белов В. А. Основы учения о преимущественных правах // Вестник Московского университета. 2001. № 6. С. 37–54.
4. Богданов Ю. М., Козлова Ю. М. Преимущественное право нанимателя на заключение договора на новый срок // Нотариус. 2009. № 5. С. 37–40.
5. Герасимов Р. А. Сущность и нормативное содержание права на жилище. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2005. 32 с.
6. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под. ред. А. П. Сергеева. М.: РФ-Пресс, 2011. 1008 с.
7. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клавер, 2005. 800 с.
8. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 695 с.

9. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57.

10. Кузнецова Л. В. Преимущественное право: понятие и правовая природа // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 46–54.

11. Леонова Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 30 с.

12. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Чертков Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2019. 792 с.

13. Храпунова Е. А. Преимущественное право арендатора на заключение договора на новый срок: проблемы сущности и правовой природы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8 (99). С. 89–93..

УДК 34: 377.8
ББК 74.03(2)

С. Н. Смирнов

доцент
кафедры теории права
Тверского государственного
университета,
кандидат юридических наук,
доцент
Российская Федерация
г. Тверь
Smirnov.SN@tversu.ru

А. А. Свистунов

доцент
кафедры частного права
Российского нового
университета,
кандидат юридических наук,
доцент
Российская Федерация
г. Тверь
svistunovaa@minobrnauki.gov.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВЕРСКОЙ ЖЕНСКОЙ
УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ П. П. МАКСИМОВИЧА)**

**SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL
CHARACTERISTICS OF WOMEN'S PEDAGOGICAL
EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND
HALF OF THE 19TH CENTURY AS A SOCIAL LIFT (ON THE
EXAMPLE OF ACTIVITIES OF THE TVER WOMEN'S TEACHER
TRAINING SCHOOL NAMED AFTER P. P. MAKSIMOVICH)**

Авторами освещены направления деятельности Тверской женской учительской школы П. П. Максимовича во второй половине XIX века в аспекте выполнения ею функций социального лифта. На примере этой школы дана характеристика женского педагогического образования в контексте его места и роли в механизме социальной мобильности представителей различных социальных групп Российской империи. Практическое применение результатов исследования, согласно авторской позиции, видится возможным в целях формирования исторического ориентира при подготовке законопроектов в сферах образования, образовательной поддержки высокомотивированных школьников, совершенствования системы социальной мобильности.

Ключевые слова: Россия, женское педагогическое образование, правовой статус человека, социальная мобильность, сословные различия,

женская учительская школа П. П. Максимовича, профессиональная деятельность.

The authors describe the activities of the Tver Women's Pedagogical School named after P. P. Maksimovich in the second half of the XIX century from the viewpoint of its functions as a social lift. By the example of this school the author describes women's pedagogical education in the context of its place and role in the mechanism of social mobility of different social groups of the Russian Empire. The practical application of the research results, according to the author's position, is seen as possible in order to form a historical reference point in the preparation of draft laws in the fields of education, educational support for highly motivated schoolchildren, and improvement of social mobility system.

Keywords: Russia, women's teacher training, legal status of the individual, social mobility, class differences, Women's Teacher Training School named after P. P. Maksimovich, professional activity.

Выстраивание и совершенствование работы социальных лифтов для молодежи России является в настоящее время одной из актуальных задач государственной политики.

Осуществление полномочий федеральными органами государственной власти, в частности Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством просвещения Российской Федерации (РФ), по нормативно-правовому регулированию в сфере образования и социальной поддержке обучающихся в рамках деятельности по достижению национальных целей развития России призвано содействовать повышению эффективности работы механизмов вертикальной социальной мобильности¹. Учет накопленного отечественной системой образования опыта в плане функционирования каналов социальной мобильности имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Различные аспекты развития женского педагогического образования в Российской империи во второй половине XIX в. служили предметом исследования в целом ряде научных работ в рамках исторической, педагогической и некоторых других наук. Вместе с тем наблюдается дефицит историко-правовых исследований деятельности женских педагогических учреждений в аспекте выполнения ими роли социального лифта.

¹О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 // Администрация Президента России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 30.04.2022).

Между тем педагогическое образование, в том числе женское педагогическое образование, было в России во второй половине XIX в. одним из наиболее активно и эффективно действующих механизмов социальной мобильности. Система образования в рассматриваемый период выполняла функции по сглаживанию сословных различий, обеспечению доступа к каналам социальной мобильности представителей различных социальных групп, особенно важную роль в гендерном аспекте. Такая роль женского педагогического образования обуславливает актуальность темы настоящего исследования. Предметом исследования служит деятельность Тверской женской учительской школы, основанной известным тверским общественным деятелем и организатором народного просвещения П. П. Максимовичем в 1870 г.

Цель настоящего исследования – характеристика потенциала и значения женского педагогического образования во второй половине XIX в. в аспекте выполнения функций социального лифта. Практическое применение результатов будет возможным в виде исторической основы при подготовке законопроектов в сфере образования и в сфере образовательной поддержки высокомотивированных школьников.

В рамках философии, социологии, политологии, экономики проведены исследования, посвященные рассмотрению потенциала образования как канала социальной мобильности, как социального лифта. В качестве примера можно вспомнить о трудах Р. Ф. Абдеева, А. И. Авруса, А. Ю. Андреева, Д. И. Багалея, Е. Р. Борисовой, Н. П. Загоскина, А. Е. Иванова, В. Р. Иконникова, П. И. Касаткина, Н. Д. Кликунова, В. О. Ключевского, А. М. Ларионова, П. Н. Милюкова, В. В. Нурмухаметовой, Е. В. Петухова, С. В. Рождественского, Д. Л. Сапрыкина, И. Я. Селезнева, О. В. Сердюцкой и других исследователей.

В контексте заявленной в настоящей статье темы отечественные научные исследования практически отсутствуют. В историческом аспекте отдельные вопросы характеристики образования в качестве канала социальной мобильности раскрыты в трудах П. А. Зайончковского, Н. М. Коркунова, Т. И. Любиной, Б. Н. Миронова, А. М. Феофанова и некоторых других отечественных исследователей. Настоящее исследование осуществлено в рамках историко-правовой науки с частичным использованием методологической базы и понятийно-

терминологического аппарата истории, социологии, педагогики. Методы исследования применены с учетом цивилизационного подхода. Эмпирическую базу составляют нормативно-правовые акты, документы органов государственной власти и иные документы.

Прежде всего определим понятийно-терминологический аппарат настоящего исследования. Вынесенный в название статьи термин «социальный лифт» мы относим к понятиям социологического порядка. В качестве близкого по смыслу используем понятие «механизм социальной мобильности» социологического и правового характера. Равнозначным двум указанным можно считать сугубо юридическое понятие «организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса». Таким образом, в настоящем исследовании в зависимости от контекста нами применены три указанных выше понятия как близкие по смыслу. Предпочтительным для нас в статье является последнее, наиболее полно отражающее юридические аспекты рассматриваемой темы.

Под таким механизмом предлагаем понимать совокупность нормативных установлений и организационных инструментов, обеспечивающих изменение индивидуального правового статуса жителей России. Указанное изменение может включать (а может и не включать) в себя изменение сословного правового статуса. В рамках настоящего исследования нас интересует и вертикальная, и горизонтальная социальная мобильность.

Развитие женского педагогического образования в исследуемый период осуществлялось не только ввиду соображений смягчения сословных различий и выравнивания возможностей профессиональной деятельности представителям обоих полов. В данном случае у российского правительства были и иные задачи. Прежде всего речь идет о кадровом обеспечении системы народного просвещения.

Середина XIX в. стала временем модернизации системы образования Российской империи. В 1864 г. последовала реформа системы начального образования. Основным документом реформы было Положение о начальных народных училищах, утвержденное императором Александром II 14 июля

1864 г.¹ Приведенное Положение предполагалось к введению в шести учебных округах (полностью или частично), в том числе во всех губерниях Московского учебного округа, в который входила Тверская губерния. Одновременно с указанными нововведениями устранены некоторые «административные барьеры» и в сфере педагогического образования, включая женское педагогическое образование.

Законодатель впервые одобрил идею всесословного женского образования в 1856 г.: император Александр II в марте этого года поддержал концепцию создания всесословных женских училищ.

В числе государственных органов, осуществлявших управленческие и организационные функции в сфере женского педагогического образования, прежде всего следует указать Министерство народного просвещения Российской империи и Ведомство учреждений императрицы Марии. До 1870 г. значительную роль играли губернаторы. В дальнейшем многие управленческие функции в сфере образования перешли к попечителям учебных округов.

В рамках Ведомства учреждений императрицы Марии создавались женские училища и женские гимназии. В Твери в 1858 г. образовано Мариинское женское училище, одно из первых в России, преобразованное в 1862 г. в Тверскую Мариинскую женскую гимназию. В дальнейшем в ней создан педагогический класс. Учебный план женской гимназии в большей мере ориентирован на возможность ее выпускниц работать в сфере общего образования, нежели учебный план мужских гимназий. Гимназистки Мариинской женской гимназии, завершившие обучение на основном семилетнем курсе, получали аттестат на звание учительницы начальных учебных заведений. По окончании педагогического, восьмого, класса, выпускницы получали удостоверение домашних наставниц или домашних учительниц². Нельзя не обратить внимание на два обстоятельства: далеко не все гимназистки получали документы на право ведения

¹ Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Т. 39. Ч. 1. № 41 068. Собрание второе. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1867. С. 21.

² Школа П. П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века: монография / отв. ред. А. Н. Скаковская. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 52–56.

педагогической деятельности в начальной школе. При этом интерес к профессиям домашних наставниц или домашних учительниц неуклонно возрастал. Так, в 1885 г. из 49 выпускниц седьмого класса аттестат учительницы начальных учебных заведений получили 6 человек, а 43 – пожелали продолжить обучение в восьмом педагогическом классе¹. Возможно, данное обстоятельство объяснялось социальным составом обучающихся гимназии, в которой учились преимущественно дочери представителей сословий дворян, духовенства и сословия городских обывателей.

Во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. российское правительство сняло многие ограничительные меры в отношении деятельности общественных организаций и частных лиц в сфере образования. Эти правительственные меры открыли возможности для реализации инициатив земских учреждений и других органов самоуправления, инициатив частных лиц по поддержке женского педагогического образования. Помимо государства и церкви, существенную роль стали играть в качестве организаторов педагогического образования такие акторы, как органы местного самоуправления, общественные организации и частные лица. Роль перечисленных акторов особенно велика применительно к женскому педагогическому образованию. Данное обстоятельство можно считать одной из ключевых организационно-правовых характеристик женского педагогического образования Российской империи второй половины XIX в.

Новые правила поощряли инициативу частных лиц по развитию сети образовательных учреждений и оказались результативными. Открыто несколько получивших широкую известность частных учебных заведений. Среди них – знаменитая Поливановская гимназия в Москве. В 1864 г. в России насчитывалось 75 частных гимназий, 186 частных уездных училищ, около 600 частных начальных и приходских училищ, более 150 частных училищ при храмах «иностранного» вероисповедания, работали более 1 300 домашних учителей².

В Твери в конце XIX в. открыто всесословное частное женское училище А. А. Римской-Корсаковой, преобразованное в

¹ Там же. С. 49.

² *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. С. 459–460.

дальнейшем в женскую гимназию. Обучение осуществлялось на платной основе.

Отчасти в связи с быстрым развитием сети образовательных организаций различной организационно-правовой формы в стране ощущался дефицит учительских кадров, особенно для начальных учебных заведений разных типов. Применительно к Тверской губернии в 1871 г. в официальном обзоре указано, что наблюдался «значительный недостаток в хороших учителях»¹. Было крайне мало и педагогических учебных заведений в Тверской губернии и других регионах Российской империи. Приведем статистику по состоянию на 1870 г.

В ведении Министерства народного просвещения Российской империи подготовку учителей начальных училищ осуществляли всего в трех учительских семинариях (в Киеве, Молодечно, Риге), насчитывалось 12 педагогических курсов при уездных училищах и две земские школы². Судя по имеющимся данным, речь идет о мужских педагогических учебных заведениях. Итак, инициативы органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц по развитию женского педагогического образования были актуальны в рассматриваемый исторический период, в том числе с позиций укрепления кадрового потенциала системы образования.

Несколько инициатив по открытию педагогических образовательных учреждений выдвинул активный участник земской и судебной реформы, организатор народного просвещения на территории Тверской губернии, потомственный дворянин П. П. Максимович. Он входил в состав Тверской губернской управы, являлся почетным мировым судьей. Один из проектов П. П. Максимовича заключался в создании частной женской учительской школы в Твери.

Насколько актуальным был вопрос организации женской учительской школы с позиций доступа представительницам женского населения Тверского края к каналам социальной мобильности во второй половине XIX в.? Краткое рассмотрение потенциала различных каналов социальной мобильности для

¹ Обзор Тверской губернии за 1871 год. С. 45 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

² Рождественский С. В. Указ. соч. С. 555.

женщин Тверской губернии в анализируемый период начнем с демографической характеристики региона. Население губернии на протяжении последней трети XIX в. непрерывно возрастало: в 1871 г. насчитывалось 1 509 961 жителей, 1900 г. – 2 079 665. При этом женщины составляли более половины всего населения: в 1871 г. – 792 258 чел., 1900 г. – 1 072 984 чел.¹

Большая часть населения проживала в сельской местности и принадлежала к сословию сельских обывателей, что предопределяло преимущественно сельскохозяйственный профиль производственной деятельности. Сельское хозяйство было главной отраслью экономики губернии и, соответственно, главной сферой профессиональной деятельности мужского и женского населения.

К особенностям Тверской губернии относится то обстоятельство, что обращение к несельскохозяйственным занятиям определялось отчасти отсутствием «возможности обеспечить собственное продовольствие и удовлетворить другим своим нуждам посредством земледелия». В свою очередь, несельскохозяйственные промыслы и иные подработки в целом ряде случаев сопровождались выездом населения из губернии на постоянное или временное проживание в другие регионы Российской империи, «преимущественно в Санкт-Петербург и Москву»².

В числе «главнейших промыслов» для городского и сельского населения Тверской губернии в 1871 г. официальные документы называют шитье кожаной обуви, кузнечную работу, рубку леса, смолокурение, ломку белого известкового камня, изготовление глиняной посуды, рыболовство, земляные, строительные работы и работы на фабриках, заводах и железных дорогах³. Характеризуя данный перечень в гендерном аспекте, нельзя не отметить следующее: несмотря на то, что некоторые промыслы были доступны как мужчинам, так и женщинам, большинство из указанных выше видов возможного несельскохозяйственного заработка рассчитаны прежде всего на мужчин. Иными словами,

¹ Обзор Тверской губернии за 1871 год. С. 21; Обзор Тверской губернии за 1900 год. С. 14 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

² Обзор Тверской губернии за 1871 год. С. 6 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Там же. С. 11.

возможности женщин по выстраиванию профессиональной карьеры в данной производственной сфере были ограниченными.

Среди тверских женщин были и такие, которые трудились в качестве домашней прислуги, в том числе в Санкт-Петербурге и Москве. Оценка престижа данной профессии выходит за рамки предмета настоящего исследования. Тем не менее приведем мнение воспитанницы школы Максимовича, основанное на опыте работы ее сестер: «Три сестры по семейным обстоятельствам вынуждены были уехать в Петербург и там поступить работать прислугой к богатым людям. Я не хотела этого. Старшие сестры всячески, хоть крохами, помогали мне и брату выучиться, избежать их судьбы, вечно жить с опущенной головой... Сестры тоже хотели учиться, но вот возможности для этого у них не было»¹. Тверские женщины возможности по горизонтальной социальной миграции использовали. В 1900 г. женщинам выдано 75 413 видов на отлучку из губернии на срок год и более².

В границах региона, вне сельского хозяйства и указанных выше видов несельскохозяйственного заработка, женщинам были доступны ряд профессий, требовавших наличия определенного уровня образования. В частности, можно указать профессии в сфере здравоохранения: врач, фельдшер и ряд других. При этом незначительным было число соответствующих штатных единиц, а значит, наблюдался невысокий потенциал здравоохранения как возможного направления профессиональной карьеры и социального роста. Даже в конце 1900 г. в Тверской губернии работали 165 врачей, включая восемь женщин-врачей, а также 198 фельдшеров³. Общее количество женщин, трудившихся в сфере здравоохранения Тверской губернии, исследователи оценивают, по данным Всероссийской переписи населения, в 519 чел.⁴ Другими словами, получение медицинского образования

¹ Чернышова А. Ф. Воспоминания о моей жизни в школе Максимовича // Мои университеты: сборник воспоминаний выпускников и сотрудников университета / под ред. С. Н. Смирнова, О. К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 49.

² Обзор Тверской губернии за 1900 год. С. 17 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Там же. С. 37–39.

⁴ Любина Т. И., Смирнов С. Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века. Правовой статус и

могло быть использовано в качестве способа повышения индивидуального правового статуса очень незначительным числом жительниц Тверской губернии.

В отношении государственной службы ситуация для женщин еще менее благоприятна. В 1865–1871 гг. и в конце 1880-х гг. законодатель санкционировал допуск лиц женского пола к службе в определенных ведомствах и на определенных должностях. В перечне таких ведомств значились министерские канцелярии, статистические комитеты, почтово-телеграфные конторы и некоторые другие. При этом число трудившихся в них женщин невелико. Исходя из данных переписи населения 1897 г., на территории Тверской губернии, например, в почтово-телеграфных конторах служили 11 женщин¹.

По сравнению с приведенными примерами педагогическое образование предоставляло тверским женщинам существенно большие возможности для профессиональной деятельности и связанные с этим возможности изменения индивидуального правового статуса. Система образования Тверской губернии превосходила по численности штатных работников (и по ряду других параметров) систему здравоохранения и иные системы социальной сферы. При этом система образования на протяжении исследуемого периода демонстрировала в своем развитии положительную динамику. Подтвердим данный тезис несколькими фактами.

Развитие системы учебных заведений губернии характеризуют цифры затрат финансовых средств на строительство и ремонт школьных помещений. Относительно земских учреждений в 1900 г. средства на данные цели израсходованы пятью уездными земствами (Тверским, Вышневолоцким, Осташковским, Новоторжским и Зубцовским). Например, Осташковское уездное земство осуществляло в указанном году строительство двух школ и ремонт одной школы. Значительные финансовые средства на развитие системы учебных заведений расходовали органы городского самоуправления – городские думы и управы. Так, Тверское

социокультурная характеристика: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 186.

¹ Любина Т. И., Смирнов С. Н. Указ. соч. С. 189.

городское самоуправление в 1900 г. затратило более 11 000 руб. на постройку здания начального училища¹.

В целом число учебных заведений в Тверской губернии в 1900 г. составляло 1 628. С учетом профиля деятельности школы Максимовича для нас интерес представляет в первую очередь сеть начальных учебных заведений. Их количество составляло 1 611, а число обучающихся – 99 959 лиц обоего пола. Учительский корпус начальных учебных заведений насчитывал более 3 200 человек, включая законоучителей и учителей, принадлежащих к составу причта. В начальных учебных заведениях различной ведомственной принадлежности на педагогических должностях трудилась 1 071 женщина. Большинство педагогов имели педагогическое образование или прошли педагогическую подготовку. Тем не менее ряд учителей церковноприходских школ не обладали «установленным образовательным цензом»².

Таким образом, в количественном отношении педагогическая сфера гораздо более доступна для профессиональной деятельности женщин Тверской губернии, нежели иные сферы (за пределами сферы сельского хозяйства и промыслов). С учетом этого можно сделать вывод о том, что по объективным причинам обучение в педагогических учебных заведениях предоставляло женщинам Тверской губернии наиболее реальные возможности изменения индивидуального правового статуса. Это еще одна организационно-правовая характеристика женского педагогического образования анализируемого периода. Однако доступ к данному каналу социальной мобильности лимитирован рядом цензов, включая возрастную и образовательный. Другими словами, объективные обстоятельства определяли востребованность женских педагогических учебных заведений в Тверской губернии. В декабре 1870 г., по завершении процесса получения разрешительных документов, П. П. Максимович открыл в Твери женскую учительскую школу в статусе частного учебного заведения.

¹ Обзор Тверской губернии за 1900 год. С. 25 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibrary.ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

² Там же. С. 47–48.

В научной литературе указано четыре первых учебных заведения Российской империи, созданных на основании новых правил и созданных в Новгороде, Рязани, Чернигове и Твери. Любопытно, что в исследуемый период лишь в Твери открыто женское учебное заведение¹. В дальнейшем женские учительские школы появились в Казани и Самаре². Тем не менее женские учительские школы в России того времени можно пересчитать по пальцам. Тверской край с учетом этого находился в нашей стране среди лидеров.

В 1872–1882 гг. статус учительской школы Максимовича эволюционировал в сторону земского учебного заведения. Согласно указу императора Александра II в 1872 г. школа официально получила имя основателя П. П. Максимовича³, с 1882 г. – приобрела организационно-правовую форму Тверской женской учительской школы губернского земства имени П. П. Максимовича. Вскоре она завоевала авторитет в среде потенциальных абитуриентов. Это позволяло отбирать будущих воспитанниц на конкурсной основе.

Относительно сословного состава контингента обучающихся следует отметить, что в течение рассматриваемого периода преобладали представительницы двух привилегированных сословий и сословия городских обывателей. Общее количество девочек из трех указанных сословий превосходило количество девочек из крестьянских семей. При этом немало дочерей и крестьян, и солдат прошли обучение в школе (39 чел. – в 1885 г., 36 чел. – в 1895 г.)⁴. Какие же инструменты применялись учредителями школы для обеспечения присутствия обучающихся из сословия сельских обывателей? В числе таких инструментов

¹ Школа П. П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века: монография / отв. ред. А. Н. Скаковская. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 10.

² Окушова Г. А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 11 (101). С. 83.

³ О наименовании открытой в Твери школы для крестьянских девочек «школою Павла Павловича Максимовича»: именной указ, объявленный Сенату Министром народного просвещения от 10 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Т. 47. № 50 974. Собрание второе. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1875. С. 24.

⁴ История Тверского государственного университета в документах / под ред. С. Н. Смирнова, О. К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 13.

организационного плана – наличие общежития при школе и функционирование подготовительного класса. Важнейшим инструментом социального характера служили стипендии, выплачиваемые обучающимся, прежде всего – со стороны земских учреждений.

Выпускницы школы трудились в качестве педагогов системы начального общего образования в Тверской губернии и некоторых других регионах России. Таким образом, окончание школы позволяло не только изменить индивидуальный правовой статус, но и осуществлять горизонтальную социальную мобильность.

Несколько человек из числа воспитанниц школы продолжили трудовую деятельность в стенах *alma mater*, в том числе и в последующие исторические периоды, после изменения организационно-правовой формы учебного заведения. Например, А. С. Кудряшова, выпускница учительской школы Максимовича, работала заведующей библиотекой в Тверском институте народного образования (в состав которого в 1919 г. включена школа)¹.

Обратим внимание на обстоятельство юридического характера: изменение индивидуального правового статуса человека, окончившего курс обучения в школе Максимовича, осуществлялось без изменения его сословного статуса. Осуществление педагогической деятельности, переезд в другую местность не влияли на сословный статус выпускницы школы. Таким образом, изменение правового статуса человека происходило прежде всего за счет изменения его профессионального статуса.

Резюмируя, можно утверждать, что среди наиболее значимых организационно-правовых характеристик женского педагогического образования Российской империи во второй половине XIX в. выделяется существенная роль не только правительственных органов (прежде всего со речь идет о Министерстве народного просвещения, ведомстве учреждений императрицы Марии, губернаторов, попечителей учебных

¹ Научная библиотека Тверского государственного университета: страницы истории // Тверской государственный университет. URL: <http://library.tversu.ru/o-nauchnoj-biblioteki/37-bibl/328-tpi.html> (дата обращения: 03.04.2022).

округов), но и органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц.

В Тверской губернии именно педагогическое образование служило для женщин наиболее массовым способом повышения индивидуального правового статуса. Обучение в учительской школе (как и в гимназии) не давало особых прав и преимуществ, не влекло повышения сословного статуса. Изменение правового статуса человека происходило прежде всего за счет изменения его профессионального статуса. Окончание Тверской женской учительской школы губернского земства имени П. П. Максимовича помогало осуществлять и горизонтальную социальную мобильность.

Указанные виды социальной мобильности были доступны представительницам всех сословий Тверской губернии. При этом, по сравнению с женскими гимназиями, в составе обучающихся учительской школы П. П. Максимовича широко представлены девушки из крестьянских семей. Для расширения доступа к обучению и, следовательно, к социальному лифту лиц из числа сословия сельских обывателей, лиц со сложным материальным положением органы самоуправления губернии, учредители и администрация школы использовали такой инструмент, как стипендии. Наибольшее количество стипендий назначены губернским и уездными земствами Тверской губернии.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Т. 39. Ч. 1. № 41 068. Собрание второе. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1867. 976 с.

2. О наименовании открытой в Твери школы для крестьянских девочек «школою Павла Павловича Максимовича»: именной указ, объявленный Сенату Министром народного просвещения от 10 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Т. 47. № 50 974. Собрание второе. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1875. 1049 с.

3. История Тверского государственного университета в документах / под ред. С. Н. Смирнова, О. К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. 263 с.

4. Любина Т. И., Смирнов С. Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века. Правовой статус и социокультурная характеристика: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 320 с.

5. Научная библиотека Тверского государственного университета: страницы истории // Тверской государственный университет. URL: <http://library.tversu.ru/o-nauchnoj-biblioteke/37-bibl/328-tpi.html> (дата обращения: 03.04.2022).

6. Обзор Тверской губернии за 1871 год // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

7. Обзор Тверской губернии за 1900 год // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/41328> (дата обращения: 30.04.2022).

8. Окушова Г. А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 11 (101). С. 80–85.

9. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 840 с.

10. Чернышова А. Ф. Воспоминания о моей жизни в школе Максимовича // Мои университеты: сборник воспоминаний выпускников и сотрудников университета / под ред. С. Н. Смирнова, О. К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 49–52.

11. Школа П. П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века: монография / отв. ред. Л. Н. Скаковская. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. 216 с.

УДК 340.5

ББК 67

Ю. Н. Сотникова

старший преподаватель
Северо-Кавказского
федерального университета,
кандидат философских наук
г. Ставрополь,
Российская Федерация
JNSotnikova@yandex.ru

А. К. Карданова

доцент
Северо-Кавказского
федерального университета,
кандидат юридических наук,
доцент
г. Ставрополь,
Российская Федерация
k_aminka@mail.ru

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

THE DEFORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF YOUNG PEOPLE IN TODAY'S DIGITAL ENVIRONMENT

В настоящей статье проведено исследование деформации правовой культуры молодежи в условиях современного цифрового пространства. Охарактеризованы актуальные тенденции воздействия интернета на процесс сознания и поведения российской молодежи в условиях современного трансформирующегося социума. Описаны процесс развития и особенности правовой культуры молодого поколения. Научная новизна публикации состоит в анализе научной литературы, ориентированной на исследование деформации правовой культуры молодых людей как с теоретических позиций, так и с позиций практики. Завершая статью, авторы заключают, что информирование молодежи о необходимости законопослушного поведения, заинтересованности в таком поведении способствует построению правового государства и гражданского общества. Необходимо выработать новые подходы к стимулированию, ориентированному на повышение в молодежной среде уровня правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, молодежь, цифровое пространство, правосознание, цифровизация, правовая социализация, правовое общество, правовое государство, информация, сеть Интернет.

This article examines the deformation of the legal culture of young people in the modern digital space. It characterizes the current trends in the impact of the Internet on the process of consciousness and behavior of Russian youth in the conditions of modern transforming society. Describes the process of development and features of the legal culture of young generation. The scientific novelty of the publication lies in the analysis of

scientific literature focused on the study of deformation of legal culture of young people from both theoretical and practical perspectives. Concluding the article the authors conclude that informing young people about the necessity of law-abiding behaviour, interest in such behaviour contributes to the building of law-abiding state and civil society. It is necessary to develop new approaches to stimulation aimed at increasing the level of legal culture among young people.

Keywords: legal culture, young people, digital space, legal awareness, digitalisation, legal socialisation, legal society, legal state, information, internet.

Одним из важнейших направлений воспитания высокого уровня правовой культуры молодого поколения является формирование высоких духовных ценностей. Формирование правовой культуры российской молодежи на современном этапе в значительной степени опирается на установки, содержащие антисоциальную и асоциальную информацию, противоречивую по содержанию, которая транслируется в пространстве интернета и электронными средствами массовой информации (СМИ).

Вопросы повышения уровня правовой культуры молодежи особенно актуальны, поскольку данная социальная группа значима в нашем государстве. От нее во многих аспектах зависит направление развития, в том числе права.

Образование и воспитание молодежи – немаловажные факторы правовой социализации, передачи ценностей и норм правовой культуры. Гражданское общество и правовое государство могут существовать только при наличии высокого уровня правосознания, развития правовой культуры молодого поколения. На формирование правовой культуры у данной категории населения процессы информатизации и компьютеризации оказывают как положительное, так и отрицательное влияние.

Молодые люди имеют доступ к получению правовых знаний, правовой информации из сети Интернет. С помощью цифрового пространства процессы правового воспитания и самообразования могут быть более интенсивными, качественными. На официальных сайтах доступна информация об изменениях законодательства, о событиях в мире, различных правовых явлениях. Вместе с тем в интернете увеличивается риск девиантного поведения, поскольку экстремистские сайты могут воздействовать на сознание молодежи, транслировать ей

определенные установки, элементы агрессии, эгоизма, нигилизма, радикализма, ксенофобии.

Социально-экономические проблемы в нашем государстве, рост количества мигрантов в последнее время, формирование этнических групп затрагивает и молодежь. Все чаще возникают отрицательные формы проявления, такие как информационный и политический экстремизм.

Сознание молодежи не всегда сформировано. Именно по этой причине легко транслировать противоправную информацию молодым. Кроме того, нынешнее поколение рождено в период идеологического плюрализма, многообразия взглядов, что существенно затрудняет формирование высокого уровня правовой культуры. Однако правовой плюрализм демонстрирует крайне важную способность решения проблем в переходный период развития государств, что и доказано рядом групп ученых, проводивших свои исследования¹. Безусловно, сущность федеративных государств, к которым относится Российская Федерация, предполагает пересечение правовых систем и признание параллельных юрисдикций.

В настоящее время молодежная политика государства не вполне эффективна, несмотря на положительные тенденции развития военно-патриотического воспитания. Вестернизация культуры, происходившая в течение продолжительного периода, деформировала правовую культуру молодежи, изменив отношение к межнациональной розни, жестокости, насилию. Появились случаи этнополитического экстремизма: в сети Интернет большое количество людей призывают к совершению преступлений, оскорблений в адрес правительства, других представителей власти.

Правовая неконтролируемость социальных сетей, отсутствие должного цензурирования – все это позволяет быстро создать группу в социальной сети (например, «ВКонтакте») и легко распространить любую информацию, в том числе противоправную. Данная проблема злободневна на протяжении

¹ Габрилян Р. Р., Клюковская И. Н., Коница Е. Н. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 161.

последних лет. Исследованием этого вопроса занимались и такие специалисты, как Е. О. Кубякин, А. Н. Сафронов¹, А. Э. Гапич².

Именно у молодежи отсутствует иммунитет против деятельности организаций, которые пропагандируют политический, религиозный экстремизм. Молодым чаще присущ правовой нигилизм, асоциальное поведение. Для повышения качества их воспитания, роста уровня правовой культуры необходимо прививать правовые знания с детских лет.

Кроме того, молодому поколению следует формировать доверие представителям правоохранительных органов. Для этого мало доступности и прозрачности деятельности таких органов. Необходимо регулярно проводить встречи представителей правоохранительных органов с учениками общеобразовательных школ, студентов университетов. Это не только повысит уровень доверия и правовой культуры молодежи, но и поможет снизить уровень преступности. Возможным представляется привлечение молодых людей к участию в обеспечении правопорядка, в том числе при прохождении студентами производственной практики.

Сегодня существуют различные концепции и стратегии в регионах по повышению уровня правовой культуры населения. Данные концепции видятся неполными, не носят единого характера, поэтому достичь цели повышения уровня правовой культуры не всегда удастся. Для эффективности указанного направления требуется единообразие направлений деятельности по повышению правовой культуры на федеральном уровне.

Кроме того, молодежь должна быть заинтересована в собственном развитии, творческих успехах. Эти направления ее деятельности положительно влияют на повышение уровня правовой культуры – части общей культуры. Заинтересованности молодых людей в собственном образовании, новых достижениях способствуют стипендии, гранты, премии и т. д.

¹ Кубякин Е. О., Сафронов А. Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 100.

² Гапич А. Э. Микро-блоги twitter: особенности использования политическими экстремистскими движениями // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / ред. А. В. Карнаушенко, Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 50.

Очень важно контролировать издательские организации, производителей рекламной продукции, которые пропагандируют преступное поведение, неуважение к закону, правоохранительным органам, власти, государству. Информирование молодежи о необходимости законопослушного поведения, заинтересованности в таком поведении способствует построению правового государства, гражданского общества. Молодые люди не должны оставаться равнодушными к вопросу повышения уровня правовой культуры.

Представителей студенческой молодежи можно привлекать и для участия в открытых уроках, организуемых в школах, в целях эффективности воспитательных и образовательных мер, ориентированных на рост правовой культуры. Еще юристы дореволюционной России исследовали потенциал воспитательного воздействия права на личность. Так, А. И. Петражицкий говорил о том, что право оказывает неуклонное и сильное воспитательное воздействие на индивидуальную массовую психику, вызывая социально желательное поведение и не допуская противообщественного поведения; оно укрепляет социально желательные привычки и склонности и искореняет противоположные элементы характера. Активная (осознание нашего права и долга другого по отношению к нам) правовая мотивация имеет важное, по мнению А. И. Петражицкого, воспитательное влияние: делает человека «гражданином» по характеру, сообщая ему сознание собственного достоинства и предохраняет его от развития разных недостатков характера и поведения, связанных с отсутствием надлежащего осознания собственного достоинства и уважения к самому себе¹.

Воспитательное воздействие права со временем находит отражение в правовой культуре и правовом сознании человека. Для достижения высокого уровня правовой культуры следует понимать правовые нормы, знать законы, иные нормативно-правовые акты. Правовое образование подразумевает правовое просвещение граждан, информирование о принятых нормативно-правовых актах, размещение судебных постановлений, постановлений других правоприменительных органов на официальных сайтах. Значительная роль в правовом

¹ Петражицкий А. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. т-ва «Екатерингофское Печатное дело», 1909. С. 135.

просвещении молодежи отведена СМИ, а следовательно, этика журналистов относительно правовой информации должна контролироваться на государственном уровне.

Библиографический список

1. Габрилян Р. Р., Клюковская И. Н., Кониная Е. Н. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 161–167.
2. Ганич А. Э. Микро-блоги twitter: особенности использования политическими экстремистскими движениями // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / ред. Л. В. Карнаушенко, Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 50–53.
3. Кубякин Е. О., Сафронов А. Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 100–104.
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. Т. 1. СПб.: тип. т-ва «Екатерингофское Печатное дело», 1909. С. 135–142.

УДК 346.9

ББК 67.7

Е. Е. Тонков

директор
Юридического института
Белгородского
государственного
национального
исследовательского
университета,
доктор юридических наук,
доктор педагогических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ
Российская Федерация
г. Белгород

В. А. Рассказов

доцент кафедры
конституционного и
международного права
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Российская Федерация
г. Краснодар
Slavaras22@mail.ru

АРЕСТ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МЕРА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ARREST AS A PROCEDURAL METHOD IN THE MOSCOW STATE: AN ORGANISATIONAL AND LEGAL ASPECT

В статье раскрыты особенности законодательного регулирования в Московском государстве полицейского ареста как меры государственного принуждения от имени государства в случае совершения общественно опасных деяний. Авторами проанализированы

Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., другие правовые акты, научные труды в контексте темы исследования. Отмечается, что в течение XVI-XVII вв. в Московском государстве не издано специальных законов об аресте, но совокупность соответствующих норм, содержащихся в различных документах, позволяет сделать вывод о том, что была создана необходимая правовая и организационно-структурная основа для формирования института процессуального ареста в современном его понимании.

Ключевые слова: Уложение, задержание, закон, лишение свободы, преступление, судебник, арест.

The article reveals the peculiarities of legislative regulation in Moscow state of police arrest as a measure of state coercion on behalf of the state in the case of socially dangerous acts. The authors have analyzed the Code of Laws of 1497 and 1550, the Sobornoye Ulozhenie (Code of Laws) of 1649, other legal acts, scientific works in the context of the topic of the research. It is noted that during XVI-XVII centuries in the Moscow State no special laws on arrest were issued, but the totality of corresponding norms included in various documents allows to draw a conclusion that necessary legal and organizational-structural basis for forming of institution of procedural arrest in its modern meaning was created.

Keywords: Statute, detention, law, imprisonment, crime, judicial code, arrest.

Появление в России полиции как действующего на постоянной основе органа правопорядка в современном его понимании датируется, как известно, началом XVIII в. (Указ от 25 мая 1718 г.¹, обобщивший ранее принятые в связи с этим акты²). Соответственно, об институте полицейского ареста применительно к Московскому государству (XVI-XVII) можно говорить условно (полицейский арест в данном случае понимается как временное и принудительное заключение лица до решения вопроса по существу по обвинению его в совершении правонарушения).

Но следует иметь в виду, что в рассматриваемый период российское законодательство не достигло уровня, позволявшего системно регулировать складывающиеся общественные

¹ Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру: указ от 25 мая 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 3203. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 11.

² Гурлеев И. В. Создание и развитие полиции при Петре I // Власть. 2018. № 3. С. 137.

отношения. Полицейский арест в данном контексте не является исключением. Составы преступлений как социально опасных деяний находят отражение в древнейших актах (например, в Русской Правде). Соответственно, для реализации репрессивных мер со стороны государства требовались определенные решения и действия, которые, однако, не отрегулированы в специальных процессуальных актах. Это не означает, что не было актов и органов, осуществлявших меры принуждения. В противном случае государство не могло бы выполнять задачу по охране общественного порядка.

Относительно Московского государства полицейские функции выполняли разные органы, которые олицетворяли центральную власть и власть на местах. Одним из органов, представлявших власть на местах, была губная изба. Первая появилась в 1539 г. В перечень функций данного органа входили такие задачи, как ловить разбойников, вести следствие и приводить в исполнение приговоры. В структуре губных изб находились «избранные из числа “детей боярских” и “лучших крестьян” старосты и целовальники. В дальнейшем избы пополняются другими должностными лицами: дьяками, сотскими, пятидесятскими»¹. Позднее, в XVII в., такие органы образованы практически на всей территории Московского государства. Губные избы можно, вероятно, расценивать как полицейские участки. В них доставляли лиц, которых задерживали в связи с совершением каких-либо правонарушений для прояснения ситуации. Деятельность губных изб направлялась Разбойным приказом, служившим прообразом будущего министерства внутренних дел. В середине XVI в. приказ возглавлял назначаемый царем боярин, формировался необходимый управленческий аппарат (окольничий, стольник, дьяки). Стоит отметить, что Указом от 20 февраля 1664 г. воеводам отведена роль организаторов борьбы с тяжкими преступлениями. Вместе с тем роль губных учреждений снижалась².

¹ Демин В. А., Иванов В. Е., Лучинин А. В., Ляушин В. П. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2001. С. 17.

² История полиции и милиции России: хрестоматия / сост. М. Ю. Гребенкин, Б. И. Кофман, С. Н. Миронов. Казань: Изд-во Юридического института МВД России, 2005. С. 6.

Итак, практическая деятельность по охране общественного порядка и борьбе с преступностью осуществлялась методом полицейского ареста, то есть предварительного задержания подозреваемых (обвиняемых) лиц. Об этом свидетельствуют отдельные нормы в законодательных актах исследуемого периода. В Судебнике 1497 г. записано, что если вора задержат в первый раз, то с него взыскивали сумму иска, а также судья назначал штраф¹. На основании ст. 34 можно заключить, что арест осуществлял «недельщик» – пристав, выполнявший указания губного старосты.

В Судебнике 1550 г. – следующем значимом законодательном акте – наблюдается укрепление централизованных начал в управлении сферой борьбы с преступностью. Так, согласно ст. 71 становятся обязательными так называемые доклады по происшествиям, преступника без «доклада» нельзя ни наказывать, ни штрафовать². Важно обратить внимание на то, что в Судебнике 1550 г. впервые появляются нормы о виде уголовного наказания, связанного с лишением свободы: «кинути в тюрьму» (ст. 4, 34, 54 и др. Судебника 1550 г.); «отсылати в тюрьму» (ст. 13). Логические рассуждения дают основания для вывода о том, что если в это время функционировали тюрьмы для исполнения наказания, то не могло не быть подобных учреждений для предварительного заключения. В частности, С. И. Штамм утверждал, что в Законе были предусмотрены учреждения для предварительного заключения. Однако другие ученые не разделяли его точку зрения. В анализируемые годы такое действие, как предварительное задержание, в действительности применяли, но о нем в Судебнике не говорится. Полагаем, отсутствие этих норм объясняется недостаточным уровнем развития уголовно-процессуального права в целом (такая тенденция для России, когда материальное право совершеннее процессуального, не изжито).

В дальнейшем московский законодатель постепенно восполняет данный пробел, и процессуальные нормы о личном задержании в качестве принудительной обеспечительной меры

¹ Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955. С. 164.

² Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юрид. лит.-ра, 1985. С.28.

формулируются более четко. В этом контексте нельзя не учитывать Уставную книгу Разбойного приказа 1556 г., а после дополненных актов – 1617 г.¹ Указанным актом предполагалось, например, временно лишать свободы лиц, прямо обвиняемых в совершении преступления, а их имущество (дома, постройки, «хлеб молоченый» и т. д.) следовало опечатывать и сохранять до тех пор, пока по этому делу не окончится суд, где главными аргументами были обвинения истца, которые следовало ему же доказывать и подтверждать присягой (крестным целованием); к тяжущимся сторонам могли применять пытки. Тем самым становится понятным, что для истца подача иска – дело ответственное.

При анализе законодательства Московского государства, независимо от сферы регулирования, не обойтись, разумеется, без Соборного уложения 1649 г.² В этом крупнейшем законе содержится специальная «судная» глава X под названием «О суде», где детально регламентируется судопроизводство, в основном исходя из современных критериев, гражданско-правового характера. Представлены и статьи о предварительном заключении. Вместе с тем нужно иметь в виду, что личное задержание имело в основном обеспечительное значение. В частности, ст. 138 главы X гласит о том, что если ответчик будет скрываться, то пристав должен привести его «в приказ» и сообщить о нем судьям³. Итак, используется формулировка «привести в приказ», что предполагает относительно мягкую форму задержания по сравнению с задержанием по уголовным делам, где используется термин «имати», то есть жесткая форма принуждения.

Пристав был обязан обеспечить явку ответчика в суд. Если ответчик не явился или уклонился от судебного разбирательства, то пристав обязан произвести розыск и привод. Если ответчиком был боярин, то пристав мог взять его людей в своеобразный залог⁴. В любом случае, если ответчик уклонялся от судебного

¹ Уставная книга Разбойного приказа // Памятники русского права. Вып. 4. М.: Госюриздат, 1959. С. 237.

² Соборное уложение 1649 г. Тексты и комментарии / под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1990. С. 98.

³ Там же. С. 123.

⁴ Рассказов А. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы: монография. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 1998. С. 247.

разбирательства, то его следовало задержать и привести к судьям. В отношении ответчика за такие действия предусмотрена ответственность. Если он умышленно прятался от правосудия, то допускались меры более жесткого характера. Приставы «ослушника изымати» (ответчика, уклонявшегося от судебного разбирательства) и сажали в тюрьму на месяц¹. Подобные меры были предусмотрены и для ответчиков, которые не выполняли требования, вытекающие из поручительства за них.

Итак, в отношении правонарушителя используется уже термин не «привести в приказ», а «ослушника изымати», что характерно для случаев, связанных с общественно опасными деяниями. Данный аспект находит отражение в Соборном уложении, и к тому же арест сопровождался обыском. В частности, в ст. 15 главы XXI Соборного уложения 1649 г. содержится предписание о том, что воров, которые «в городех воруют, карты, зернью играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают», следовало сажать в тюрьму. В законе была закреплена и ответственность за непринятие мер по разыскиванию и поимке преступников. За это правонарушение пристава сажали в тюрьму.

Одно из главных оснований для задержания – свидетельские показания.

В законе предусмотрена ответственность за дачу ложных показаний².

С учетом приведенных и иных подобных норм Соборного уложения 1649 г. становится очевидным, что в отношении обвиняемых была предусмотрена такая процессуальная мера, как полицейский арест, сопровождавшийся мерами имущественного обеспечения. Существовала и другая мера наказания – «отдача за пристава», но в случае побега преступника пристав расценивался как соучастник³.

Обратим внимание на то, что в Москве, а затем и в других городах рассматриваемого периода стали формироваться специальные структуры, выполняющие полицейские функции,

¹ Соборное уложение 1649 г. Тексты и комментарии / под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1990. С. 128.

² Там же.

³ Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1911. С. 48.

которые действовали на постоянной основе. В 1649 г. вышел Наказ о градском благочинии¹, который регулировал деятельность такого рода органов. При этом в Наказе отсутствовала норма, которая указывала бы на личное задержание. Но, полагаем, что для выполнения поставленных задач, подобные действия производили. Таким образом, принятые в Московском государстве законодательные нормы и созданные организационные меры позволили сформировать правовую и структурную основу института полицейского ареста как принудительной процессуальной меры.

Библиографический список

1. *Гурлеев И. В.* Создание и развитие полиции при Петре I // *Власть*. 2018. № 3. С. 134–140.
2. *Демин В. А., Иванов В. Е., Лучинин А. В., Ляушин В. П.* Очерки истории органов внутренних дел Российского государства. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2001. 48 с.
3. История полиции и милиции России: хрестоматия / сост. М. Ю. Гребенкин, Б. И. Кофман, С. Н. Миронов. Казань: Изд-во Юридического института МВД России, 2005. 188 с.
4. Комментарий к Судебнику 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. М.: Юрид. лит.-ра, 1985. 518 с.
5. Наказ о градском благочинии: введен 30 апреля 1649 г. царем Алексеем Михайловичем // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 1. № 6. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 11.
6. *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1911. 593 с.
7. Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру: указ от 25 мая 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 3203. СПб.:

¹ Наказ о градском благочинии: введен 30 апреля 1649 г. царем Алексеем Михайловичем // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 1. № 6. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 11.

Тип. II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 11.

8. Рассказов А. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы: монография. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 1998. 490 с.

9. Соборное уложение 1649 г. Тексты и комментарии / под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1990. 448 с.

10. Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.

11. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юрид. лит-ра, 1985. 520 с.

12. Уставная книга Разбойного приказа // Памятники русского права. Вып. 4. М.: Госюриздат, 1959. 632 с.

А. М. Хужин

профессор кафедры
гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД
России;
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Нижегородского
государственного университета
имени Н. И. Лобачевского,
доктор юридических наук,
доцент
Россия, г. Нижний Новгород
alfirhuzhin@mail.ru

М. В. Карпычев

доцент кафедры
гражданского права и процесса
Нижегородского
государственного университета
имени Н. И. Лобачевского;
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Нижний Новгород
jurius-nn@yandex.ru

**О СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ ЮРИДИЧЕСКИ
ЗНАЧИМЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА**

**THE MODERN DOCTRINE OF LEGALLY
SIGNIFICANT ACTS IN PRIVATE LAW**

В статье охарактеризованы доктринальные аспекты развития института юридически значимых деяний в сфере частного права на современном этапе. Авторами проведен анализ признаков и видов юридически значимых деяний. Разграничены понятия «юридически значимое деяние» и «юридическое действие» в сфере гражданского законодательства. Сделаны выводы о совершенствовании действующего законодательства в области реализации юридически значимых деяний, об их дальнейшем тщательном исследовании в контексте сущностной основы, природы, видового разнообразия и особенностей проявления в частноправовой сфере. Установлены доктринальные и методологические основы для перспективных разработок по их изучению.

Ключевые слова: юридически значимые деяния, научное направление, частное право, доктрина, теория цивилистики, юридические действия, правомерные деяния, неправомерные деяния, сделки, решения собраний.

The article describes doctrinal issues of development of the institute for legally important acts in the field of private law at the present stage. The authors analyzed the characteristics and types of legally significant acts. The notion of "legally significant act" and "legal act" in civil law are distinguished.

Conclusions are made about the improvement of the current legislation in the implementation of legally significant acts, about their further careful study in the context of the essential basis, nature, species diversity and features of the manifestation in the private sphere. We have found doctrinal and methodological bases for the prospective development of their study.

Keywords: legally important acts, science, private law, doctrine, theory of civil law, legal acts, lawful acts, unlawful acts, transactions, decisions of assemblies.

Динамично развивающаяся частноправовая сфера общественных отношений в настоящее время переживает глобальную трансформацию. Новые вызовы в политической, экономической и социальной жизни России требуют от участников частноправового оборота действий, которые, с одной стороны, выступали бы драйверами подъема деловой и производственно-потребительской активности, с другой – придавали стабильность сложившимся и зарекомендовавшим себя с надежной стороны субъектам.

От того, насколько успешно будет реформативирована сфера частного оборота, зависит не только будущее экономическое, но и в целом государственное развитие нашей страны. В этой связи особое пристальное внимание должно быть обращено к юридически значимым деяниям, существующим в современном частном праве. Только посредством поддержки и стимулирования активности в предпринимательской и иной экономической деятельности, развития корпоративных и производственных связей, в противодействии от посягательств на неправомерные действия можно достичь стабильного и прогрессивного развития частноправового оборота. Обратим внимание в рамках настоящей статьи на современную доктрину юридически значимых деяний в частном праве с учетом указанных выше вызовов времени.

Как известно, юридически значимые деяния в сфере частного права являются самостоятельными юридическими фактами, придающими статику и динамику подавляющему числу частноправовых отношений. По своей правовой природе такого рода действия и бездействия многообразны, но могут быть объединены в определенные группы обстоятельств. Преимущественно в своем особом видовом проявлении они находят реализацию в гражданском обороте, хотя для иных частноправовых отношений они могут характеризоваться

спецификой. В Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей, то есть правоотношений, посвящена ст. 8, которая содержит их примерный перечень. Содержание указанной статьи косвенно позволяет классифицировать предусмотренные в ней юридические факты по так называемому волевому признаку на две группы: действия и события. Нас в первую очередь интересуют деяния граждан и юридических лиц: договоры и иные сделки, акты государственных органов и органов местного самоуправления, судебные решения, приобретение имущества по основаниям, допускаемым законом, создание результатов интеллектуальной деятельности, причинение вреда другому лицу, неосновательное обогащение и др.

В процессе реформирования гражданского законодательства в этот перечень включено еще одно основание: решение собраний, которое влечет правовые последствия «в случаях, предусмотренных законом». Но в настоящее время решение собрания является одним из наименее изученных юридических фактов, существующих в современном гражданском праве. Причем и после законодательного закрепления ключевых положений о нем в юридической науке отсутствует доктринальное единство в определении его правовой природы¹.

Сегодня ГК РФ, закрепляя перечень основных юридических фактов, устанавливает, что он не является исчерпывающим, поскольку гражданские права и обязанности могут также возникать «из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности» (п. 1 ст. 8). Особенно, если учитывать стремительно развивающийся частноправовой оборот, характеризующийся новыми отношениями, складывающимися в сфере товарообмена, информационно-цифровой среды, имущественных активов. Так, совершение таких же сделок в сфере оказания операторами финансовых платформ услуг (маркетплейсов), связанных с

¹ См.: Карпычев М. В. Решения собраний – новый юридический факт в гражданском законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 63.

обеспечением возможности совершения финансовых сделок между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями или эмитентами с использованием финансовых платформ, требуют иных подходов в исследовании природы и содержании такого рода юридически значимых деяний¹.

Универсальным критерием определения возможного отнесения каких-либо обстоятельств к юридическим фактам, закрепленным законодателем в п. 1 ст. 8 ГК РФ, служит их соответствие «общим началам и смыслу гражданского законодательства». При этом, исходя из того, что в гражданских правоотношениях юридические факты носят преимущественно волевой характер, нельзя не обратить внимание на то, что и перечень основных начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) в последние годы дополнен чрезвычайно содержательным с точки зрения установления пределов свободы выбора действий субъектами принципом добросовестности участников. Этим принципом они должны руководствоваться при установлении, осуществлении, защите гражданских прав и при исполнении обязанностей. Данный принцип носит обобщенный характер, но в значительной степени ограничивает возможность «дефектности фактических составов»².

Концепция юридически значимых деяний, ее методологический базис и видовое многообразие нами представлены в коллективной монографии³. Поэтому в рамках настоящей статьи рассмотрим лишь доктринальные основы этого учения на современном этапе развития частного права.

Характеризуя юридически значимые деяния в сфере частного права, необходимо указать их существенные признаки. *Во-первых, реализация субъектами юридически значимых деяний происходит в частноправовой сфере правового регулирования, с характерными для нее свойствами.* Преимущественная диспозитивность данной сферы отношений создает благотворную среду для разнообразных действий для их участников. Все это требует, с одной стороны – создавать условия для активности, с другой – не допускать неправомерных действий (бездействия),

¹ См.: Камышанский В. П. финансовых сделок с использованием финансовой платформы // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 12.

² См.: Кожокарь И. П. Дефектные фактические составы в механизме гражданско-правового регулирования // Юрист-Правовед. 2015. № 3 (70). С. 64.

³ См.: Юридически значимые деяния в частном праве: монография / отв. ред. А. М. Хужин. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 11.

включая злоупотребления правом от субъектов частноправовых отношений.

Во-вторых, такие деяния являются волевым актом лица, влекущим правовые последствия для субъектов частного права. С правовых позиций становится очевидным, что воля в деянии будет выражена, с одной стороны, в субъективном намерении, желании субъекта, направленном на достижение определенного правового результата, с другой – в объективной, правовой оценке волевого акта. Как верно отмечал Г. Ф. Шершеневич, «оценку поведения всегда производит само общество, а не индивид, и конечно с точки зрения своей, а не индивида»¹. Соответствие намерения и желания достичь положительного правового результата, выраженного в волевом акте, требованиям норм права влечет правомерную оценку. Несоответствие такого намерения, желания достичь правового результата и волевого акта требованиям норм права влечет неправомjernую оценку.

Единство воли и волеизъявления (волевого акта) также может выступать критерием оценки правомерности/неправомерности деяния, поскольку отдельные факторы (заблуждение, принуждение, обман) могут влиять на возникшие правовые последствия. Следовательно, частноправовое законодательство уделяет большое внимание учету воли и волеизъявлению в отдельных юридически значимых деяниях, к которым относятся сделки, решения собраний, деликты.

В-третьих, деяния проявляются в активном действии либо бездействии. Бездействие лица может быть обусловлено как требованием закона (договора) в качестве модели поведения – воздержания от активных действий, так и несовершенством активных действий, если это требуется. Именно вторую модель поведения Д. И. Мейер трактовал как отрицательное юридическое действие. Он писал: «Формула для действия положительного: “я хочу и показываю на деле, что я хочу”; формула для отрицательного действия – “я не хочу и показываю на деле, что я не хочу”»². Ученым установлена природа бездействия, но в правонарушающей сфере, ставшей методологической предпосылкой для дальнейшего выделения и

¹ Шершеневич Г. Ф. Утилитарное учение о нравственности. Избранное. М.: Статут, 2016. С. 475.

² Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. С. 185.

положительного бездействия. Таким образом, как активное действие, так и бездействие может иметь юридическое значение и может быть рассмотрено с позиции правовой оценки.

В-четвертых, деяние обличено в определенную форму. Характеризуя форму деяния, мы имеем в виду и его собственно внешнее проявление в акте волеизъявления, и правовую регламентацию обличения отдельных юридически значимых деяний на внешнем уровне. Если с первым значением коррелирует предыдущий признак о проявлении деяния вовне в виде действия или бездействия, то во втором значении закон (договор, иной юридический акт) устанавливает требования к закреплению действия (бездействия).

На основании вышеизложенных признаков можно определить операциональное понятие «юридически значимое деяние в частном праве»: *это – волевой акт, выраженный в форме действия или бездействия, реализуемый субъектом в частноправовой сфере и влекущий правовые последствия.*

Необходимо разграничивать понятия «юридически значимое деяние» и «юридическое действие». Первое представляется более широким по содержанию, включающим в себя второе, но не ограничивающееся им. По своей сути в сфере частного права юридически значимое деяние представляет собой любой поведенческий акт, как правомерный, так и неправоммерный, как активный (действие), так и пассивный (бездействие), влекущий возникновение правовых (юридически значимых) последствий. Иными словами, любой юридический факт в сфере частного права, за исключением событий и состояний¹, можно рассматривать как юридически значимое деяние. В отечественном законодательстве термин «юридически значимые действия» используется для обозначения отдельных действий государственных органов, например, регистрационных, по выдаче разрешений, лицензий, справок и иных документов. В

¹ Вопрос о самостоятельном значении юридических состояний как юридических фактов частного права носит дискуссионный характер. Однако мы разделяем позицию о состояниях как самостоятельных основаниях для возникновения отношений частноправовой принадлежности. См., напр.: Пермяков А. В. Состояния в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2013. С. 7.

таком контексте он используется в ст. 333.26 Налогового кодекса (НК) РФ и ряде других нормативных правовых актов.

Понятие «юридические действия» используется в ГК РФ для определения предмета трех видов договоров: поручения, агентского и доверительного управления имуществом (ст. 971, 1005, 1012). Следует констатировать, что легальное определение юридических действий в законе отсутствует. Ранее мы предлагали определять их как действия, направленные на создание, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей, по аналогии с легальным определением сделки (ст. 153 ГК РФ), тем самым рассматривая сделки как частный случай юридических действий в сфере гражданского права¹. Юридические действия – более общее понятие, включающее в себя сделки и правомерные юридические акты из иных отраслей права (заключение брака, предъявление иска, подачу таможенной декларации и т. д.). Однако в связи с введением в число оснований гражданских правоотношений решений собраний такой упрощенный подход перестает работать. Более того, возникает вопрос о том, являются ли юридическими действиями некоторые действия по исполнению обязательства (например, перечисление денежных средств в качестве оплаты по договору), и, как следствие, вопрос о возможности их совершения поверенным, а соответственно, и о квалификации спорного договора.

Так, Высший Арбитражный суд РФ не признал в качестве сделки перечисление денег во исполнение обязательства по кредитному договору, указав, что это не сделка, а банковская операция². Аналогичная позиция изложена судами и в отношении решения об изъятии имущества из хозяйственного ведения муниципального унитарного предприятия³, действий по

¹ Некоторые авторы фактически ставят знак равенства между сделками и юридическими действиями, что, на наш взгляд, неправильно. См., напр.: Поваров Ю. С. Последствия совершения юридических действий без предварительного разрешения органа опеки и попечительства // Нотариус. 2021. № 2. С. 18.

² Определение Высшего Арбитражного суда (ВАС) РФ от 29 августа 2007 г. № 10448/07 по делу № А03-13185/06-35 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=57836#I7L7GBT81iUEXREF1> (дата обращения: 15.06.2022).

³ Постановление Арбитражного суда (ФАС) Северо-Западного округа от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14337/2005 // Доступ из справ.-правовой системы

размещению обыкновенных бездокументарных именных акций¹, действий по исполнению обязательств². Однако можно ли сделать однозначный вывод о том, что такие действия, не будучи сделками, не являются и юридическими действиями? На наш взгляд, это не так. Полагаем, вполне допустимо наделение поверенного полномочиями не только по заключению договора от имени доверителя, но и по его исполнению в аспекте совершения юридических действий. Например, в соответствии со ст. 749 ГК РФ «заказчик в целях осуществления контроля и надзора за строительством и принятия от его имени решений во взаимоотношениях с подрядчиком может заключить ... договор об оказании заказчику услуг такого рода с соответствующим инженером (инженерной организацией)». При этом не определена правовая природа такого договора. На наш взгляд, в случае принятия от имени заказчика решений во взаимоотношениях с подрядчиком, например, в случаях приемки отдельных этапов работ, подписания актов на скрытые работы и т. д., инженер должен иметь статус поверенного либо агента (действующего по модели договора поручения).

Следующим принципиальным вопросом рассмотрения специфики юридически значимых деяний в частном праве является проблема классификации, которая позволяет вычлениить все их многообразие по различным основаниям в данной сфере общественных отношений.

Базовой классификацией юридически значимых деяний в частном праве признана классификация *в зависимости от сферы правового регулирования*, а именно их регламентации в отдельных отраслях и институтах частноправового блока. Первичное распределение деяний происходит в зависимости от отраслевой принадлежности к частноправовой сфере в ее

«КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 15.06.2022).

¹ Постановление Арбитражного суда (ФАС) Волго-Вятского округа от 1 августа 2008 г. по делу № А28-7678/2007-201/17 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/770406354> (дата обращения: 15.06.2022).

² Постановление ФАС Уральского округа от 16 февраля 2006 г. № Ф09-597/06-С4 по делу № А50-32095/2005 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 15.06.2022).

широком понимании¹: 1) гражданского права; 2) предпринимательского права; 3) семейного права; 4) международного частного права; 5) трудового права; 6) права социального обеспечения; 7) гражданского процесса; 8) арбитражного процесса; 9) административного судопроизводства. Последующая градация может быть осуществлена внутри отраслевого деления с учетом «концентрации деятельности функции». Приведенная классификация позволяет раскрыть спектр частноправового регулирования в целом, где могут проявляться юридически значимые деяния со своими институциональными особенностями.

Далее классификацию юридически значимых деяний можно провести *по правовым последствиям*. При характеристике этого критерия необходимо опираться на содержание понятия деяния как последствия, где оно включает в себя изменение, преобразование окружающего мира. Выделим такие деяния, как *правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие*.

В ряде случаев деяние может сочетать в себе все виды правовых последствий, в зависимости от его характера и направленности. Так, завещание, как действие в виде односторонней сделки, вызывает правообразующие последствия для наследников, принявших наследство, частично изменяя их права в отношении отдельных объектов наследственной массы (общего имущества, долей участия в капитале), а также влечет правопрекращающие последствия у наследодателя в результате его смерти.

Такая классификация позволяет установить направленность совершаемых деяний, их результативность. При недостижении

¹ Отнесение отраслей к частноправовой сфере базируется на основе доктринального подхода новой номенклатуры научных специальностей. См.: Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093; приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/400550248/> (дата обращения: 17.06.2022).

правовых последствий либо достижении их в неполном объеме может быть поставлен вопрос о негативных правовых последствиях юридически значимых деяний.

В зависимости от воли участвующих субъектов деяния могут носить добровольный и принудительный (императивный) характер. Превалирующую часть составляют добровольные деяния в сфере частного права (сделки, договоры, вступление в брак, подача искового заявления и т. п.). Вместе с тем существует и большое количество примеров деяний, исполняемых в принудительном порядке (взыскание имущества, алиментных платежей, принудительное возмещение вреда и т. п.). Классификация позволяет установить характер деяния, а также необходимость применения добровольных или принудительных мер обеспечения их исполнения.

В зависимости от основания юридически значимые деяния могут иметь договорной и внедоговорной характер. Данная классификация позволяет установить наличие либо отсутствие договорных отношений с лицом, совершающим определенное действие (бездействие), и с остальными участниками частноправовых отношений. Это обстоятельство, в свою очередь, способствует, как определению сферы применения договорных (внедоговорных) правил поведения, так и выбору средств (мер) защиты к субъектам правоотношений. В частности, действия лица, причиняющие вред собственникам жилых помещений в многоквартирном доме в результате затопления квартиры, будут влиять на конструкцию возмещения вреда в зависимости от наличия либо отсутствия между ними договорных отношений. При наличии соглашения (найма, простого товарищества и т. п.) такого рода деяния будут регулироваться по правилам главы 25 ГК РФ, а отсутствие договорных отношений – по правилам главы 59 ГК РФ со всеми вытекающими последствиями.

В зависимости от правового результата юридически значимого деяния предлагается выделять положительное (правомерное) деяние и отрицательное (неправомерное) деяние. Данная классификация будет свидетельствовать о достижимости результата и об обстоятельствах (факторах), повлиявших на результат. Особое значение она приобретает для таких юридически значимых деяний, как сделка, решение собраний, если определенные факторы (обман, заблуждение, насилие) влияют на признание такого рода деяний недействительными.

Существует множество других различных классификационных критериев и градаций юридически значимых деяний. Все они имеют теоретическое и практическое значение. С одной стороны, отражают различные уровни классификационных критериев, с другой – представляют собой цельную и превалирующую систему юридически значимых деяний в частном праве. Сделки, решения собраний и действия в чужом интересе относятся к системообразующим деяниям имущественной частноправовой сферы отношений. Такие юридически значимые деяния, как удостоверение¹, согласование² и уведомление, относятся к обеспечивающим нормальный характер частного оборота деяниям. Неправомерные же деяния составляют базисную основу сферы правонарушений в частном праве. Все эти деяния требуют тщательного исследования в контексте сущностной основы, природы, видового разнообразия и особенностей проявления в частноправовой сфере.

Библиографический список

1. Камышанский В. П. финансовых сделок с использованием финансовой платформы // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 12–18.
2. Карпычев М. В. Решения собраний – новый юридический факт в гражданском законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 63–67.
3. Кожокарь И. П. Дефектные фактические составы в механизме гражданско-правового регулирования // Юрист-Правовед. 2015. № 3 (70). С. 64–66.
4. Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. 848 с.
5. Миловидова А. С. Юридическое удостоверение: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 217 с.
6. Пермяков А. В. Состояния в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2013. 217 с.

¹ Миловидова А. С. Юридическое удостоверение: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. С. 14.

² Рачёнова О. Н. Согласование юридических актов : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 100.

7. *Поваров Ю. С.* Последствия совершения юридических действий без предварительного разрешения органа опеки и попечительства // *Нотариус*. 2021. № 2. С. 18–23.

8. *Рачёноква О. Н.* Согласование юридических актов: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 218 с.

9. *Шершеневич Г. Ф.* Утилитарное учение о нравственности. Избранное. М.: Статут, 2016. 496 с.

10. Юридически значимые деяния в частном праве: монография / отв. ред. А. М. Хужин. М.: Юрлитинформ, 2021. 272 с.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

УДК 321.01
ББК 67.0

В. Ю. Поляков

доцент кафедры
конституционного и международного права
юридического факультета
Донецкого национального университета,
кандидат юридических наук
Донецкая Народная Республика,
Донецк
pkvitaliy@inbox.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ КОНСОЛИДИРОВАННОГО
ГОЛОСОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФРАКЦИЕЙ**

**THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF
CONSOLIDATED VOTING BY A PARLIAMENTARY FACTION**

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов понятия «консолидированное голосование парламентской фракцией». Указанный институт рассмотрен автором как условие стабильности государственной власти, получившей от народа право выступать от его имени и представлять его интересы. Обоснована необходимость разработки политическим движением императивных указаний для своих членов с целью укрепления государственной власти. Сформулировано определение понятия «консолидированное голосование парламентской фракцией» с учетом его особенностей. Принятие решения о

консолидированном голосовании парламентской фракцией показано как юридический факт, влекущий за собой возникновение обязанностей у членов данной фракции.

Ключевые слова: консолидированное голосование, органы государственной власти, парламентская фракция, политическая партия, общественное движение, политическое объединение, депутат, парламент.

The article is devoted to the study of theoretical and legal aspects of the concept of "consolidated voting by a parliamentary faction". This institution is viewed by the author as a condition of stability for the state power, which has received from the people the right to speak on their behalf and to represent their interests. The author has substantiated the necessity for a political movement to develop imperative guidelines for its members in order to strengthen the state power. The definition of "consolidated voting by a parliamentary faction" is formulated taking into account its characteristics. The adoption of a decision on consolidated voting by a parliamentary faction is shown to be a legal fact entailing obligations for the members of that faction.

Keywords: consolidated voting, public authorities, parliamentary faction, political party, social organisation, political association, deputy, parliament.

В теории государства особое внимание уделено институту парламентаризма, что вполне обоснованно, поскольку именно парламент, являясь представительным и законодательным органом государства, опосредует непрерывное влияние народа на законодательный процесс, в ходе которого должна быть воплощена воля народа. Законодательная практика парламентских фракций длительное время использует термин «консолидированное голосование», подразумевающий единообразное голосование всех членов фракции в соответствии с принятым решением в отношении того или иного вопроса.

Так, фракцией может быть принято решение о консолидированном голосовании «за», «против» или необходимости воздержаться от голосования. При этом в законодательстве и Российской Федерации (далее – РФ), и Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) отсутствует юридически закрепленная обязанность членов парламентской фракции действовать в соответствии с принятым ею решением. Следовательно, не предусмотрена и ответственность парламентариев за голосование вопреки позиции фракции. Процедура консолидированного голосования может применяться исключительно в отношении народных депутатов, избранных в составе списка кандидатов, который допущен к распределению

депутатских мандатов, и депутатов, выдвигавшихся соответствующей политической партией в качестве кандидатов по одномандатным избирательным округам.

Отсутствие в законодательстве РФ и ДНР регламентации понятия и процедуры консолидированного голосования отрицательно влияет на возможность парламентской фракции реализовывать свое право на представление политических и экономических интересов граждан, полученное на выборах в парламент. Так, голосование вопреки согласованной позиции партии, направленной на реализацию ее программных целей и задач, поддержанных избирателями на выборах, искажает принцип демократизма и препятствует осуществлению народовластия. В связи с изложенным представляется целесообразным законодательно закрепить механизм воздействия на членов парламентской фракции, голосующих вопреки ее позиции. Принятие решения парламентской фракцией о консолидированном голосовании предлагается рассматривать в качестве юридического факта, влекущего возникновение обязанностей для членов такой фракции, неисполнение которых служит основанием для привлечения к конституционно-правовой ответственности.

Анализ исследований и публикаций последних лет. Исследованию аспектов компетенции депутатов парламента посвящены, например, работы ряда ученых. Среди них – Х. С. Азамов, А. В. Акопов, Н. В. Джагарян, Н. Э. Лебедева, Н. А. Петрова, С. С. Федюнин, В. Е. Чиркин. Вместе с тем разработке теоретической основы консолидированного голосования парламентской фракцией, а также правовым последствиям принятия решения о таком голосовании в отечественной правовой науке уделено недостаточное внимание.

Цель статьи. В статье проведен анализ теоретико-правовых аспектов консолидированного голосования парламентской фракцией. Одной из наиболее эффективных форм народовластия являются выборы, поскольку по их результатам формируются высшие органы государственной власти¹, которые должны своевременно принимать эффективные

¹ Джагарян Н. В. Институт отзыва выборных лиц в системе демократического контроля и ответственности местного самоуправления: отдельные вопросы теории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 34.

решения, а также устранять ошибки управления в случае их допущения. К важнейшим атрибутивным признакам демократии относится наличие эффективных механизмов реализации воли большинства при условии представительства и защиты интересов, прав меньшинств. Стабильное функционирование органов государственной власти представляется возможным лишь при соблюдении меньшинством правовых предписаний парламента, избранного большинством¹. Именно в своем большинстве народ может реализовывать право на власть².

Отдельного внимания заслуживает вопрос народного волеизъявления в процессе выборов членов парламента или главы государства. На выборах в парламент различные позиции граждан по ключевым направлениям развития государства и общества напрямую отражены на результатах голосования: обуславливают количество голосов, набранных политическими движениями³. Таким образом, различные гражданские позиции опосредуют состав парламента. Учитывают и мнение всех групп избирателей, за исключением отдавших голоса за политические движения, которые не преодолели проходной барьер. Итак, при формировании парламента воля меньшинства, хотя и не в полном объеме, но всё-таки находит свое воплощение⁴.

Иная ситуация складывается в случае проведения выборов главы государства, одержать победу в ходе которых может только один кандидат. При этом возникает необходимость подчинения меньшинства воле большинства избирателей. Пример современной Украины свидетельствует о том, что в противном случае общество может погрузиться в анархию, государственный переворот и гражданскую войну.

Поддержка на выборах тех или иных кандидатов или политических партий избирателями проистекает из общности их

¹ Лебедева Н. Э. Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 6.

² Петрова Н. А. Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

³ Федюнин С. С. Особенности нормативно-правового регулирования конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и высших должностных лиц субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 43.

⁴ Чиркин В. Е. Оптимальная избирательная система для России (субъективные заметки) // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 43.

взглядов на основополагающие вопросы жизни общества и государства. Таким образом, избиратели, зная позицию поддерживаемой ими партии, имеют право рассчитывать на то, что члены этой партии, прошедшие в парламент, будут придерживаться задекларированного ранее политического вектора. Важной гарантией реализации указанного права избирателей может служить консолидированное голосование, под которым предлагается понимать единогласное коллективное голосование всеми членами партии по определенному вопросу, рассматриваемому парламентом, если в отношении него сформулирована общая позиция партии.

Следует отметить, что в случае избрания депутата по пропорциональной системе избиратели наделяют представительскими полномочиями не конкретную личность (депутата), а политическую партию (общественное движение), выдвигающую списки кандидатов. Так, в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹ граждане РФ, обладающие пассивным избирательным правом, могут быть выдвинуты кандидатами непосредственно или в составе федеральных списков кандидатов. Непосредственное выдвижение кандидатов может быть осуществлено путем самовыдвижения, а также путем выдвижения их политическими партиями, имеющими в соответствии с Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» право принимать участие в выборах, в том числе выдвигать кандидатов и списки кандидатов. Выдвижение кандидатов в составе федеральных списков осуществляется политическими партиями. Политическая партия вправе выдвинуть в качестве кандидатов, в том числе в составе федерального списка кандидатов, граждан, являющихся членами этой политической партии, а также граждан, не являющихся членами данной или иной политической партии. Политическая партия не вправе выдвинуть в качестве кандидатов, в том числе в составе федерального списка кандидатов, граждан, являющихся членами иных политических партий. Таким образом, Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах

¹ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 22 февраля 2014 № 20-ФЗ // Российская газета. 2014. 26 февраля.

депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» прямо указывает на то, что именно партия формирует и выдвигает федеральные списки кандидатов, будучи главным субъектом избирательного процесса.

В соответствии со ст. 36 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»¹ политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти. Политическая партия, а в случаях, предусмотренных уставом политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения, вправе принимать участие в выборах, официальное опубликование решения о назначении (проведении) которых состоялось после представления политической партией в уполномоченные органы документов, подтверждающих государственную регистрацию ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов РФ. Тем самым становится очевидным, что Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», закрепляя за политическими партиями право выдвигать кандидатов в депутаты, подчеркивает ее первичность по отношению к ним.

Аналогичная правовая концепция закреплена и в ст. 8 Закона «О выборах депутатов Народного Совета ДНР»²: республиканские списки кандидатов могут выдвигаться общественными организациями (движениями), зарегистрированными в качестве участников избирательной кампании по выборам депутатов Народного Совета, органом, уполномоченным на то Правительством Донецкой Народной Республики. Решение о выдвижении республиканского списка кандидатов принимается общественной организацией (общественным движением) в соответствии с ее (его) уставом или иным учредительным документом. Учитывая вышеизложенное,

¹ О политических партиях: федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

² О выборах депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики: закон Донецкой Народной Республики от 29 декабря 2017 г. № 207-ІНС // Народный Совет Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vyborah-deputatov-narodnogo-soveta-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 19.06.2022).

можно прийти к выводу о том, что избиратели, голосуя за тот или иной список кандидатов, фактически поддерживают соответствующую партию (общественное движение), наделяя ее (его) правом представлять свои политические и экономические интересы в парламенте, поскольку именно политическое движение, согласно законодательству, обнародует свою предвыборную программу. При этом ее члены не публикуют отдельные оговорки, которые, с их точки зрения, необходимо внести в указанную программу политического объединения, а демонстрируют приверженность курсу конкретной партии (общественного движения).

Именно политическая партия несет риски, связанные с невыполнением своей предвыборной программы. Указанные риски заключаются в том, что избиратели могут не оказать необходимую поддержку на следующих выборах политической силе, не реализовавшей свою программу по причине разноректорного голосования ее членов. Следовательно, прошедшее в парламент политическое движение, а не отдельных его членов, целесообразно наделять правом принимать решения по важнейшим вопросам развития государства. Депутаты, прошедшие в парламент по спискам политического движения либо при его поддержке по одномандатному избирательному округу, не должны быть наделены правом голосовать вопреки позиции соответствующего движения в случае, если такое движение на заседании большинством голосов одобрило необходимость единообразного голосования по конкретному вопросу. Думается, что к консолидированному голосованию целесообразно прибегать не всегда, а лишь в случае голосования по наиболее важным вопросам, если парламентская фракция считает необходимым единообразное голосование и приняла соответствующее решение на своем заседании. Таким образом, принятие политическим объединением указанного решения можно рассматривать как юридический факт, влекущий за собой наступление соответствующих правовых последствий.

С учетом этого представляется целесообразным законодательное закрепление понятия «консолидированное голосование парламентской фракции» и процедуры его проведения в целях защиты права парламентской фракции на принятие решений, соответствующих ее программным целям, от недобросовестных действий ее членов, голосующих вопреки позиции данной фракции. Правовая регламентация указанного

понятия и процедуры отзыва голосов депутатов, проголосовавших вопреки позиции фракции и ее решению о консолидированном голосовании по конкретному вопросу, обеспечит права избирателей и соблюдение народовластия.

Кроме того, обязанность консолидированного голосования членов парламентских фракций нередко закреплена в положении о соответствующей парламентской фракции. Так, в положении о фракции «Донецкая Республика» Народного Совета ДНР¹ предусмотрено, что к основным задачам фракции относится обеспечение консолидированного голосования на сессиях Народного Совета при принятии решений относительно правовых актов и кадровых вопросов, по которым собранием фракции принято соответствующее решение. Указано, что член фракции обязан поддерживать выработанную фракцией позицию и голосовать в соответствии с ее решением о консолидированном голосовании по вопросам, рассматриваемым Народным Советом. Однако следует обратить внимание на то, что такой акт не может служить юридическим основанием для отзыва голосов депутатов.

Как указано в Большой советской энциклопедии², консолидация (от лат. *consolidatio*, то есть *con* (*cum*) – «вместе, заодно» и *solido* – «уплотняю, укрепляю, сращиваю») означает упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели. Иные источники, содержащие дефиниции данного термина, определяют его аналогично или рассматривают его в иных значениях, не отвечающих теме настоящего исследования.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что консолидированное голосование парламентской фракцией – это единообразное голосование членов конкретной фракции по важнейшим вопросам жизни государства и общества, рассматриваемым парламентом, заключающееся в голосовании «за» всеми ее членами, «против» или воздержании от голосования. Принятие решения о консолидированном голосовании большинством на заседании парламентской фракции должно

¹ Положение о фракции «Донецкая Республика» Народного Совета ДНР от 1 апреля 2015 г. // Народный Совет Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovetsu/doc/polozeniya/Polozheniye_o_fraktsii_Donetskaya_Respublika_v_NS_DNR.pdf (дата обращения: 19.06.2022).

² Ежегодник Большой советской энциклопедии / гл. ред. В. Г. Панов. Вып. 34. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 256.

означать для ее членов обязанность проголосовать в соответствии с данным решением. При этом за парламентариями, которые не разделяют позицию фракции, должно быть сохранено право воздержаться от голосования¹.

Ввиду этого представляется целесообразным дополнить ст. 16 Регламента Государственной Думы РФ частью 9, ст. 75 Регламента Народного Совета ДНР – частью 8 в следующей редакции: «Фракция может принять решение о консолидированном голосовании. Консолидированное голосование фракции – это единообразное голосование членов конкретной фракции по определенному вопросу, рассматриваемому парламентом, заключающееся в голосовании «за» всеми ее членами, «против» или воздержании от голосования. В случае принятия фракцией решения о консолидированном голосовании по конкретному вопросу все ее члены, присутствующие на заседании парламента, обязаны проголосовать в соответствии с указанным решением фракции либо воздержаться от голосования». Реализация предложенного будет способствовать защите народного суверенитета, а также права народа на определение политического и экономического курса развития государства.

Библиографический список

1. Азамов Х. С. Об основных положениях складывающейся теории демократии // Вестник педагогического университета. 2014. № 3-1. С. 28–35.
2. Акопов Л. В. Демократический контроль как государственно-правовой институт (история, теория, практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 28 с.
3. Джагарян Н. В. Институт отзыва выборных лиц в системе демократического контроля и ответственности местного самоуправления: отдельные вопросы теории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 45–49.
4. Ежегодник Большой советской энциклопедии / гл. ред. В. Г. Панов. Вып. 34. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 556 с.

¹ Поляков В. Ю. Понятие консолидированного голосования парламентской фракцией // Сборник научных работ серии «Право». Вып. 2 (22). Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях. Донецк: ДОНАУИГС, 2021. С. 29.

5. *Лебедева Н. Э.* Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 26 с.

6. *Петрова Н. А.* Конституционно-правовой институт отзыва в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.

7. *Федюнин С. С.* Особенности нормативно-правового регулирования конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и высших должностных лиц субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 43–47.

8. *Чиркин В. Е.* Оптимальная избирательная система для России (субъективные заметки) // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 42–51.

9. *Поляков В. Ю.* Понятие консолидированного голосования парламентской фракцией // Сборник научных работ серии «Право». Вып. 2 (22). Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях. Донецк: ДОНАУИГС, 2021. С. 22–30.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

Е. В. Кищенко
аспирант
кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова
Kischenko96@mail.ru

**ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ В АСПЕКТЕ РЕФОРМЫ
НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PERSONAL FUNDS IN THE REFORM OF
INHERITANCE LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье дан анализ института личных фондов в Российской Федерации, введенного в отечественное законодательство с 1 марта 2022 г. Обосновано положение о том, что внедрение указанной конструкции в российскую правовую действительность повлекло значительное расширение возможностей субъектов гражданского права по распоряжению имуществом на случай смерти. Вместе с тем особый акцент автором сделан на выявлении пробелов и коллизий в правовом регулировании создания и функционирования личных фондов в России. Сформулирован вывод о том, что, хотя идея учреждения личных фондов прогрессивна, они в значительной степени уступают зарубежным трастам и несопоставимы с ними. Среди ведущих барьеров на пути расширения практики применения института личных фондов – отсутствие специалистов в сфере профессионального управления активами и однообразной практики правоприменения в этой сфере; неурегулированность проблемы двойного налогообложения. Обоснована важность вдумчивой проработки данных аспектов для максимальной реализации институтом личных фондов заложенного в нем потенциала.

Ключевые слова: наследственные фонды, свобода завещания, личный фонд, наследодатель, учредитель, бенефициары, траст.

The article analyzes the institute of personal funds in the Russian Federation, introduced in national legislation on March 1, 2022. There is grounded the position that the introduction of this structure in Russian legal reality caused significant expansion of opportunities of subjects of civil law to dispose of property in case of death. At the same time the author focuses on revealing gaps and conflicts in legal regulation of creation and functioning of personal funds in Russia. It is concluded that, although the idea of setting

up private foundations is progressive, they are largely inferior to foreign trusts and are not comparable with them. Among the leading barriers to the expansion of the institution of personal funds are lack of specialists in the field of professional asset management and lack of uniform law enforcement practice in this area; unresolved issues of double taxation. The importance of thoughtful elaboration of these aspects is justified in order to maximise the potential of the institution of personal funds.

Keywords: inheritance trusts, freedom of will, personal trust, testator, settlor, settlor, beneficiaries, trust.

Наследственное право Российской Федерации (РФ) базируется на концепции диспозитивности, исходной идеей которой выступает верховенство свободы завещания. В последние годы данное начало расширено путем предоставления гражданину максимального спектра возможностей в вопросах определения судьбы своего имущества на случай смерти. В этом аспекте одним из самых масштабных нововведений заслуженно является внедрение в отечественное законодательство института наследственных фондов.

Ранее в российском праве отсутствовали оптимальные механизмы решения вопроса о наследовании бизнеса. В большей степени это не устраивало состоятельных граждан, поскольку они не могли контролировать направления расходования своего имущества ввиду того, что наследник приобретал статус его полноправного собственника. Такие правовые модели доверительного управления, как завещательный отказ и возложение, не вполне согласуются с целями, преследуемыми наследодателем при завещании крупных активов. Отсутствие адекватных управленческих моделей в отношении сложных активов вынуждало наследодателей обращаться к механизмам англосаксонской правовой семьи, а также офшорным юрисдикциям зарубежных стран.

Все это и вызвало к жизни институт наследственных фондов в России, получивший легальное закрепление в Гражданском кодексе (ГК) РФ с 1 сентября 2018 г.¹ Данный шаг продиктован стремлением законодателя к заимствованию зарубежных правовых механизмов, которые себя положительно зарекомендовали на практике. Речь идет прежде всего о трасте

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.

(англ. *trust*, то есть «доверие»), являющемся порождением англосаксонского права справедливости¹. Его принято понимать как основанное на доверии правоотношение между учредителем и доверительным собственником, в рамках которого осуществляется передача имущества для его управления и распоряжения им в пользу бенефициара². Трасты создаются, как правило, бизнесменами или другими влиятельными людьми еще при жизни для того, чтобы оказывать поддержку своей семье после смерти либо приносить пользу обществу (средства фонда могут быть вложены в благотворительность)³.

По существу, специфика наследственного фонда и проявляется в цели его создания – управлении полученным в порядке наследования имуществом наследодателя, который выступает учредителем такого фонда⁴. Но, учитывая то обстоятельство, что право РФ относится к континентальной системе права, отождествление наследственных фондов с трастами вряд ли целесообразно ввиду специфики их правовой природы.

Многие современные исследователи в сфере цивилистики наделяют гражданина правом включения в свое завещание распоряжения о создании наследственного фонда трактуют как значимое содержательное обогащение принципа свободы завещания⁵. Вместе с тем часто можно услышать мнение о том, что возникновение наследника по завещанию, правовой статус которого неоднозначен, будет неизбежно порождать спорные

¹ Канашевский В. А. Офшорные компании и трасты: антиофшорное регулирование. М.: Международные отношения, 2018. С. 94.

² Паничкин В. Б. Англо-американское трастовое право: монография. М.: Проспект, 2020. С. 16.

³ Приходько Е. Г., Попова Л. И. Особенности гражданско-правового положения наследственного фонда // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал сборник научно-практических статей V Международной научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2021. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права (Краснодар), 2020. С. 228.

⁴ Муратова А. Р. О некоторых аспектах создания наследственного фонда // Гражданское право. 2020. № 1. С. 28.

⁵ Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 79.

ситуации¹. Каждая из позиций имеет право на существование ввиду наличия рационального начала.

Несмотря на неоспоримые достоинства, институт наследственных фондов не получил распространения на практике, и главным предметом критических замечаний стал п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ, допускающий создание наследственного фонда лишь после смерти наследодателя². Из этого положения следует, что наследодатель не располагает возможностями контроля деятельности фонда и изменения состава его органов управления³.

Сделать это нотариусу как ключевому субъекту в рамках деятельности наследственного фонда, после смерти его учредителя, крайне проблематично ввиду необходимости предварительного получения соответствующего решения суда, в основу которого должны быть положены доказательства невозможности управления фондом на прежних условиях ввиду обстоятельств, учет которых в процессе создания фонда был невозможен⁴. В равной степени отсутствует уверенность в росте показателей деятельности данного фонда после положительного решения суда, велики риски необходимости повторного обращения в суд по аналогичному основанию (для внесения корректив в учредительную документацию). В итоге такие действия могут привести к ликвидации фонда с учетом невозможности достижения целей, изначально преследуемых при его создании.

Многие исследователи апеллировали к тому, что предотвращение подобных сценариев развития событий стало бы возможным при условии внедрения механизма, аналогичного наследственным фондам по их базовой идее, но с ориентацией на страны (Германию, Францию, Швейцарию, Лихтенштейн и иные), где успешна практика их создания при жизни наследодателей.

¹ Козлова Н. Крашенинников: Наследственный фонд – новый способ управления имуществом. Новый закон защитит права наследников // Российская газета. 2018. 31 июля.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 48.

⁴ Голованов Н. М. Проблемы правового регулирования наследственного фонда в Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2020. № 14. С. 116.

Законодатель, осознавая очевидную не востребованность наследственных фондов, пошел навстречу. С 1 марта 2022 г. граждане наделены правом создания личных фондов, являющихся аналогом зарубежных частных фондов¹.

Закономерен вопрос о том, как данный вид фондов соотносится с родовой категорией наследственных фондов, в чем его преимущества и каковы перспективы дальнейшего функционирования в России. По задумке законодателя, личные фонды в ближайшем будущем приобретут статус одного из самых действенных инструментов управления имущественными активами и урегулирования вопроса преемственности. Сегодня наибольшая часть финансовых ресурсов состоятельных граждан РФ сконцентрирована в зарубежных банках (по подсчетам исследовательской компании *Frank RG*, по итогам 2021 г. 69 % от суммарного размера активов российских состоятельных клиентов)².

С учетом законодательной конструкции проявляется такая важная особенность личных фондов, как возможность их учреждения при жизни гражданина (ст. 12320-4 ГК РФ). Указанное нововведение служит ответом на запрос современных реалий и несколько приближает российскую конструкцию наследственного фонда к общеевропейской модели³. Ее неоспоримое преимущество – возможность личного контроля учредителем процесса управления данным фондом в целях минимизации возможных рисков, что было исключено в рамках наследственных фондов.

После смерти учредителя личного фонда изменение его документации будет невозможным, что служит надежной гарантией сохранения деятельности фонда в том виде, который предпочтителен для его учредителя. По существу, наследственный фонд является разновидностью личного фонда, его частным

¹ О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5115.

² Личные фонды // *Frank RG*. URL: <https://frankrg.com/34677> (дата обращения: 14.03.2022).

³ Муратова А. Р. Указ. соч. С. 29.

проявлением, хотя возник раньше, что объясняет общность их правового режима во многих аспектах¹.

Для освещения правовой сущности личных фондов приведем ряд значимых положений ГК РФ:

– запрет на «соучредительство» и замену учредителя личного фонда, кроме ситуации учреждения личного фонда супругами, передающими ему объекты их общей собственности. Однако законодатель обошел стороной вопрос о порядке передачи фонду такого имущества. Отсутствует и определенность относительно проверки наличия согласия второго супруга на его отчуждение. Даже при неосведомленности второго супруга о передаче общего имущества личному фонду непонятны вытекающие из этого правовые последствия: признание сделки недействительной либо наделение второго супруга статусом соучредителя фонда. Видимо, требуется индивидуализированный подход и учет желания данного лица на участие в соучредительстве личного фонда²;

– передаваемое личному фонду имущество становится его собственностью, при этом установлено требование к его минимальному размеру: не менее 100 млн рублей. Оценка имущественных активов должна быть проведена компетентным специалистом.

На первый взгляд кажется, что возможность создания личного фонда предоставлена далеко не любому человеку. Это позволяет его воспринимать в качестве механизма управления крупными активами и инструмента предотвращения дробления бизнеса после смерти учредителя. Вместе с тем на контрасте с зарубежными странами установленный размер демократичен и обоснован, поскольку процесс управления фондом связан с неизбежными расходами, а также цели создания личных фондов предполагают наличие надежной имущественной основы. Для сравнения поясним, что, к примеру, в Лихтенштейне уставный капитал должен составлять от 27.000 евро, в Швейцарии от 44.000 евро³;

¹ Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 15. С. 68.

² Гриднева О. В. Наследственное право: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 47.

³ Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 125.

– с учетом того, что учредителем фонда часть его имущества передается в распоряжение личного фонда, законодатель предусмотрел ряд защитных мер для кредиторов учредителя, сводящих к минимуму риски недобросовестного вывода активов при угрозе взыскания. К примеру, установлены правила о субсидиарной ответственности личного фонда по обязательствам учредителя (такая ответственность ограничена сроком три года со дня создания фонда, однако его пропуск по уважительным причинам позволяет суду принять решение о его продлении, однако, не более чем до пяти лет);

– на принятие всех решений, имеющих ключевое значение для управления фондом, уполномочен его учредитель, что согласуется с главной целью внедрения исследуемого института, помимо наследственных фондов. Учредитель вправе внести коррективы в устав, условия управления фондом и иную документацию по вопросам его функционирования. Это не исключает возможность внесения во внутреннюю документацию таких изменений, которые вернут активы учредителю личного фонда. По существу, личный фонд фактически «отзывает» при жизни учредителя, что заставляет задуматься об обоснованности ограничения ответственности фонда по долгам учредителя тремя годами. В этой ситуации справедливым было бы наделение кредиторов учредителя правом доступа к таким активам. Учредитель имеет и возможность автономного решения вопроса о структурной организации и персональном составе органов фонда;

– законодатель разрешил личным фондам заниматься предпринимательской деятельностью, связанной с целями их создания, закрепленными в уставе. Для этого личному фонду позволено создавать хозяйственные общества либо принимать участие в них. Указанное положение заметно контрастирует с аналогичными условиями в отношении других некоммерческих организаций, где вместо предпринимательской деятельности применяется понятие «деятельность, приносящая доход»¹;

– отчетность личного фонда не обнародуется, кроме случаев, которые специально оговорены условиями управления им.

Обособленно законодатель регламентирует положения о выгодоприобретателях и «отдельных категориях» лиц

¹ Аюпова Г. Ф. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 270.

применительно к личным фондам. При этом пояснения относительно этих положений не приведены, и возникают закономерные вопросы о том, обязан ли фонд выдавать денежные средства всем лицам из такой «отдельной категории» или речь идет о некоторых из них. Можно утверждать лишь то, что условия управления фондом должны индивидуализировать выгодоприобретателей поименно или определить по наименованию (например, «все дети и внуки»). Из этого следует, что адресатами распределения средств личного фонда могут выступать и лица, по формальным критериям не являющиеся выгодоприобретателями и не указанные в документации фонда.

Тем самым создается так называемая лазейка для различных злоупотреблений.

В соответствии с условиями управления руководство личного фонда может автономно решать вопросы относительно получателей имущества фонда обеих категорий. Конечно, такие полномочия руководитель должен делегировать взвешенно, поскольку не исключены риски раздачи всего имущества не тем лицам, что предполагал учредитель. Ввиду изложенного целесообразно в условиях управления указать перечень возможных выгодоприобретателей (в частности, ограничить его кругом ближайших родственников)¹.

В целом, несмотря на свою общую прогрессивность, механизм личных фондов пока не в состоянии стать безоговорочной альтернативой зарубежным трастам. Речь идет, в частности, о следующих аспектах:

- очевидным является отсутствие в России компетентных специалистов в сфере профессионального управления активами с четко урегулированными полномочиями и ответственностью. Интерес представляет тот факт, что в зарубежных странах зачастую применяют институт лицензирования данной деятельности, разрабатывают соответствующие стандарты;

- предстоит сложнейшая задача по формированию единой практики правоприменения в сфере деятельности личных фондов. В зарубежных странах ввиду длительной истории функционирования трастов и фондов аккумулирован значительный правоприменительный опыт. В условиях же российской действительности, с учетом значимого показателя стартовых активов (не менее 100 млн рублей), создание

¹ Демкина А. В. Указ. соч. С. 70.

гармоничной судебной практики, вероятно, займет не одно десятилетие. Так, отсутствует ясность в отношении многих важных вопросов: например, практика реального применения норм о субсидиарной ответственности учредителя и фонда в аспекте продления срока обращения кредиторов с требованиями до пяти лет по уважительным причинам. Критерии уважительности таких причин не разработаны, что и является задачей правоприменителей¹;

– проблема двойного налогообложения, состоящая в обложении налогом на прибыль направленных в фонд активов, которые являются источником дохода, на уровне фонда, и далее в отношении бенефициаров, получающих выплаты из фонда при условии уплаты НДФЛ². Создание трастов и фондов осуществляется в пределах юрисдикций, предоставляющих налоговый иммунитет для таких доходов.

Резюмируя, укажем, что, с одной стороны, российские личные фонды расширяют вариативность распоряжения частными активами и возможности планирования преемственности крупных состояний. Это вызывает благосклонное отношение со стороны граждан, которые ввиду различных обстоятельств лишены возможности или не желают прибегать к международным трастам. Личные фонды служат оптимальным инструментом для лиц, в распоряжении которых находятся различные активы в форме ценных бумаг, объектов недвижимости и т. д., которые стремятся осуществить их передачу по наследству под гибкими условиями (речь идет, например, о достижении установленного возраста). С учетом регулирования данного института положениями российского законодательства в контексте практики он будет понятен как наследникам, так и контролирующим структурам.

Вместе с тем для повышения результативности нового механизма личных фондов требуется обстоятельная проработка обозначенных нами вопросов: от формирования звена профессиональных управленцев до внесения корректив в

¹ Антонова А. А. Наследственный фонд в законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты // Наука. Общество. Государство. 2018. № 12. С. 72.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33. Ст. 3429.

законодательство (прежде всего в Налоговый кодекс РФ) и наработки судебной практики.

При этом, не оспаривая значительное усовершенствование нормативной конструкции личного фонда по сравнению с моделью наследственного фонда, предположим маловероятность их популяризации в России ввиду их недоступности для большинства обычных граждан, проблем правовой регламентации и отсутствия опыта практического применения данных норм. В настоящее время они вряд ли смогут полноценно выполнять функцию сохранения и приумножения имущества их учредителей, предусмотренную законодателем.

Библиографический список

1. *Абраменков М. С., Сараев А. Г.* Наследственное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 868 с.
2. *Антонова А. А.* Наследственный фонд в законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты // Наука. Общество. Государство. 2018. № 12. С. 67–73.
3. *Аюпова Г. Ф.* Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 270–276.
4. *Голованов Н. М.* Проблемы правового регулирования наследственного фонда в Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2020. № 14. С. 114–119.
5. *Гриднева О. В.* Наследственное право: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. 867 с.
6. *Демкина А. В.* Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 15. С. 67–74.
7. *Канашевский В. А.* Офшорные компании и трасты: антиофшорное регулирование. М.: Международные отношения, 2018. 303 с.

Т. В. Кокорева

аспирант

Волгоградского государственного университета
Российская Федерация
г. Волгоград
tat-korotkova@mail.ru

**КАТЕГОРИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»:
ВВЕДЕНИЕ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВУЮ ДОКТРИНУ**

**THE CATEGORY OF ECOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP:
THE INTRODUCTION INTO THE CIVIL LAW DOCTRINE**

В статье речь идет о концепции устойчивого развития, поддерживаемой в последние два десятилетия мировым сообществом, отдельными государствами и представителями бизнеса, которая предполагает бережное ресурсопользование и ресурсопотребление в целях сохранения благоприятной экологии и социальной справедливости. По мнению автора, гуманное ресурсопотребление охватывает различные сферы, всё больше вовлекая в этот процесс ряд бизнес-направлений, складывающихся в самостоятельный пласт общественной деятельности, – экологическое предпринимательство. Вопросам гражданско-правового регулирования сферы экологического предпринимательства, его финансирования не уделено должного внимания. Одновременно назрела необходимость проведения доктринального анализа исследуемого явления с позиций цивилистики и точечной, ювелирной проработки отдельных положений гражданского законодательства Российской Федерации (РФ) с целью дать толчок, стимулировать инкорпорирование и применение разработанных представителями экономических наук инициатив «зеленого» предпринимательства, методик и инструментов. В представленной публикации автор проводит анализ содержания и ключевых характеристик эколого ориентированного предпринимательства. Дано авторское определение экологического предпринимательства. В заключительной части статьи автор выделяет перспективные направления исследований в науке гражданского права.

Ключевые слова: экология, устойчивое развитие, экологическое предпринимательство, «зеленое» финансирование, ресурсопользование, ресурсосбережение, доктринальные исследования.

The article describes the concept of sustainable development, supported over the past two decades by the global community, individual states and business representatives, which involves the careful use of

resources and resource consumption in order to maintain a favorable environment and social justice. According to the author, the humane use of resources covers different spheres, increasingly involving in this process a number of business directions, forming an independent layer of social activity - environmental entrepreneurship. The issues of civil-legal regulation of the sphere of ecological entrepreneurship, its financing are not given proper attention. At the same time, there is a necessity to perform a doctrinal analysis of the phenomenon in question from the standpoint of civil science and a point-by-point, jewellery study of certain provisions of civil legislation of the Russian Federation (RF) in order to give impetus, stimulate incorporation and application of "green" entrepreneurship initiatives, techniques and tools developed by representatives of economic sciences. In this article the author analyses the content and key characteristics of ecologically-oriented entrepreneurship. The author's definition of ecological entrepreneurship is given. In the final part of the article the author identifies promising areas of research in the science of civil law.

Keywords: ecology, sustainable development, ecological entrepreneurship, green finance, resource management, resource conservation, doctrinal studies.

Современное интерпретирование устойчивого развития исходит из постулатов о том, что экономический рост немислим без усиления экологической безопасности и социальной справедливости. Формирующаяся в последние два десятилетия концепция «зеленой» экономики призвана обеспечить одновременное достижение социальных, экономических и экологических целей для различных стран и территорий¹. Неподдельный интерес социума, государственных структур, ряда частных инвесторов к «зеленой» проблематике (ресурсоэффективности, ресурсосбережению, адаптации к изменению климата) в последние годы увеличивается, а их инициативы в этой сфере получают все большую поддержку. «Зеленое» строительство, «зеленое» страхование, «зеленые» налоги, «зеленый» аудит, «зеленое» обращение с отходами, «зеленый» туризм, иные разноплановые аспекты «зеленой» экономики не только обсуждаются на экспертных и научных площадках, но и активно реализуются на практике.

Переход к гуманному ресурсопользованию в современном предпринимательстве немислим без построения действенного

¹ Инишкова А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 184.

механизма «зеленого» финансирования. Суть данного механизма заключается не столько в способности увеличить традиционные источники «зеленого» финансирования, сколько в возможности найти новые (инновационные, нетрадиционные) источники. Например, «зеленое» кредитование как модифицированный банковский продукт способно выступить мощным стимулом внедрения в практику российского предпринимательства отдельных программ, направленных на обеспечение устойчивой экологической безопасности.

На практике допускается недооценка потенциала «зеленого» финансирования. При отсутствии законодательного базиса¹ разработанные методики финансирования экологических инициатив не находят широкого применения. Полагаем, указанное обстоятельство следует отнести к сдерживающему фактору, оказывающему в итоге влияние на конкурентоспособность отдельных предприятий.

Изучая степень разработанности вопросов «зеленого» финансирования экологического предпринимательства в науке в целом, приходим к следующим умозаключениям. Инициативы экологического предпринимательства, его финансирования служат объектом исследования по различным направлениям, – в экономике, экологии, географии, истории. Таким образом, рассматриваемая проблема выходит за рамки сугубо юридических исследований. Анализ гражданско-правовых аспектов развития экологического предпринимательства, гуманного ресурсопользования не проведен. Незначительное количество исследований, реализованных учеными-юристами, посвящено отдельным проблемам в изучаемой сфере. Нельзя не обратить внимание на диссертационные исследования А. Л. Бажайкина², Т. З. Юсупова³, С. В. Злобина⁴. Указанные обстоятельства диктуют необходимость проведения

¹ Инишкова А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 6.

² Бажайкин А. Л. Экологическое страхование: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12.

³ Юсупов Т. З. Гражданско-правовые аспекты экологического аудирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

⁴ Злобин С. В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 92.

доктринальных исследований «зеленого» финансирования экологического предпринимательства, выявления правоприменительных пробелов с последующей оптимизацией гражданско-правовых норм, внесением изменений и дополнений в действующее гражданское законодательство.

В начале XXI в. идея «зеленого» экономического роста вышла на новый уровень реализации. Она проявляется в новой инициативе ООН, «новом глобальном зеленом курсе», где экономическое развитие тесно переплетается с задачами по сохранению окружающей природной среды.

На этой основе рождаются концепция устойчивого развития и модель инвестирования в виде устойчивого или ответственного инвестирования, где цели предпринимательской деятельности тесно переплетаются с социальными целями.

Сегодня в России отсутствует единообразный подход в частноправовом регулировании основ экологического предпринимательства, его финансирования. Обычно применяются общие правила, связанные с предпринимательской деятельностью, и ключевые, базовые положения без учета специфики о реализации отдельных программ по финансированию («зеленое» строительство, «зеленый» банкинг, «зеленый» туризм). В структуре Гражданского кодекса (ГК) РФ специализированные нормы относительно данного вопроса не закреплены.

В целом «зеленое» финансирование в России находится на стадии становления. Имеют место предпосылки для его функционирования, присутствуют определенные действия со стороны государства, закладываются основы государственной политики в данной сфере. Принят ряд нормативных правовых актов, направленных на рост инноваций и инвестиций для экологического предпринимательства. Вместе с тем действующая система гражданского законодательства, базирующаяся на нормах экологического права, не отвечает перспективным потребностям ряда производств, отдельным направлениям бизнеса, требует кардинальной доработки и модернизирования.

Одна из существенных проблем, на наш взгляд, заключается в отсутствии официальной дефиниции «экологическое предпринимательство». В настоящее время в законе не определено, какое предприятие следует считать экологически ориентированным, равно как и отсутствуют устойчивые подходы по отношению к вопросам определения критериев экологического

предпринимательства, его характеристик, а значит, и субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Фактически это негативно влияет на вопросы «зеленого» финансирования, поскольку не заложены концептуальные основы для развития подобной деятельности.

Необходимо учитывать, что экологическое предпринимательство обладает определенной спецификой, основанной на концепции устойчивого развития, обусловленной высокой социальной значимостью экологического предпринимательства. Между тем в международных правовых актах, как и в отечественном законодательстве, отсутствует определение признаков и критериев, позволяющих четко разграничить экологическое предпринимательство и иные виды предпринимательской деятельности.

Создается фактически ситуация, когда роль и значение экологического предпринимательства подчеркивается, но недоразвитость ряда институтов гражданского права выступает как сдерживающий фактор. Нет общепринятого определения понятия «экологическое предпринимательство» в истоках, то есть в экономической науке¹. Специалисты предлагают его различные варианты. Как нам представляется, определение экологического предпринимательства включает в себя два аспекта. Первый аспект состоит в том, что экологическое предпринимательство составляет разновидность предпринимательской деятельности в целом, и на него распространяет свое действие комплекс законодательных требований в этой сфере. Второй аспект заключается в том, что экологическое предпринимательство обладает определенной спецификой, выраженной сферой осуществления такой деятельности. Речь идет об охране окружающей природной среды и рациональном природопользовании.

В современной правовой науке также не сформировано понятие «экологическое предпринимательство». Отсутствует исследуемый термин и в законодательстве. Если в первых редакциях Федерального закона «Об охране окружающей среды»

¹ Ершова Т. В., Гаффорова Е. Б., Хамдамов Ж. Х. Теоретические предпосылки возникновения и развития экологического предпринимательства // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 4 (58). С. 13; Федорова Т. М. Организационно-экономический инструментарий развития государственного экологического предпринимательства: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2012. С.101.

(№ 7-ФЗ от 10 января 2002 г.) понятие «экологическое предпринимательство» еще упоминалось, то сегодня в законе говорится уже о «государственной поддержке хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды» (ст. 17)¹. Параллельно вошли в обиход такие понятия, как «экологический бизнес», «эколого ориентированный бизнес», «зеленое предпринимательство» и т. д.

Определение рассматриваемого понятия дано в Модельном законе «Об основах экологического предпринимательства»: это – всякая предпринимательская деятельность, основная цель которой состоит в обеспечении сохранения и восстановления окружающей среды и охране природных ресурсов². В России легализация указанного Модельного закона не состоялась.

Еврокомиссия Европейского союза определила экологическое предпринимательство как производство товаров и предоставление услуг по измерению, предупреждению, ограничению или устранению экологического вреда, ликвидации отходов и снижению уровня шума. К экологическому предпринимательству также отнесены экологически чистые технологии, применение которых минимизирует использование сырья и загрязнение окружающей среды³.

Мы предлагаем ряд критериев, позволяющих относить предпринимательскую деятельность к экологическому предпринимательству. Данные критерии представлены: 1) характером реализуемой деятельности, выпускаемой продукции или оказываемых услуг; 2) целью осуществления деятельности, которая должна состоять в получении прибыли посредством решения экологических проблем и удовлетворения экологических потребностей общества; 3) поиском и использованием возможностей, которые зависят от текущих общественных

¹ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

² Модельный закон об основах экологического предпринимательства: принят в г. Санкт-Петербурге 13 июня 2000 г. постановлением № 15-6 на пятнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=8820#K24I2AT03Wo3b8H5> (дата обращения: 12.06.2022).

³ Управление окружающей среды // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/environment/index_en.htm (дата обращения: 12.06.2022).

проблем и экологических потребностей; 4) наличием целей нерыночного свойства.

Предложенные критерии позволяют сформулировать следующее определение экологического предпринимательства: это – предпринимательская деятельность, целью которой является получение прибыли, направленная на поиск и применение предпринимательских возможностей, связанных с удовлетворением экологических общественных потребностей и решением экологических проблем. Как нам представляется, данное определение в полной мере отражает специфику экологического предпринимательства с учетом существующих подходов отечественных и зарубежных ученых.

Установление в гражданском законодательстве базовых категорий экологического предпринимательства позволит в дальнейшем проводить концептуальные разработки «зеленого» финансирования как прикладного инструмента в системе правовых природоохранных механизмов. Кардинальные доработки ряда институтов гражданского права, обеспечивающих правовой фундамент в сфере финансирования «зеленых» инициатив (в частности такое перспективное направление, как «зеленый» банкинг¹), на наш взгляд, необходимо проводить с учетом следующего:

- выявить и проследить межотраслевые связи норм гражданского, экологического, налогового, банковского, страхового законодательства РФ;
- определить взаимное влияние указанных норм. В ряде случаев оно будет корректирующим, в других – искажающим;
- систематизировать недостатки сложившейся системы «зеленого» финансирования;
- выработать нормативно-правовую базу для реализации как действующих, так и новых практик «зеленого» финансирования;
- определить принципы «зеленого» финансирования;
- разработать стандартные формы договоров (например, договор экологического кредитования) с проработкой существенных условий соглашения.

¹ Гончаров А. И., Матыцин Д. Е., Кокарева Т. В. Перспективы развития в России «зеленого банкинга» // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 3 (60). С. 17.

Полученные в таком русле результаты будут способствовать имплементации в практику российского бизнеса принципов экологического предпринимательства. Законодательные предложения могут стать основой разработки, более детальной проработки внутренних документов, проформ, стандартов.

Библиографический список

1. *Бажайкин А. Л.* Экологическое страхование: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.
2. *Гончаров А. И., Матвеев Д. Е., Кокарева Т. В.* Перспективы развития в России «зеленого банкинга» // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 3 (60). С. 17–26.
3. *Ершова Т. В., Гаффорова Е. Б., Хамдамов Ж. Х.* Теоретические предпосылки возникновения и развития экологического предпринимательства // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 4 (58). С. 13–25.
4. *Злобин С. В.* Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 199 с.
5. *Иншакова А. О.* Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 184–187.
6. *Иншакова А. О.* Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 6–13.
7. *Федорова Т. М.* Организационно-экономический инструментарий развития государственного экологического предпринимательства: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2012. 202 с.
8. *Юсупов Т. З.* Гражданско-правовые аспекты экологического аудирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 170 с.

К. Р. Симонян
преподаватель
кафедры гражданского права
Кубанского государственного университета
kristina.simonyan.92@bk.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ НОТАРИАТ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE MODERN NOTARIAT
IN ENSURING THE IMPLEMENTATION
OF STATE FAMILY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье речь идет о социальном значении семейно-правовых сделок, которые подлежат нотариальному удостоверению в рамках регулирования соответствующей сферы правоотношений. Проанализированы сложившиеся в отечественном законодательстве нормы, направленные на обеспечение защиты прав и законных интересов участников в семейно-правовых сделках, а также сложившееся в юридической науке по существу данного вопроса. По итогам исследования автором сделан ряд выводов. В частности, если раньше значение нотариата состояло в удостоверении узкого круга семейно-правовых сделок, то в настоящее время наблюдается тенденция к увеличению сделок, которые должны быть обязательно нотариально удостоверены. По мнению автора, это – положительная тенденция, поскольку участие нотариуса при удостоверении сделок позволяет обеспечить выполнение обязательств без обращения в суд, тем самым избавляет лиц от бремени судебного разбирательства.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение, нотариус, нотариат, семейно-правовые сделки, защита прав граждан, защита законных интересов граждан, государственная семейная политика, семья, семейные правоотношения.

The article discusses the social significance of family law transactions, which are subject to notarization in the framework of the regulation of the corresponding sphere of legal relations. The norms developed in the domestic legislation, aimed at ensuring the protection of the rights and legitimate interests of participants in family law transactions, as well as the prevailing in the legal science on the merits of this issue are analysed. As a result of the study the author made a number of conclusions. In particular, if earlier

the value of notary certification of a narrow range of legal-family transactions, now there is a tendency to increase the number of transactions which must be necessarily notarized. In the author's view, this is a positive trend as the notary's involvement in notarising transactions allows obligations to be enforced without recourse to court, thereby saving persons from the burden of litigation.

Keywords: notarisation, notary, notariat, family law transactions, protection of citizens' rights, protection of citizens' legal interests, state family policy, family, family legal relations.

Вопрос о достаточности и действенности сложившихся мероприятий по гарантированию прав граждан всегда был и остается актуальным. Если речь идет об участниках семейно-правовых отношений, значительную остроту приобретает ситуация по обеспечению прав имущественного и неимущественного характера. Безусловно, для защиты прав членов семьи имеют значение как юридические, так и материальные, духовные гарантии, а также деятельность широкого круга субъектов, которые относятся и к государству, и к обществу в целом. Среди них преимущественно можно выделить нотариат, представляющий собой публично-правовой, правоприменительный и правозащитный институт. Он призван обеспечить реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного Конституцией Российской Федерации (далее – РФ).

Семья и семейные правоотношения – важнейшая часть жизни каждого человека. В России семейные правоотношения регулируются нормами Семейного кодекса (далее – СК) РФ, принятого 8 декабря 1995 г. Государственной Думой и вступившего в силу с 1 марта 1996 г., а также иными федеральными законами и подзаконными актами, не противоречащими ему. СК РФ представляет собой основу семейного законодательства¹.

Общим положениям о защите семейных прав в действующем семейном законодательстве уделено очень мало внимания. В ст. 8 СК РФ указаны лишь общие положения о способах защиты семейных правоотношений, а также

¹ Каймакова Е. В., Тимкин А. А. Роль и значение нотариата при реализации гражданами семейных прав и обязанностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 32.

перечислены органы, которые компетентны защищать семейные права¹.

Нотариальная деятельность является особой формой организации защиты семейных прав. Действительно, в сфере семейных и иных правоотношений нотариат играет очень важную роль по защите прав и законных интересов граждан. Если речь идет о нотариальном удостоверении семейно-правовых соглашений, необходимо четкое регулирование в специальных документах, которое в дальнейшем будет подкреплено возможностью судебной защиты и принудительного исполнения.

Нотариусами все нотариальные действия осуществляются в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов РФ и иными нормативно-правовыми актами в порядке, установленном Основами законодательства РФ о нотариате и другими законодательными актами, которые предусмотрены данным законом. Законодательство постоянно реформируется, и нотариат не остается в стороне, в течение последних лет расширяет свои полномочия. Это увеличивает его значение и способствует стабильности в гражданско-правовом поле. На обеспечение охраны и защиты субъективных прав физических и юридических лиц данный факт оказывает положительное влияние.

На протяжении длительного периода нотариус удостоверял очень узкий круг семейно-правовых сделок². В связи с тем, что количество семейно-правовых сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению, увеличилось, сегодня наблюдается тенденция реформирования нотариального законодательства. Положительным представляется то, что данный показатель направлен на обеспечение защиты прав членов семьи и участников гражданского оборота, в том числе позволяет побуждать их к добросовестному поведению.

¹ Елисеева А. А. Защита личных неимущественных семейных прав: общие положения // Саратовские цивилистические чтения: Всерос. науч.-практ. конф. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. С. 213.

² Елисеева А. А. Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной семейной политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 44.

В настоящее время можно подразделить семейно-правовые соглашения на две группы:

1) соглашения, которые подлежат обязательному нотариальному заверению. К ним относятся согласие на заключение сделки по распоряжению общим имуществом одним из супругов; выделение доли в праве собственности в общем имуществе супругов; брачный договор; соглашение об уплате алиментов; согласие родителей на усыновление ребенка (может быть удостоверено руководителем учреждения, в котором находится ребенок); соглашение о разделе общего имущества, нажитого в браке; согласие о выезде несовершеннолетнего ребенка за пределы РФ; совместное завещание супругов;

2) соглашения, которые могут быть нотариально удостоверены по соглашению сторон (п. 2 ч. 2 ст. 163 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ).

Нотариус при удостоверении любой сделки должен объяснять сторонам смысл правовых норм, а также говорить о последствиях при ее заключении, обязан проверять документы на соответствие законодательству РФ и требованиям СК РФ.

Относительно развития необходимо отметить, что Основы законодательства РФ гражданского оборота о нотариате в 2015–2016 гг. подверглись наиболее системному реформированию, что привело к развитию внедренной системы электронного нотариата и усложнению гражданского оборота¹. В результате модернизации на нотариусов возросла нагрузка из-за осуществления ими нотариальных действий, которая требует наивысшего профессионального подхода.

Так, Федеральным законом № 391-ФЗ от 29 декабря 2015 г.² внесены изменения в СК РФ, согласно которым:

– соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, подлежит обязательному нотариальному удостоверению. В последние годы общая задолженность российских граждан перед кредитными организациями достигла огромных сумм. Приведенная норма

¹ Левушкин А. Н. Семейное право в нотариальной практике: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 180.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191304/ (дата обращения: 18.03.2022).

расширяет ответственность для защиты субъективных прав супругов, а также третьих лиц, в отношении которых супружеская пара не исполнила свои обязательства, в том числе кредиторов. Именно поэтому требование об обязательном нотариальном удостоверении, видится вполне оправданным с учетом многочисленных особенностей его составления;

– для заключения сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, одному из супругов необходимо обязательное получение нотариального согласия другого супруга. Вышеуказанная норма предполагает, что все сделки, связанные с совместным имуществом, заключают только с согласия второго супруга. В связи с этим защищены интересы супруга, которые могут пострадать в результате сделки, на законодательном уровне. Предусмотрены и случаи, в которых необходимо предоставлять такое нотариальное согласие¹.

Федеральным законом № 172-ФЗ от 2 июня 2016 г. (далее – Закон № 172-ФЗ) установлена обязательная нотариальная форма для сделок с долями. Позднее Федеральным законом № 76-ФЗ от 1 мая 2019 г. (далее – Закон № 76-ФЗ), в том числе в Закон о государственной регистрации недвижимости, внесены изменения, которые в отношении определенных видов сделок с долями в праве общей собственности, прекращают действие по обязательному нотариальному удостоверению.

Согласно ч. 1 ст. 42 Закона о государственной регистрации недвижимости «сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество подлежат нотариальному удостоверению, за исключением сделок при отчуждении или ипотеке всеми участниками долевой собственности своих долей по одной сделке, сделок, связанных с имуществом, составляющим паевой инвестиционный фонд или приобретаемым для включения в состав паевого инвестиционного фонда, сделок по отчуждению земельных долей, сделок по отчуждению и приобретению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество при заключении договора, предусматривающего переход права собственности на

¹ Корсик К. А. Кодекс профессиональной этики: оптимизация стандартов // Нотариальный вестник. 2019. № 2. С. 2.

жилое помещение в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» (кроме случая, предусмотренного ч. 19 ст. 7.3 указанного закона), а также договоров об ипотеке долей в праве общей собственности на недвижимое имущество, заключаемых с кредитными организациями».

Судебная практика не остается в стороне. В определении Верховного суда РФ по делу № А10-3059/2018 от 3 апреля 2019 г. говорится о том, что сложившееся требование к нотариальному удостоверению сделок по отчуждению долей в праве на недвижимое имущество в ст. 42 Закона о государственной регистрации недвижимости ориентировано на защиту привилегированного права приобретения этой доли другим долевым собственником.

Простая письменная форма действовала для всех сделок с долями до 2016 г. С момента вступления в действие (2 июня 2016 г.) Закона № 172-ФЗ для указанных сделок введена обязательная нотариальная форма. Данные меры направлены на «черных риелторов», которые покупали небольшие доли в жилых помещениях и принуждали оставшихся собственников продавать свое имущество по заниженной цене и т. д.

Однако законодатель принял во внимание, что указанные меры можно смягчить. Впоследствии изменениями, которые внес Закон № 76-ФЗ в Закон о государственной регистрации недвижимости, ч. 1 ст. 42 изложена в новой редакции, а заключение отдельных видов сделок с долями в праве общей собственности стало возможным без обязательного нотариального удостоверения.

Для большого количества сделок с долевой собственностью с 31 июля 2019 г. обязательное нотариальное удостоверение отменено. Кроме того, можно обойтись без нотариального удостоверения при одновременном отчуждении долевой собственности всеми сторонами, заключив в простой письменной форме договор или соглашение.

Как оказалось, применять на практике указанные поправки очень непросто, поскольку законодатель не конкретизировал введенную норму. Сторонам в судебном процессе часто приходится доказывать, что в той или иной ситуации необходимости в нотариальном удостоверении сделки с недвижимостью нет. Остается надеяться на то, что в ст. 42 Закона о государственной регистрации недвижимости будут

снова внесены изменения, предусматривающие, в каких именно ситуациях нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью не требуется.

Со стороны государства с помощью нотариальной деятельности и в целях обеспечения защиты прав и законных интересов детей, которые имеют в собственности недвижимое имущество, в случаях распоряжения последним возрос контроль. Сегодня подлежат нотариальному удостоверению сделки, которые непосредственно имеют отношение к распоряжению недвижимым имуществом на условиях опеки¹.

Все сделки по использованию недвижимого имущества несовершеннолетних с 2016 г. должны быть нотариально удостоверены. Обязательное удостоверение данных сделок нотариусом введено в ст. 54 Федерального закона № 218-ФЗ в целях защиты права собственности особо уязвимых категорий населения. Эти изменения можно охарактеризовать как положительные. Конечно, граждане с учетом неполной дееспособности не могут самостоятельно представлять свои интересы и защищать свои права. Нотариус в данном случае должен выступить гарантом обеспечения и защиты прав граждан, наиболее уязвимых в правовом поле. Органы опеки и попечительства тесно работают с нотариусами и при выдаче разрешений на сделку по распоряжению недвижимостью несовершеннолетних применяют формулировки условий сделки, развitiю которых они способствовали.

Федеральным законом № 217-ФЗ с 1 июня 2019 г.² введен и институт совместного завещания супругов, которое подлежит нотариальному удостоверению. Совместное завещание дает возможность супругам завещать общее имущество, имущество каждого из них по обоюдному усмотрению и любым лицам. Совместное завещание содержит возможность защиты интересов детей от других браков, а также определяет судьбу совместного имущества супружеской пары³.

¹ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

² О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 30. Ст. 4552.

³ Попова Л. И., Подольская А. С. О правовом регулировании совместного завещания в российском праве // Право и практика. 2020. № 2. С. 125.

Часто отсутствует необходимость выделения доли из совместно нажитой собственности супружеской пары. Супруги вправе самостоятельно распоряжаться общим имуществом, а также имуществом каждого по отдельности, определять доли наследников и имущество, которое будет входить в наследование, лишить наследства кого-либо. Очень важным видится то, что законодательство предусмотрело и возникновение изменений в семье. Если брак расторгают или если суд признает его недействительным, а также при отказе участника завещания от него совместное завещание супругов утрачивает силу. Например, в совместном завещании супружеская пара может указать то, что после смерти одного из них все общее имущество переходит к другому, а после смерти обоих – в равных долях к детям каждого супруга. Если составляют единолично завещание, в котором все имущество переходит оставшемуся супругу, впоследствии гарантий на переход имущества детям нет, так как распоряжение им будет происходить по личному усмотрению супруга.

В совместном завещании, помимо перечисленного, может быть определено, каким будет порядок наследования имущества при одновременной смерти супругов и в случае смерти каждого из них по отдельности. У супружеской пары существует и право после смерти одного из них заключать последующее завещание. Если завещание отменено или внесены изменения при жизни одного из супругов, нотариус обязан уведомить другого супруга, но не должен раскрывать сведения о том, какие именно внесены изменения.

Однако возможность отмены заключенного совместного завещания супружеской пары после смерти одного из супругов вызывает много споров. Поэтому возможность отмены такого завещания должна быть ограничена временными рамками. Кроме того, существует возможность указать ограничение при распоряжении пережившим супругом имуществом, указанного в завещании. Сегодня многие злоупотребляют своим правом. Поэтому данное ограничение является актуальным.

В контексте рассматриваемой широкой темы обратим внимание на право Германии. Законодательством этой страны установлено, что имущество, указанное в совместном завещании, может быть передано только указанному наследнику и находится в обременении, что говорит о логичном и грамотном обеспечении. В связи с этим считаем целесообразным проведение сравнения с

правом Германии и внесение необходимых изменений и дополнений в ГК РФ.

Согласно статистике, приведенной на страницах «Российской газеты», формирование нового института положительно влияет на граждан. Но в действительности наблюдается много особенностей и проблемных нюансов. Если супруги в совместном завещании определяют, что переживший супруг наследует все имущество, а дальнейшее распределение наступит после его смерти, могут возникнуть проблемы. Например, вопрос об обязательной доле оставляет много неточностей (ст. 1149 ГК РФ), поскольку сегодня не существует нормы, которая помогла бы произвести точный расчет. Если наследство будет определено только после смерти второго супруга, что остается делать обязательным наследникам, которые имеют право на причитающуюся им долю? Считаем, что следует сразу выделять обязательную долю. Логичным представляется определить право наследования, не дожидаясь смерти пережившего супруга, но выделить обязательную долю в совместном завещании невозможно.

Согласно абз. 1 п. 4 ст. 1118 ГК РФ супруги совместно представляют собой одно лицо – «завещатель». Вместе с тем оставшийся в живых супруг не должен быть лишен доставшегося ему блага, которым он может пользоваться до своей смерти. В настоящее время нотариус не обязан уведомлять другого супруга (абз. 6 п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Нотариус может и не знать о составленном совместном завещании, поскольку данная информация становится доступна ему лишь в том случае, если он самостоятельно удостоверял совместное завещание супругов или если дело о наследовании уже открыто.

После принятия закона, дополнившего ГК РФ условиями о совместном завещании, в научном сообществе мнение о его актуальности и эффективности в будущем осталось неизменным. Если брак супругов будет сохранен, а разногласия относительно наследования будут отсутствовать, то совместное завещание станет самой положительной практикой. Сегодня необходимы модернизации.

По итогам анализа нововведений в семейном и нотариальном законодательстве можно заключить, что перечень нотариальных действий для обеспечения юридических гарантий существенно расширен. Нередко возникают ситуации, в которых нотариус выступает не только в качестве юриста-профессионала,

но и медиатора, содействует урегулированию конфликта обратившихся к нему сторон как непредвзятый и самостоятельный специалист, предлагает комфортный вариант разрешения возникших споров. При подготовке проектов брачных договоров, алиментных и иных соглашений следует учитывать интересы и обратившихся к нотариусу лиц, и публичные интересы, требующие особого внимания к психологическому¹.

В настоящее время медиация служит одним из способов защиты семейных прав и регулируется Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации)². Количество семейных конфликтов между супругами и разводов, к большому сожалению, со временем лишь растет. Супруги, не желающие сохранить брак, подвергают страданию своих детей. В данном случае медиация в семейных правоотношениях необходима и актуальна. Основными целями нашего государства остаются укрепление института брака, сохранение семейных ценностей и уменьшение числа разводов, а также введение медиации в роли посредничества для разрешения семейно-правовых споров³. Семейно-правовые споры занимают лидирующее место по заключению мировых соглашений, благодаря медиации, о чем говорит исследование, проведенное Верховным судом РФ⁴.

¹ Зайцева Ю. А. Медиативное соглашение как разновидность семейно-правовых договоров // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2017. С. 183.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 18.03.2022).

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 18.03.2022).

⁴ Куликов В. Россияне начали улаживать проблемы при разводах с помощью мирных посредников // Российская газета. 2015. 22 апреля.

Опыт применения процедуры медиации к спорам о расторжении брака показал, что большинство семейных пар в период развода не готовы вести переговоры, не сохраняют спокойствие и способность мыслить рационально, поскольку их охватывают эмоции. В случаях межличностных конфликтов от медиатора требуется соответствующая компетенция в работе с эмоциями, а также отведение для этого большего времени в медиационной сессии. В результате появились так называемые постклассические (постструктуралистские) модели медиации, которые в современной литературе характеризуют как психологическое и терапевтическое направления в медиации.

Относительно формы медиативного соглашения следует упомянуть, что Законом о медиации предусмотрена простая письменная форма. Существуют мнения о том, что медиативное соглашение должно быть нотариально удостоверено. Такие авторы, как В. Г. Голубцова и А. В. Сятчихина, считают, что итоговый вариант соглашения будет положительным, если привлечь нотариусов¹.

Договор суррогатного материнства также должен быть нотариально удостоверен, что требует расширения ряда обязательных нотариальных действий, о чем в юридической литературе существует практически солидарное мнение. Правоотношения при заключении договора суррогатного материнства существенным образом влияют на жизнь ребенка, который родится в результате исполнения сторонами условий договора. Именно поэтому в данном случае роль нотариуса как никогда актуальна. Договор, который удостоверен нотариусом, является достоверным, он может оказать помощь стороне в доказывании своих прав². В связи с вышеизложенным следует сделать выводы о том, что вопросами составления и удостоверения договора суррогатного материнства должны заниматься нотариусы, чтобы обеспечить правильность составления договора, соблюдение необходимых условий, удостовериться в действительной воле участников, обеспечить

¹ Голубцов В. Г., Сятчихин А. В. Медиативное соглашение: правовая природа, форма, вопросы обеспечения исполнения // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (4). С. 76.

² Кристафорова А. В. Суррогатное материнство в Российской Федерации: основные понятия, проблемы правового регулирования, роль нотариуса // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 24.

надежность такого договора и, наконец, защиту прав и законных интересов сторон.

Как утверждает А. А. Елисеева, с развитием функций нотариальной деятельности, вследствие происходящих процессов изменения законодательства сфера деятельности нотариуса в вопросах обеспечения защиты прав и законных интересов участников семейных правоотношений расширена¹. Нельзя проигнорировать мнение А. Найда: «Нотариальное удостоверение сделки служит веской гарантией действительности сделки, страховкой от ее “разворота” на стадии исполнения, облегчает заинтересованной стороне доказывание своего права при возникновении споров, поскольку ее содержание, время и место ее совершения, действительные намерения сторон сделки и другие обстоятельства, зафиксированные нотариусом своей удостоверительной надписью, проверяются нотариусом при ее совершении и презюмируются как достоверные»².

Удостоверение нотариусом семейно-правовых сделок нацелено на предупреждение правонарушений в семье, а также споров между членами семьи имущественного и личного характера. В. В. Ралько справедливо пишет о преимуществах нотариального удостоверения сделок: «Во-первых, нотариус разъясняет сторонам последствия совершаемого юридического действия, во-вторых, при удостоверении соглашений проверяет дееспособность граждан и, в-третьих, обладая определенной квалификацией и знаниями, оказывает юридическую помощь сторонам при подготовке соглашения, тем самым уменьшая риск заключения незаконных сделок»³.

Безусловно, нотариус, удостоверяя сделки семейно-правовой направленности, способствует соблюдению прав и законных интересов граждан, а также защите и охране семейных прав. Суть вышеизложенного сводится к следующему.

Во-первых, необходимо согласиться с тем, что обстоятельства, которые подтверждаются нотариусом при нотариальных действиях, обладают особой доказательственной силой. Тем самым облегчают доказывание права стороне, которая в этом заинтересована при возникновении спора, поскольку эти

¹Елисеева А. А. Указ. соч.

²Найда А. Требуется нотариус // ЭЖ-Юрист. 2016. № 35 (937). С. 12.

³Ралько В. В. Нотариальное удостоверение семейных соглашений на примере брачного договора // Судья. 2017. № 6 (78). С. 38.

обстоятельства проходят проверку и фиксируются нотариусом, а значит, заслуживают доверия.

Во-вторых, расширение нотариальных действий в сфере семейно-правовых отношений нацелено не только на защиту прав и законных интересов членов семьи, защиту имущественных прав ребенка. Прежде всего нотариус в принудительном порядке обеспечивает исполнение обязательств без обращения в суд. К примеру, ряд документов, удостоверенных нотариусом, имеют силу исполнительного листа, что освобождает участников от бремени судебного разбирательства, уменьшает нагрузку на судебные органы. Если предотвращение судебного разбирательства все-таки представляется невозможным, нотариально удостоверенные документы позволяют упростить рассмотрение дел, возникающих при осуществлении семейных прав, так как имеют особую доказательственную силу, более достоверны и, наконец, воспроизводят действительную волю сторон.

Библиографический список

1. Голубцов В. Г., Сятчихин А. В. Медиативное соглашение: правовая природа, форма, вопросы обеспечения исполнения // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (3). С. 76–87.
2. Елисеева А. А. Защита личных неимущественных семейных прав: общие положения // Саратовские цивилистические чтения: Всерос. науч.-практ. конф. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. 627 с.
3. Елисеева А. А. Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной семейной политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 42–50.
4. Зайцева Ю. А. Медиативное соглашение как разновидность семейно-правовых договоров // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2017. С. 180–186.

5. *Каймакова Е. В., Тимкин А. А.* Роль и значение нотариата при реализации гражданами семейных прав и обязанностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 32–39.

6. *Корсик К. А.* Кодекс профессиональной этики: оптимизация стандартов // Нотариальный вестник. 2019. № 2. С. 2–3.

7. *Кристафорова А. В.* Суррогатное материнство в Российской Федерации: основные понятия, проблемы правового регулирования, роль нотариуса // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 24–28.

8. *Куликов В.* Россияне начали улаживать проблемы при разводах с помощью мирных посредников // Российская газета. 2015. 22 апреля.

9. *Левушкин А. Н.* Семейное право в нотариальной практике: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 291 с.

10. *Найда А.* Требуется нотариус // ЭЖ-Юрист. 2016. № 35 (937). С. 1–12.

11. *Попова Л. И., Подольская А. С.* О правовом регулировании совместного завещания в российском праве // Право и практика. 2020. № 2. С. 122–126.

12. *Ралько В. В.* Нотариальное удостоверение семейных соглашений на примере брачного договора // Судья. 2017. № 6 (78). С. 38–42.

Д. О. Соколова

бакалавр

Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилкина
sokolovadaria1531@gmail.com

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

CORRUPTION IN THE RUSSIAN JUSTICE SYSTEM

Статья посвящена противодействию коррупции в судебной системе. При этом акцент сделан на важной роли принципа независимости судей. Автором проанализированы существующие гарантии реализации данного принципа на практике: предъявление квалификационных требований к судьям, неприкосновенность судей, их материальное и социальное обеспечение и т. д. Большое значение, согласно авторской позиции, имеют Кодекс судейской этики и институт отвода судьи, способствующий осуществлению объективного и беспристрастного рассмотрения дел в судах общей юрисдикции. Охарактеризован ряд пробелов в механизме обеспечения справедливого правосудия, даны рекомендации, которые, по мнению автора, могли бы повысить его эффективность.

Ключевые слова: судья, коррупция, материальная выгода, служебное положение, заинтересованность, конфликт интересов, справедливое правосудие.

The article deals with countering corruption in the judiciary. The emphasis is placed on the important role of the principle of independence of judges. The author analyses the existing guarantees for the implementation of this principle in practice: qualification requirements for judges, immunity of judges, their material and social security, etc. The Code of Judicial Ethics and the institution of recusal of judges are of great importance as they contribute to an objective and impartial examination of cases in the courts of general jurisdiction. A number of gaps in the fair trial mechanism have been identified and recommendations have been made which, in the author's opinion, could improve its effectiveness.

Keywords: Judge, corruption, pecuniary gain, official position, interest, conflict of interest, fair justice.

Актуальность темы обусловлена тем, что искоренение коррупции сегодня является одной из приоритетных целей государственной политики Российской Федерации

(РФ). Законодатель уделяет огромное внимание решению данной проблемы. Об этом свидетельствует наличие обширной нормативной базы, регулирующей вопросы, связанные с деятельностью по противодействию коррупции: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон «О противодействии коррупции»), Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» и т. д.

В судебной системе противодействие коррупции тесно связано с одним из основных принципов гражданского судопроизводства – принципом независимости судей. Закрепляя этот принцип, законодатель обращает внимание на беспристрастность российского судопроизводства, а также презюмирует, что судья, действующий от имени Российской Федерации, при вынесении решения не имеет какой-либо заинтересованности.

Для воплощения данной идеи в жизнь в законе предусмотрены различные гарантии независимости судей. Одна из таких гарантий – закрепление порядка назначения судей и порядка прекращения их полномочий, предъявление квалификационных требований к судьям. Последнее служит одной из мер профилактики коррупции, установленной ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹.

Следующая гарантия – неприкосновенность судей. Деятельность судьи специфична: почти всегда существует недовольная сторона, которая считает, что решение не в ее пользу – решение неверное, незаконное. Ввиду повышенного внимания к личности судьи указанный принцип имеет особо важное значение, поскольку судья, как и любой другой человек, в первую очередь переживает о личном благополучии.

В систему гарантий независимости судей входят социальное и материальное обеспечение судей, существование института отвода и самоотвода судьи и существование процедуры осуществления правосудия. Своего рода гарантией выступают органы судейского сообщества, обеспечивающие соблюдение всеми судьями Кодекса судейской этики.

¹ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 01.04.2022) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 25.04.2022).

Рассмотрим некоторые элементы детально. В Кодексе судейской этики закреплено, что судья не должен использовать свое служебное положение для получения личных преимуществ в гражданско-правовых отношениях, получать вознаграждение, связанное с выполнением обязанностей по осуществлению правосудия, из иных источников, кроме федерального бюджета¹. Данные положения имеют антикоррупционный характер, поскольку содержат правило о недопустимости извлечения судьей материальной выгоды с использованием своего статуса.

Кодекс устанавливает требования, в соответствии с которыми судья не вправе заниматься предпринимательской деятельностью или юридической практикой (в качестве адвоката, нотариуса; оказывать юридические услуги) в период нахождения его в должности судьи. Это необходимо для того, чтобы исключить возможность возникновения у судьи «соблазна» использовать свое служебное положение. Судья – человек, поведение которого должно соответствовать требованиям морали и нравственности; он – представитель судебной власти и недолжное поведение подрывает не только его авторитет, но и «авторитет российского правосудия».

В основе адвокатской этики лежат такие главные принципы, как достоинство, честь, справедливость, совесть, долг². На этих принципах основана и судейская этика.

Необходимо упомянуть и об институте отвода судьи, который обеспечивает вынесение объективного и справедливого решения, а также позволяет лицам, участвующим в деле, самостоятельно предупреждать вынесение незаконного судебного акта. При обнаружении наличия у судьи коррупционной заинтересованности, лицам, участвующим в деле, предоставляется возможность пресечь противоправное поведение на более ранних стадиях и предупредить совершение правонарушения, ответственность за которое предусмотрена Уголовным кодексом РФ. Отвод – право лиц, участвующих в деле, и одновременно обязанность судьи. Последствие неисполнения судьей данной обязанности – отмена судебного решения.

¹ Кодекс судейской этики: утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (в ред. от 08.12.2016) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70301432/> (дата обращения: 25.04.2022).

² Гринь Е. А., Батлукова А. Д. Адвокатская этика – основа деятельности адвоката // Поколение будущего: сборник избранных статей Междунар. студенческой науч. конф. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 98.

Согласно ст. 20 Гражданского процессуального кодекса РФ судья, рассматривающий дело единолично, самостоятельно рассматривает ходатайство об отводе и выносит мотивированное протокольное определение¹. Представляется, что в данном случае более эффективным было бы рассмотрение таких ходатайств председателем суда ввиду отсутствия возможности объективно оценить свою заинтересованность судьей. Сегодня цель процессуальной экономии в полной мере не реализуется, поскольку рассмотрение дела заново в случае отмены судебного решения требует значительных временных затрат.

В целях контроля за потоками денежных средств, принадлежащих членам судейского сообщества, Федеральный закон «О противодействии коррупции» закрепляет обязанность судей предоставлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. На сайте любого органа государственной власти, в том числе суда, можно увидеть раздел под названием «Противодействие коррупции». Данное требование установлено в п. 6 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»².

Закон обязывает предоставлять сведения только о доходах судьи, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Однако очень часто встречаются случаи оформления особо ценного имущества на родителей и иных близких родственников. Поэтому считаем целесообразным расширить круг родственников, сведения о доходах и имуществе которых обязательно предоставляет судья.

На федеральном уровне действует Комиссия Совета судей РФ по этике. В ее компетенцию входит рассмотрение дел о соблюдении судьями требований профессиональной этики. Большое количество дел, рассматриваемых этой Комиссией, составляют дела о наличии или отсутствии конфликта интересов при рассмотрении судьей дела. Например, в заключении Комиссии Совета судей РФ по этике от 13 апреля 2020 г. № 2-КЭ

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12128809/> (дата обращения: 25.04.2022).

² О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 01.04.2022) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 25.04.2022).

«О возможности возникновения конфликта интересов при рассмотрении судьей дела с участием лица, обучавшимся одновременно с судьей в аспирантуре» рассмотрен вопрос о наличии либо отсутствии конфликта интересов в случае, если истцом по делу является гражданин, который обучался с судьей на разных курсах аспирантуры в одно время¹.

В заключении говорится о том, что конфликт интересов в данном случае отсутствует. Один из доводов было то, что судья после окончания высшего учебного заведения с данным гражданином отношения не поддерживал. Стоит отметить, что комиссия дает заключения по делам не только действующих судей, но и судей в отставке.

Судья в отставке, получающий ежемесячное пожизненное содержание, обратился в Комиссию Совета судей РФ с вопросом о возможности прохождения им обучения в духовной семинарии Русской Православной Церкви, принятия сана священника или ведения просветительской и преподавательской деятельности в качестве катехизатора по окончании семинарии². В заключении сделан вывод о том, что получение религиозного образования судьей в отставке возможно, не противоречит требованиям закона и Кодекса судейской этики. Однако такой судья не может работать в религиозной организации по трудовому договору и не может быть (служить) священнослужителем. Обучение религии не входит в понятие преподавательской деятельности, которая разрешена всем судьям. Таким образом, возможность для судьи, пребывающего в отставке, но сохраняющего звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу, работать в религиозной организации не предусмотрена.

В Краснодарском крае ведется активная работа по противодействию коррупции. Так, в Управлении судебного департамента в Краснодарском крае действует комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и

¹ Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 13 апреля 2020 г. № 2-КЭ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/zakliuchenie-komissii-soveta-sudei-rf-po-etike_35/ (дата обращения: 25.04.2022).

² Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 25 марта 2022 г. № 4-КЭ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0EtK04TqsoX0f0sm&cacheid=46AEB076D382EBB7B5F05DD4E20A1C84&mode=splus&rnd=GwNvg&base=LAW&n=413473#tkGL04TdaqDtM8GG> (дата обращения: 25.04.2022).

урегулированию конфликта интересов. На своих заседаниях комиссия рассматривает вопросы об оценке коррупционных рисков судов, невозможности предоставления государственными гражданскими служащими управления Судебного департамента сведений о доходах и т. д.

Статьей 8.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» предусмотрена обязанность судьи ежегодно предоставлять сведения о доходах, расходах и имуществе¹. Однако ст. 14 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» гласит о том, что обязательно должны публиковаться в сети Интернет лишь фамилии, имена и отчества председателя суда, его заместителей, судей, руководителя аппарата суда, а при согласии указанных лиц – иные сведения о них; основания наделения полномочиями председателя суда, его заместителей и судей². Таким образом, действующим законодательством не предусмотрено обязательное размещение сведений о доходах и об имуществе судей в публичном доступе, то есть на сайте суда.

Для большего понимания проблемы отметим, что в Прикубанском районном суде г. Краснодара все судьи отказались от публикации сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера по итогам за 2020 год; в Краснодарском краевом суде на публикацию данных сведений согласились лишь 74 человека из 134. Тенденция сокрытия сведений о доходах и об имуществе судей от общественности повышает уровень недоверия населения к судебной власти, а также не отвечает целям современной государственной политики в сфере противодействия коррупции.

Гарантией независимости судей служит и принцип несменяемости судей. Считается, что стабильность служебного положения – залог беспристрастности и справедливости судьи, поскольку в данном случае у него возникает ощущение защищенности. На практике указанный принцип зачастую трактуется неверно. В обществе бытует мнение о том, что

¹ О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 05.04.2021) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10103670/> (дата обращения: 25.04.2022).

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/194874/> (дата обращения: 25.04.2022).

существует закрытая иерархия судей – «судейская каста», доступ к которой ограничен, а замещение должностей происходит в порядке наследования. Независимость судей не должна быть абсолютной, а судейское сообщество закрытым¹.

В данной ситуации наиболее правильным представляется подход, используемый при назначении мировых судей: сначала они избираются на трехлетний срок, а впоследствии, при избрании повторно – без установления срока полномочий. Применение такого подхода позволило бы избежать ситуации, когда должность федерального судьи замещают лица, профессиональное поведение которых не соответствует Кодексу судейского сообщества, а действия порой не соответствуют и требованиям закона.

Огромные надежды в сфере борьбы с коррупцией возлагаются на институт общественного контроля. Общедоступны сведения о том, куда и как обращаться при обнаружении случаев коррупции. Однако все замыкается на том, что данные сообщения поступают лицам, которые не могут или не хотят реагировать на них соответствующим образом.

Сделать правосудие понятным и открытым для общества – основная задача государства². В России существуют три независимые ветви власти. Но все они объединены проблемой коррупции. В связи с развитием современного общества и, как следствие, усложнением гражданского оборота, законодатель стремится найти наиболее оптимальный способ защиты прав и законных интересов, который также отвечал бы требованиям законности и справедливости³.

К сожалению, сегодня мы не можем утверждать, что право граждан на справедливое правосудие реализуется в полной мере. Наибольшую угрозу для общества и государства создают коррупционные правонарушения внутри судебной системы, поскольку они подрывают основные принципы правосудия, дискредитируют судебные органы, порождают у граждан

¹ Ветров П. В. Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 111.

² Гринь Е. А. Применение современных информационных и компьютерных технологий в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 124.

³ Захарова Е. И. Отдельные вопросы, связанные с функционированием третейских судов // Эпомен. 2022. № 69. С. 127.

неуверенность в возможности защиты их прав и свобод¹. Значительная нормативная база, постоянные совершенствования в правовом регулировании противодействия коррупции свидетельствуют о том, что законодатель очень озабочен данной проблемой.

Предложенные нами идеи – это лишь малая часть изменений, которые необходимо совершить, чтобы искоренить коррупцию в судебной системе. Существенной модернизации требует не только действующее законодательство, но и сложившееся в нашем государстве отношение к этой проблеме в целом. Коррупции нет места в правовом государстве. Необходимо активное вовлечение общественности в борьбу с коррупцией, а также повышение уровня правосознания граждан, придание еще большей значимости институту общественного контроля.

Библиографический список

1. *Борзунова А. М., Дерюга А. Н.* Обеспечение независимости судей как мера по противодействию коррупции // Инновационное развитие современной юридической науки: материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 14–19.
2. *Ветров П. В.* Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 110–115.
3. *Гринь Е. А., Батлукова А. Д.* Адвокатская этика – основа деятельности адвоката // Поколение будущего: сборник избранных статей Междунар. студенческой науч. конф. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 97–99.
4. *Гринь Е. А.* Применение современных информационных и компьютерных технологий в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 120–125.

¹ *Борзунова А. М., Дерюга А. Н.* Обеспечение независимости судей как мера по противодействию коррупции // Инновационное развитие современной юридической науки: материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 16.

5. *Захарова Е. И.* Отдельные вопросы, связанные с функционированием третейских судов // Эпомен. 2022. № 69. С. 126–131.

Г. Д. Ткачев
бакалавр
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия
georgiyt2015@gmail.com

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ABOUT THE LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

В статье речь идет о том, что сегодня в мире активно обсуждают проблемы регулирования отношений, возникающих в условиях развития цифровых технологий. В связи с этим, согласно авторской позиции, очевидной становится необходимость в должном определении и оценке такого феномена, как искусственный интеллект, его правового положения, в том числе возможности признания его субъектом авторского права. Множество общественных отношений в рамках развития новых технологий в киберфизических областях требуют немедленного усовершенствования правового регулирования современным российским законодательством. Автором проанализированы подходы к раскрытию термина «искусственный интеллект», а также рассмотрены подходы к урегулированию деятельности AI-систем в области авторского права, дана оценка существующим проектам усовершенствования законодательства в области охраны объектов, созданных искусственным интеллектом или роботизированными системами, разрабатываемыми в различных государствах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, AI-системы, авторское право, интеллектуальные права, цифровая экономика, информационное общество.

The article deals with the fact that today the world is actively discussing the problems of regulating the relations arising in conditions of development of digital technologies. In this regard, according to the author's position, the need for proper definition and evaluation of the phenomenon of artificial intelligence, its legal status, including the possibility of its recognition as a subject of copyright becomes obvious. A lot of public relations in the development of new technologies in cyber-physical areas require immediate improvement of legal regulation by modern Russian legislation. The author has analyzed the approaches to the disclosure of the term "artificial intelligence", as well as considered the approaches to the

regulation of AI systems in the field of copyright, assessed the existing projects to improve the legislation in the field of protection of objects created by artificial intelligence or robotic systems, developed in different states.

Keywords: Artificial intelligence, civil liability, AI systems, copyright, intellectual property rights, digital economy, information society.

Актуальность исследования искусственного интеллекта, а также киберфизических отношений обусловлена выбранным вектором развития России¹ и других стран Евразийского экономического союза в области цифровой экономики, включая и развитие искусственного интеллекта².

О развитии искусственного интеллекта можно обнаружить упоминания в Указе Президента Российской Федерации (РФ) от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», что, в свою очередь, дает направление для развития норм права.

По мнению доктора юридических наук В. П. Камышанского, «...успешное развитие роботизации и искусственного интеллекта возможно при условии, если государство проявит волю и последовательность в процессе реализации инвестиционной и правовой политики в соответствующей области...»³. Важно отметить, что в действующем российском законодательстве под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении тех или иных задач

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (в ред. от 15.03.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 05.05.2022).

² Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/ec5d0374ed5a5d6d21e71970cc31a06a522bffd0/ (дата обращения: 05.05.2022).

³ Камышанский В. П. О правовой сущности работа с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4 (36). С. 28.

результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека¹.

Полагаем, данное определение является всеобъемлющим, поскольку оно дает такое описание AI-системы, которое может служить фундаментом для последующих достижений в области искусственного интеллекта. В определении изложен объемный перечень подпадающего под понятие комплекса технологических решений. Исходя из смысла этой нормы, можно утверждать, что законодателем целенаправленно закреплено такое определение, поскольку оно рассчитано на долгую перспективу развития AI-систем в различных сферах жизни общества. В современном отечественном законодательстве выделено следующее определение комплекса технологических решений: это – информационно-коммуникационная инфраструктура (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений².

В иностранной литературе бытует мнение о том, что под искусственным интеллектом понимается в первую очередь «...теория и развитие компьютерных систем, решающих задачи совместно с человеком, а именно звуковое и визуальное восприятие, идентификация речи и умению совершать те или иные действия по аналогии...»³. В зарубежном законодательстве содержится аналогичное мнение об искусственном интеллекте, особое внимание уделено человеку, контролирующему и

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 05.05.2022).

² Там же.

³ The theory and development of computer systems able to perform tasks normally requiring human intelligence, such as visual perception, speech recognition, decision-making, and translation between languages // English Oxford Living Dictionary Official Website. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence (дата обращения: 05.04.2022).

направляющему искусственный интеллект в процессе его деятельности. Результат деятельности AI-систем не может считаться отделимым от его создателя или пользователя.

Следует различать искусственный интеллект по уровню продвинутости, креативности и возможности выполнения задач, присущих только человеку. Сегодня искусственный интеллект представляет собой такую систему, которая способна решать лишь ограниченный круг вопросов. При работе с ними не возникает необходимости в сложном мыслительном анализе и иных процессах, присущих исключительно человеку.

В современной юридической науке принято выделять слабый и сильный искусственный интеллект, их коренное различие заключается в сложности выполненной работы, а также количестве усилий, вложенных в готовый продукт¹. Так, особое внимание принято относить к законодательному регулированию искусственного интеллекта, поскольку в настоящее время во всех развитых мировых державах данный вопрос относится к числу наиболее значимых. Это подтверждается планами развития многих государств, рассчитанными на десятилетия.

Несмотря на обширное количество нормативно-правовых актов по вопросу регулирования искусственного интеллекта, многие из них направлены на стимулирование развития технологий в области киберфизических отношений. В частности, целесообразно уделять особое внимание охране результатов интеллектуальной деятельности, созданных при использовании AI-систем. В основном во многих странах сохранен подход, при котором под искусственным интеллектом понимается объект, а все права на произведенное сохраняются за физическими лицами, чья деятельность связана с ведением того или иного проекта либо изобретением нового продукта.

В Китае вырабатывают в настоящее время стратегию правового регулирования «сильного» искусственного интеллекта, необходимость которой выражена в том, что при создании самостоятельной AI-системы все существующие подходы к правовому регулированию будут неэффективны². В свою очередь,

¹ Рознина А. М. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. № 2. С. 150.

² План развития искусственного интеллекта нового поколения: принят в 2017 г. в КНР // Ai.bsa. URL: <https://ai.bsa.org/wp->

во многих странах (Великобритании, Гонконге, ЮАР и др.), чьи векторы развития неразрывно связаны с IT-технологиями, сформирован подход, при котором за каждым процессом создания интеллектуальной собственности с применением AI-системы закреплено физическое лицо – организатор. При сохранении такой модели правового регулирования произведения, созданные искусственным интеллектом, фактически принадлежат физическим лицам, закрепленным за данной разработкой в качестве организатора.

Интересен и подход Европейского патентного ведомства, при котором, согласно решению от 27 января 2020 г., изобретателем того или иного продукта может быть исключительно физическое лицо. Исходя из сущности опубликованного, можно сделать вывод о том, что Европейское патентное ведомство не признает AI-систему в качестве изобретателя того или иного продукта ввиду отсутствия у искусственного интеллекта правосубъектности¹.

Альтернативой к перечисленным выше подходам можно признать концепцию, при которой произведения, созданные AI-системой, могут признаваться общественным достоянием. Автором такой концепции выступает Бюро авторского права (БАА) США. С учетом содержания опубликованного можно заключить, что БАА США предлагает считать общественным состоянием произведения, в создании которых человек не принимал участия². По нашему мнению, такая концепция неэффективна ввиду отсутствия у создателя AI-системы мотивации в применении технологий искусственного интеллекта в разработке различных продуктов, с учетом отсутствия возможности экономической эксплуатации.

На современном этапе в странах Европейского союза (ЕС), а также в Японии сформировался подход, выраженный во

content/uploads/2019/09/Model-AI-Framework-First-Edition.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

¹A study on inventorship in inventions involving AI activity // Documents.epo. URL: [http://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/3918F57B010A3540C125841900280653/\\$File/Concept_of_Inventorship_in_Inventions_involving_AI_Activity_en.pdf](http://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/3918F57B010A3540C125841900280653/$File/Concept_of_Inventorship_in_Inventions_involving_AI_Activity_en.pdf) (дата обращения: 05.05.2022).

²“Creativity Machine” Cannot Be Named As Inventor // Jdsupra. 2020. August 20. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/creativity-machine-cannot-be-named-as-19090/> (дата обращения: 05.05.2022).

введении существенных ограничений при обучении в области искусственного интеллекта. Согласно Директиве ЕС № 2019/790 об авторском праве и смежных правах разработчикам AI-систем в случае совершенствования роботизированной системы необходимо будет понести существенные затраты, направленные на объем материалов для обучения искусственного интеллекта, а также на его дальнейшую легализацию¹. Важно понимать, что в дальнейшем данные правила войдут в законодательство стран-участниц ЕС.

В России стратегия развития искусственного интеллекта сформулирована в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

В свою очередь, отождествление AI-систем с роботизированными системами не считается возможным, поскольку при таком подходе не уделено особое внимание тому, что искусственный интеллект может не обладать физическим воплощением и представлять собой некую виртуальную структуру².

Степень вовлеченности пользователя в деятельность искусственного интеллекта различна:

- результат деятельности искусственного интеллекта вытекает напрямую из заданных пользователем параметров;
- результат деятельности искусственного интеллекта создается независимо от пользователя;
- результат деятельности искусственного интеллекта и пользователя неотделим, к нему приложено равнозначное количество усилий.

¹ Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС: директива № 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского союза (принята в г. Страсбурге 17 апреля 2019 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=66091#DW11k8TXR2ZGuSPD> (дата обращения: 05.05.2022).

² Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 534; Kamyshevsky V. P., Rudenko E. Y., Kolominetz E. A., Osadchenko E. O. Regarding the issue of the essence of legal treatment and the possibility of granting legal status to a robot in civil law // Studies in computational intelligence. 2019. Vol. 826. P. 302.

Сегодня активные дискуссии ведут на тему субъекта авторства творческих произведений, созданных AI-системой, независимо от пользователя, поскольку без этого невозможно определить субъекта наделяния исключительными правами, имеющего возможность получать финансовую или иную выгоду с результата данного вида деятельности.

Согласно статье 3 Основ законодательства РФ о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 под творческой деятельностью понимается создание культурных ценностей и их интерпретация. В этом же законе закреплено понятие творческого работника, то есть физического лица, которое создает или интерпретирует культурные ценности, считает собственную творческую деятельность неотъемлемой частью своей жизни, признано или требует признания в качестве творческого работника, независимо от того, связано оно или нет трудовыми соглашениями и является или нет членом какой-либо ассоциации творческих работников¹.

С учетом приведенных определений можно констатировать, что, согласно законодательству, созданием культурных ценностей, а также их интерпретацией вправе заниматься физическое лицо, считающее творческую деятельность неотъемлемой частью собственной жизни. В свою очередь, при наложении данного правила на произведения, созданные AI-системой, целесообразно сделать вывод о том, что искусственный интеллект может восприниматься исключительно как инструмент создания того или иного творческого произведения.

Согласно ст. 1228 Гражданского кодекса (ГК) РФ автором результата интеллектуальной деятельности признают гражданина, творческим трудом которого создан такой результат. В контексте данной нормы можно утверждать, что исключительно человеку присуще право на результаты творческой деятельности. Вместе с тем необходимо сделать акцент на особой значимости внесения дополнения в данную норму в виде отдельного пункта, в котором закрепить положение о том, что «...результат интеллектуальной и творческой

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. от 30.04.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 05.05.2022).

деятельности AI-системы принадлежат тому гражданину, который создал данный искусственный интеллект...».

Ввиду активного внедрения искусственного интеллекта во все сферы жизни общества авторы часто используют искусственный интеллект как инструмент для решения тех или иных примитивных задач, позволяющих ускорить процесс анализа и изготовления произведения. Так или иначе, сегодня не представляется возможным признать за искусственным интеллектом право на исключительные авторские права, поскольку AI-система действует только в рамках алгоритмов, заложенных создателем.

Этот факт подтверждается ст. 1259 ГК РФ, где к объектам авторских прав относят и программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения. Однако в рамках данной нормы отсутствует упоминание о производных произведениях, исходящих из такой программы. Было бы разумным указать на особую необходимость в дополнении данной нормы, что позволило избежать двойственной оценки на практике.

Итак, важно закрепить в статье, что произведенные искусственным интеллектом произведения относятся к объектам авторских прав и что исключительными правами обладает создатель AI-системы. На практике результат деятельности последней может быть выражен в форме иной программы либо звукового или визуального объекта.

Таким образом, в современном российском законодательстве возникла существенная необходимость в преобразовании норм, связанных с интеллектуальными правами на результат человеческой деятельности, с учетом внедрения в процессы создания AI-систем. В настоящее время не представляется возможным признать за искусственным интеллектом право на исключительные авторские права, поскольку AI-система действует только в рамках алгоритмов, заложенных создателем.

Библиографический список

1. “Creativity Machine” Cannot Be Named As Inventor // Jdsupra. 2020. August 20. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/creativity-machine-cannot-be-named-as-19090/> (дата обращения: 05.05.2022).

2. The theory and development of computer systems able to perform tasks normally requiring human intelligence, such as visual perception, speech recognition, decision-making, and translation between languages // English Oxford Living Dictionary Official Website. URL:

https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence
(дата обращения: 05.04.2022).

3. План развития искусственного интеллекта нового поколения: принят в 2017 г. в КНР // Ai.bsa. URL: <https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Model-AI-Framework-First-Edition.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

4. A study on inventorship in inventions involving AI activity // Documents.epo. URL:

[http://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/3918F57B010A3540C125841900280653/\\$File/Concept_of_Inventorship_in_Inventions_involving_AI_Activity_en.pdf](http://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/3918F57B010A3540C125841900280653/$File/Concept_of_Inventorship_in_Inventions_involving_AI_Activity_en.pdf) (дата обращения: 05.05.2022).

5. Камышанский В. П. О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4 (36). С. 21–32.

6. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 531–540.

7. Рознина А. М. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. № 2. С. 148–154.

8. *Kamyshansky V. P., Rudenko E. Y., Kolominetz E. A., Osadchenko E. O.* Regarding the issue of the essence of legal treatment and the possibility of granting legal status to a robot in civil law // *Studies in computational intelligence.* 2019. Vol. 826. P. 299–306.

А. А. Чикин

помощник прокурора Тверской области
по надзору за соблюдением законов
при исполнении уголовных наказаний,
советник юстиции, аспирант заочной формы обучения
Севастопольского государственного университета
al.chik@mail.ru

СТРУКТУРА ЗАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

THE STRUCTURE OF THE COLLATERAL RELATIONSHIP

В статье обоснована необходимость структурирования залоговых правоотношений. В их структуре автором выделены абсолютные и относительные правоотношения. Абсолютные залоговые правоотношения автор делит на основное абсолютное залоговое правоотношение и вспомогательные абсолютные (вещные) залоговые правоотношения. Утверждается, что в основном абсолютном залоговом правоотношении устанавливается связь залогодержателя с предметом залога, через которую залогодатель «выходит» на отношения с остальными лицами, несущими обязанность не препятствовать залогодержателю при осуществлении его основного абсолютного залогового права. Основное абсолютное залоговое правоотношение возникает всегда: и при залоге вещей, и при залоге прав. Основное абсолютное право предопределяет природу залога как абсолютно-правового явления. Если предметом залога является вещь, залог имеет вещный характер. Если вещь (предмет залога) передают во владение залогодержателю, вещные правоотношения по поводу владения залогом носят вспомогательный характер. Относительные залоговые правоотношения имеют всегда вспомогательный характер.

Ключевые слова: залог, правоотношения, субъекты гражданского права, залоговые правоотношения, основное абсолютное залоговое правоотношение, вспомогательные абсолютные залоговые правоотношения, относительные залоговые правоотношения.

The article substantiates the necessity of structuring pledge legal relations. The author distinguishes absolute and relative legal relations in their structure. The author divides absolute pledge legal relations into basic absolute pledge legal relations and subsidiary absolute (proprietary) pledge legal relations. It is argued that the main absolute pledge relationship establishes a bond between the pledgee and the object of pledge, through which the pledgee "goes out" to the other persons who have a duty not to

hinder the pledgee in exercising his main absolute pledge right. A basic absolute pledge relationship always arises: both in the pledge of things and in the pledge of rights. The basic absolute right predetermines the nature of pledge as an absolute legal phenomenon. If the object of pledge is a thing, pledge has a proprietary nature. If the thing (the subject of pledge) is transferred into the possession of the pledgee, proprietary legal relations with regard to the possession of the pledge are of an auxiliary nature. Relative pledge relationships are always ancillary in nature.

Keywords: Pledge, legal relationship, civil law subjects, pledge relationship, primary absolute pledge relationship, subsidiary absolute pledge relationship, relative pledge relationship.

Проблема структурирования правоотношений, как нам представляется, находится в сердцевине юридической профессии, юридической практики, юридической науки и юридического образования. Однако понимания этой проблемы не было никогда¹. Даже классик мировой юриспруденции, создатель чистого учения о праве Ганс Кельзен рассматривал правоотношения между двумя индивидами, один из которых наделен субъективным правом, а другой несет обязанность². При наличии связи между обязанностью одного индивида с корреспондирующим ей правом другого индивида и обязанностью другого индивида с корреспондирующим ей правом первого индивида Г. Кельзен говорил уже о «правоотношении особого рода»³. Ученый видел в обычном юридическом явлении феномен особого рода.

Наш современник С. А. Синицын вместо того, чтобы поставить проблему структурирования сложного комплекса гражданских правоотношений, образующих правовую конструкцию обязательства, увидел на примере этого комплекса только динамическую природу обязательственных прав: «Динамическая природа обязательственных прав предполагает смену субъекта обязанности и права требования в период жизни едва ли не каждого обязательства, к примеру, кредитор по заключенному договору обязуется предоставить кредит, а должник вправе требовать зачисления суммы кредита на свой

¹ Камышанский В. П. Рецензия на учебник «Актуальные проблемы гражданского права» // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 156.

² Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 210.

³ Там же.

счет, но должник правомочен требовать от кредитора надлежащих условий сохранения переданного предмета залога в обеспечение кредитного обязательства, неразглашения конфиденциальной информации о деятельности должника»¹.

Далее С. А. Сеницын пишет: «После зачисления суммы кредита на счет должника, исполнения предусмотренных договором условий считается, что кредитор вправе требовать от заемщика возврата кредита и уплаты предусмотренных договором процентов за пользование им, использования полученного кредита строго по целевому назначению согласно условиям договора. Как видим, в период “жизни” обязательства должник и кредитор нередко меняются местами в части несения установленной юридической обязанности и осуществления конкретных правомочий»². Нетрудно заметить, что С. А. Сеницын рассматривает обязательство как комплексное явление. В одно обязательство ученый включает правовые связи не только по поводу предоставления кредита и его возврата, но и относительно «сохранения переданного предмета залога», хотя задача заключается именно в структурировании таких сложных комплексов правоотношений и сложных правоотношений.

Особенно остро стоит проблема структурирования залоговых правоотношений. Залог представляет собой сложный комплекс правоотношений, который нельзя назвать правоотношением (в единственном числе), но это допускалось и ранее³. Сегодня это допускает даже решительный противник идеи сложных правоотношений⁴ – В. А. Белов⁵.

Изложенное дает основание утверждать, что проблема, которую предполагается исследовать в настоящей статье, является актуальной. Хотя специально данная проблема в науке гражданского права и не исследована, методологическая база для ее изучения создана в научных трудах М. М. Агаркова, Н. Г. Александрова, Р. С. Бевзенко, В. А. Белова, В. Г. Ротаня.

¹ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 461.

² Сеницын С. А. Указ. соч.

³ Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 214–215.

⁴ Белов В. А. Гражданское право. Т. 4. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. С. 36; Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 424.

⁵ Белов В. А. Очерки вещного права. М.: Юрайт, 2015. С. 100.

Цель настоящей статьи заключается в попытке сформулировать теоретические положения о структурировании залоговых правоотношений. Они (теоретические положения) могли бы использоваться при актуальном по-прежнему совершенствовании положений Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) о залоге.

Исходным пунктом исследования структуры залоговых правоотношений служит мысль Н. Г. Александрова о правоотношениях в элементарном виде, которые являются элементами сложного правоотношения и из которых в совокупности складывается сложное правоотношение¹. Следует также использовать как методологические средства и сформулированные М. М. Агарковым положения, предполагающие выделение основных обязательств² («ядра» всякого обязательственного отношения³), вспомогательных обязательств⁴ и дополнительных обязательств⁵. Кроме того, М. М. Агарков обратил внимание и на другие «осложнения» обязательственного отношения⁶.

К идее структурирования залоговых правоотношений подталкивают и мысли Д. И. Мейера о «ядре залога», которое состоит в праве залогодателя требовать при неисправности должника продажи заложенного имущества и из выручки получить удовлетворение⁷, и позиция Г. Ф. Шершеневича о «главном праве», которое составляет сущность залога и которое состоит в продаже заложенных вещей для удовлетворения из вырученных сумм требований кредиторов – залогодержателей⁸.

Таким образом, существует задача структурировать комплекс правоотношений в целом, образующих правовую конструкцию залога, выявить главное правоотношение,

¹ Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокр. стенограмма доклада, прочитанная на Науч. сессии Ин-та 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 21.

² Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. С. 267.

³ Там же С. 275.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Там же. С. 246, 277.

⁷ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 56.

⁸ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 249.

составляющее сущность залога (его «ядро»), и остальные правоотношения, образующие правовую конструкцию залога.

Различают два класса гражданских правоотношений – абсолютные и относительные, в которые объединяются гражданские правоотношения. Полагаем, что все гражданские права, принадлежащие субъектам гражданского права, и все обязанности, которые они несут, существуют только в правоотношениях, поскольку предоставление субъектам прав и возложение на них обязанностей имеет смысл лишь в том случае, если это происходит с целью регулирования общественных отношений. Существует проблема непосредственного и опосредованного правового регулирования общественных отношений, но она важна в большей степени для определения границ правового регулирования, определения той точки, где правовое регулирование заканчивается и начинается то, что Р. Иеринг назвал рефлексивным действием права¹. Определение этой точки не представляет сложности: она находится в той части, где правоотношение прекращается в связи с исполнением обязанности и реализацией права, образующих содержание соответствующего правоотношения. После этой точки могут наступать явления, которые можно назвать последствиями действия права. Но наступление таких последствий происходит вне правовой формы. Поэтому поиск правоотношений в данном случае был бы неуместен, а до указанной точки категории гражданского правоотношения следовало бы «придать самое широкое значение»². Предложенное понимание правоотношения дает нам основание признать существование не только абсолютных, в том числе вещных, гражданских правоотношений, не только обязательств как основной разновидности относительных гражданских правоотношений, но и относительных гражданских правоотношений. Содержание последних составляют секундарные права или обязанности, которым не корреспондируют субъективные права. Это – исходный пункт для дальнейших наших рассуждений о структуре залоговых правоотношений.

¹ Иеринг Р. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 563.

² Ротань В. Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть Закона. 2019. № 4. С. 66.

И в структуре гражданских правоотношений, и в структуре залоговых правоотношений мы обнаруживаем правоотношения абсолютные, в том числе вещные, и относительные, в том числе обязательства¹.

Относительные правоотношения в структуре залоговых правоотношений обнаружить несложно. Не составит труда выявить и их содержание. Законодатель избегает употребления термина «относительные залоговые правоотношения». Но наличие соответствующего гражданско-правового явления законодатель признает, используя термин «залог между залогодателем и залогодержателем» (п. 1 ст. 334.1 ГК РФ). Представляется, что использование вместо этого термина понятия относительных залоговых правоотношений (не только вместо, но и вообще) создало бы предпосылки для гораздо большей, чем сегодня, формальной определенности законодательных положений о залоге. Пока же законодатель стремится быть ближе к языку повседневного общения, а не к научной терминологии. Если исходить из изложенного выше тезиса о существовании субъективных гражданских прав лишь в правоотношениях, то и выражение законодателя «права залогодержателя в отношениях с залогодателем» (п. 1 ст. 341 ГК РФ) можно истолковать как косвенное признание законодателем такого гражданско-правового явления, как относительные залоговые правоотношения.

Отказ законодателя от использования термина «относительные залоговые правоотношения» стал одной из причин того, что законодатель стал проявлять непоследовательность в использовании терминов. Это привело к формальной неопределенности соответствующих законодательных положений. Так, используя в первом предложении п. 1 ст. 334.1 ГК РФ слова «залог между залогодателем и залогодержателем», законодатель уже во втором предложении этого пункта использует термин «залог» («в случаях, установленных законом, залог возникает...»). Это порождает

¹ Гойна А. Е., Камышанский В. П. Залог как обеспечительное вещное право // Гражданское законодательство: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник научно-практических статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (симпозиума) для обучающихся по программам аспирантуры, магистратуры и бакалавриата. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2019. С. 42.

несложный, казалось бы, вопрос о том, каким образом толковать в таком случае термин «залог». Но данный вопрос предполагает необходимость знания ответа еще на один вопрос. Чему следует отдать предпочтение при правотолковании – тексту (букве) закона или его контексту? Однако ответа в учебной литературе найти не удалось. Лишь в издании, подготовленном группой крымских ученых, утверждается, что основное правило об учете контекста при правотолковании предполагает, что контекст должен учитываться всегда и преимущественно перед текстом (словами)¹. И это правильно, поскольку «то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления»².

Исходя из изложенного, слово «залог» во втором предложении п. 1 ст. 334.1 ГК РФ следует понимать как относительные залоговые правоотношения. Но, если бы законодатель вместо многозначного слова «залог» во втором предложении п. 1 ст. 334.1 ГК РФ использовал термин «относительные залоговые правоотношения», юридическое содержание этого законодательного положения обнаружить было бы проще.

Подобная ситуация находит отражение и в ст. 341 ГК РФ: сначала, в п. 1, приведены слова «права залогодержателя в отношениях с залогодателем», затем, в п. 2, 3 – многозначное слово «залог». Это же слово представлено в заглавии указанной статьи («возникновение залога»), что еще в большей степени осложняет понимание ее содержания. Но такое содержание можно было бы обнаружить без каких-либо затруднений, если бы и в этом случае законодатель приблизился к науке и стал употреблять термин «относительные залоговые правоотношения» (в п. 1 ст. 341 ГК РФ вместо слов «права залогодержателя в отношениях с залогодателем», в п. 2, 3 ст. 341 ГК РФ – вместо слова «залог» или термин «относительные залоговые правоотношения», или одновременно и термин «относительные залоговые правоотношения», и термин «основное абсолютное залоговое правоотношение» в зависимости от того, какое юридическое содержание законодатель стремится придать пунктам 2 и 3 ст. 341 ГК РФ).

¹ Новейшее учение о толковании права / отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2019. С. 731.

² Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. С. 14.

Пока же предлагаемые изменения в ст. 341 ГК РФ не внесены, п. 1 этой статьи сегодня следует толковать следующим образом: речь идет в нем о моменте возникновения относительных залоговых правоотношений. Подразумевается, что права залогодержателя возникают ввиду указания на это в п. 1 ст. 341.1 ГК РФ, а корреспондирующие им обязанности залогодателя возникают, поскольку они являются «отражением» права, установленного п. 1 ст. 341.1 ГК РФ. В связи с этим такие обязанности могут быть текстуально не закреплены. Термин «залог», представленный в п. 2 и 3 ст. 341 ГК РФ, можно толковать и как комплекс в целом залоговых правоотношений, и таким образом, как залог определен в п. 1 ст. 334 ГК РФ, и как «относительные залоговые правоотношения». Первый вариант толкования вытекает из содержания параграфа 3 главы 23 ГК РФ. Второй вариант выступает как результат использования для целей толкования законодательного положения легального определения понятия «залог». Третий вариант предполагает учет контекста ст. 341 ГК РФ: явление, обозначенное неопределенным термином «залог» в специальных правовых нормах, установленных п. 2 и 3 ст. 341 ГК РФ, должно быть таким же, что и явление, обозначенное в общей норме, предусмотренной п. 1 ст. 341 ГК РФ, как «залог между залогодателем и залогодержателем». Иначе теряется логика в законодательном дискурсе, а законодательный текст приобретает признак сумбурности.

На основе норм института залога рождается широкий спектр относительных залоговых правоотношений. Это – обязательства, относительные гражданские правоотношения, содержание которых составляют секундарные права, и относительные гражданские правоотношения, содержание которых составляют обязанности, которым не корреспондируют субъективные права.

Обязательства, возникающие на основе норм гражданско-правового института залога, могут быть имущественными, организационными, информационными, обязательствами с отрицательным содержанием. Все относительные залоговые правоотношения носят вспомогательный характер (по их роли в правовой конструкции залога). Поэтому следует критически оценить утверждение об обязательственной природе залога, восходящее к Д. И. Мейеру¹ и наиболее последовательно

¹ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 438–439.

отстаиваемое сегодня В. В. Витрянским¹. Несмотря на то, что обязательства, входящие в содержание правовой конструкции залога, имеют вспомогательный характер, они в соответствующих случаях могут обеспечиваться надлежащими способами, их нарушение может влечь ответственность в виде возмещения убытков, а в ряде случаев – и в виде процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ. В связи с этим могут возникать дополнительные залоговые обязательства относительно применения мер обеспечения и мер ответственности. Широкий спектр залоговых обязательств и других относительных залоговых правоотношений исключает возможность их детального анализа в настоящей статье.

Абсолютные залоговые правоотношения представлены двумя видами: основным абсолютным залоговым правоотношением, содержание которого определено в п. 1 ст. 334 ГК РФ, и вспомогательными абсолютными залоговыми правоотношениями. Основное абсолютное залоговое правоотношение предопределяет гражданско-правовую природу залога: она всегда является абсолютной, в том числе если предмет залога служит право. Абсолютность основного залогового правоотношения заключается в том, что управомоченному в этом правоотношении (залогодержателю) противостоит всякий и каждый, несущий обязанность не нарушать право залогодержателя. Но это правоотношение между залогодержателем и третьими лицами не является непосредственным. Оно опосредуется предметом залога. Если в качестве предмета залога выступает вещь, то основное абсолютное залоговое правоотношение приобретает характер вещного. В таком случае уместно говорить также о вещном характере (о вещной природе) залога. Сущность основного абсолютного права залогодержателя раскрыта в п. 1 ст. 334 ГК РФ и состоит в его праве получить удовлетворение своего обеспеченного залогом требования из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.

Основное абсолютное (в соответствующих случаях – вещное) право залогодержателя на предмет залога в итоге осуществляется через право залогодержателя обратиться с иском на предмет

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1997. С. 402–403.

залога (заложенное имущество). Право обратиться с иском на предмет залога конкретизирует основное абсолютное право залогодержателя, но не выходит за пределы указанного основного абсолютного права. Обращение с иском на заложенное имущество производится, как правило, в судебном порядке.

Процессуальной формой такого обращения как материального права залогодержателя является иск залогодержателя к залогодателю об обращении с иском на заложенное имущество. Несмотря на конкретизацию ответчика, защищаемое в таком процессе материальное (основное абсолютное залоговое) право сохраняет и на этой стадии свой абсолютный (в соответствующих случаях – вещный) характер. Это объясняется тем, что в таком деле залогодержатель (истец) не предъявляет материально-правовых требований к залогодателю (ответчику). Он лишь просит суд дать разрешение на осуществление своего основного абсолютного залогового права в предусмотренных законом процессуально-правовых (в том числе процессуально-исполнительных) формах.

Участие залогодателя в таком судебном процессе в качестве ответчика обосновано не тем, что залогодержатель предъявляет требования к залогодателю, а тем, что предмет залога является единым, лиц, которые имеют на него абсолютные права, по крайней мере, два. В таких условиях суд должен принять властное (судебное) решение, которое откроет путь к осуществлению основного абсолютного права залогодержателя на предмет залога и не допустит ущемления права залогодателя на этот же предмет.

Защищенное судом основное абсолютное залоговое право залогодержателя не прекращается ни после принятия судом решения об обращении с иском на заложенное имущество, ни после вступления этого решения в законную силу: оно не прекратится до момента получения залогодержателем удовлетворения его обеспеченного залогом требования из стоимости заложенного имущества. Даже и указание в подп. 4 п. 1 ст. 352 ГК РФ на прекращение залога в связи с реализацией заложенного имущества в целях удовлетворения требования залогодержателя в установленном порядке должно толковаться как прекращение права залогодержателя на заложенное имущество, а не как прекращение основного абсолютного залогового права залогодержателя на получение соответствующего удовлетворения.

Но материально-правовые формы, конкретизирующие основное абсолютное залоговое правоотношение, после вступления в силу решения суда об обращении взыскания на заложенное имущество уже могут выходить за пределы основного абсолютного залогового правоотношения и даже за пределы залоговых правоотношений: нельзя назвать залоговыми ни гражданские правоотношения, возникающие в процессе реализации заложенного имущества, ни тем более возникающие публичные правоотношения. Это – правоотношения, связанные с залогом. Но они связаны с залогом тесно, поскольку основное абсолютное залоговое правоотношение прекращается с получением залогодержателем удовлетворения из стоимости заложенного имущества. Получает залогодержатель удовлетворение в публично-правовой форме: деньги на банковский счет залогодержателя перечисляет подразделение Федеральной службы судебных приставов со своего депозитного счета (п. 1 ст. 110 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Однако то, что делает при этом подразделение службы судебных приставов, должно быть квалифицировано как принудительное осуществление основного абсолютного права залогодержателя на получение денежной суммы из стоимости проданного имущества, ранее имевшего правовой режим заложенного. Поэтому перечисленная взыскателю (залогодержателю) денежная сумма засчитывается в счет требования, подтвержденного решением суда, которое подразделение судебных приставов принудительно исполняет, то есть в итоге – в счет исполнения обеспеченного залогом обязательства.

Абсолютный характер основного залогового правоотношения проявляется в процедуре ликвидации юридического лица (абзац второй п. 2 ст. 64 ГК РФ) и в процедуре банкротства (ст. 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Следует рассмотреть и проблему возникновения основного абсолютного залогового правоотношения. Субъективное право залогодержателя, составляющее содержание указанного правоотношения, в соответствии с п. 1 ст. 334 ГК РФ возникает «в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения» обеспеченного залогом обязательства. Это законодательное положение представляется допустимым интерпретировать как в момент (или в день), когда такое нарушение допущено. Однако

при такого рода интерпретации п. 1 ст. 334 ГК РФ трудно объяснить возникновение правоотношений, предусмотренных ст. 343, 346 ГК РФ, уже в момент заключения договора залога даже в тех случаях, если обеспечиваемое залогом обязательство возникает позднее (п. 3 ст. 341 ГК РФ). Конечно, законодатель уполномочен на принятие любых законодательных решений, представляющихся ему целесообразными. Но все-таки обычно логика в действиях законодателя прослеживается.

Логично предположить следующее. Поскольку законодатель установил правила о публичной регистрации или публичном учете залогов, основное абсолютное залоговое правоотношение возникает с момента придания публичности залогу, хотя общего четкого правила в связи с этим законодатель не установил. Появляется вопрос о том, какое содержание имеет такое правоотношение до момента неисполнения или ненадлежащего исполнения обеспеченного залогом обязательства. Представляется, что с момента возникновения основное абсолютное залоговое правоотношение имеет рамочный характер. В его рамках устанавливается абсолютная связь залогодержателя с предметом залога. Субъективные права залогодержателя, образующие содержание основного абсолютного залогового правоотношения, могут конкретизироваться, но могут иметь и прямое действие. Попытаемся показать это на примере рассмотрения вопроса о том, имеет ли залогодержатель право истребовать заложенное движимое имущество из незаконного владения третьего лица для передачи данного имущества залогодателя.

Указанный вопрос поставлен Р. С. Бевзенко с учетом п. 3 ст. 33 Федерального закона «Об ипотеке», который предоставляет залогодержателю право на истребование предмета залога из незаконного владения третьих лиц. Автор пришел к выводу о том, что данный вопрос является дискуссионным, а из текста ст. 347 «Защита залогодержателем своих прав на предмет залога» ГК РФ положительный ответ на поставленный вопрос не следует¹.

С этим нельзя не согласиться. Однако возникает вопрос о том, может ли залогодержатель движимого имущества

¹ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 342.

истребовать его из незаконного владения третьего лица на основании п. 1 ст. 334 ГК РФ. Полагаем, что может, поскольку это необходимо для защиты права залогодержателя, установленного п. 1 ст. 334 ГК РФ. В нем закреплена норма прямого действия, которая может быть конкретизирована, но применяется и без конкретизации. Любое управомоченное лицо, если иное не установлено законом, имеет право на защиту его права способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, а конкретнее – способом (из предусмотренных ст. 12 ГК РФ), соответствующим содержанию нарушенного права, характеру и последствиям его нарушения. Менее приемлемым было бы признать, что правовая норма, установленная п. 1 ст. 334 ГК РФ, не имеет признака прямого действия. Только законодатель наделен полномочием лишить установленную им правовую норму признака прямого действия. Если это им не установлено, то соответствующая правовая норма должна быть признана нормой прямого действия.

Вместе с тем следует учитывать, что конкретизация права залогодержателя, входящего в содержание основного абсолютного залогового правоотношения, может осуществляться не только в пределах этого правоотношения, но и путем установления правовых норм, являющихся основанием новых правоотношений. Так, в приведенном выше случае п. 3 ст. 33 Федерального закона «Об ипотеке» конкретизирует п. 1 ст. 334 ГК РФ, не предусматривая выхода за пределы и п. 1 ст. 334 ГК РФ, и основанного на данном законодательном положении основного абсолютного залогового правоотношения. Однако как конкретизирующие и п. 1 ст. 334 ГК РФ, и указанное залоговое правоотношение могут рассматриваться положения ст. 343 и 346 ГК РФ, являющиеся законодательным основанием относительных залоговых правоотношений (обязательств).

Ст. 338 ГК РФ допускает, что в соответствии с законом или договором предмет залога будет передан во владение залогодержателя. На основании указанной статьи, иных законодательных положений и договора залога возникают вспомогательные абсолютные (вещные) залоговые правоотношения. Они выходят за пределы основного абсолютного залогового правоотношения, хотя и конкретизируют его.

Такой, насколько возможно показать в рамках статьи, видится структура залоговых правоотношений. Учет этой

структуры при разработке параграфа 3 главы 23 ГК РФ мог бы существенно повысить уровень формальной определенности соответствующих законодательных положений, исключить смешивание разных по своей природе, значению и правовому режиму абсолютных и относительных залоговых правоотношений. В этих же целях необходимо дальнейшее детальное исследование отдельных видов залоговых правоотношений.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. 490 с.
2. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокр. стенограмма доклада, прочитанная на Науч. сессии Ин-та 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. 26 с.
3. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. 521 с.
4. Белов В. А. Гражданское право. Т. 4. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. 1085 с.
5. Белов В. А. Очерки вещного права. М.: Юрайт, 2015. 332 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1997. 682 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
8. Гойна А. Е., Камышанский В. П. Залог как обеспечительное вещное право // Гражданское законодательство: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник научно-практических статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (симпозиума) для обучающихся по программам аспирантуры, магистратуры и бакалавриата. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2019. С. 41–45.
9. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
10. Иеринг Р. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 618 с.
11. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 837 с.
12. Камышанский В. П. Рецензия на учебник «Актуальные проблемы гражданского права» // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 156–157.
13. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

14. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 831 с.
15. Новейшее учение о толковании права / отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2019. 792 с.
16. Ротань В. Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть Закона. 2019. № 4. С. 57–88.
17. Синицын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 604 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее семи источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала

«Власть Закона»

в интернет-магазине: www.niiapsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.
ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.
ГОД(ЧЕТЫРЕ ВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!

